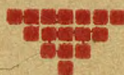

ДМ. ШУМЯКОВЪ

Тікај 50. snt.
Только 25 руб.

ДОМЪ РАДОСТИ

РОМАНЪ

1929.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ГУДКОВА
РИГА (ЛАТВІЯ), АНТОНИНИНСКАЯ УЛИЦА, № 11
ТЕЛЕФОНЪ № 32056.

ДМ. ШУМЯКОВЪ

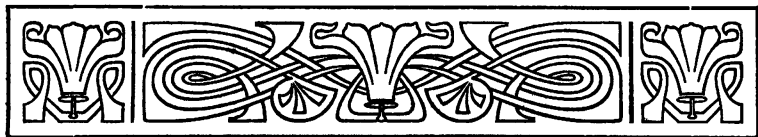
ДОМЪ РЯДОСТИ

РОМАНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ГУДКОВА
РИГА (ЛАТВИЯ), АНТОНИНИНСКАЯ УЛИЦА, № 11
ТЕЛЕФОНЪ № 32056.

Печатано въ типографіи
Перваго Типографскаго
Кооператива въ г. Ригѣ,
улица Меркеля, д. № 6.

ГЛАВА I.

Приемная въ гимназiи Ю. Х. Данемана—большая въ четыре окна комната. Въ шкапахъ съ надписью: „Досугъ нашихъ учениковъ“, опоясывающихъ стѣны, выставлены приборы по физикѣ, картограммы, рисунки карандашемъ и акварелью, работы по лѣпкѣ. Въ простѣнкахъ межъ оконъ подъ большимъ плакатомъ: „Занятiя нашихъ учениковъ“, развѣшены фотографiи, изображающiя отдѣльные моменты уроковъ танцевъ, гимнастики, химiи и др. Рядъ столовъ посрединѣ комнаты былъ занятъ отдѣлами: „Спортъ нашихъ учениковъ“, „Наши ученики за-границей“. Здѣсь все до послѣдней мелочи говорило о школѣ и о той рукѣ, которая собрала это и бережно хранила, и у заходившаго въ приемную вызывало увѣренность, что тамъ за стѣной, среди дѣтей, работаетъ эта же заботливая рука.

— Живемъ! Смотрите! — указаль Щастному на шкапы Иванъ Ивановичъ Штромбергъ, офиціально завѣдывавшій хозяйствомъ гимназiи, а фактически и руководившій учебнымъ дѣломъ. — Въ обществѣ насъ уже замѣтили, цѣнять...

Прозвучаль звонокъ. Штромбергъ всталъ и, увлекая Щастнаго къ дверямъ, покровительственно-дружески проговориль:

— Ну, а теперь, Андрей Павловичъ, я думаю, все выяснено. Вы нашъ. Такъ?

— Такъ.

— Вотъ хорошо. — И, придерживавъ Щастнаго у порога, Штромбергъ обратился къ нему: — У меня къ вамъ большая просьба: дайте урокъ въ пригото-

тельномъ классѣ сейчасъ. Это очень устроило бы насъ сегодня. Занятія полностью начнете ужъ съ понедѣльника.

— Иванъ Ивановичъ, а я еще не представлялся директору!

— Все уже сдѣлано. Какъ только я получилъ письмо отъ нашего общаго друга, я сейчасъ же переговорилъ съ директоромъ о вашихъ урокахъ въ гимназій. Ну, а что касается высшаго начальства, такъ у насъ обычай такой установился — не ждемъ, пока бюрократическая машина приготовитъ бумагу о допущеніи преподавателя къ занятіямъ... — Въ открытую Штромбергомъ дверь ворвалось многоголосое звучащее, словно шумъ прибоя на морѣ. — Ну, за дѣло! — потрепалъ Щастнаго по плечу Штромбергъ и скрылся въ быстро движущейся гущѣ гимназистовъ.

Ожидая, пока станетъ посвободнѣе въ коридорѣ, Щастный принялся за чтеніе листа, прибитаго на дверяхъ. Содержаніе его, а особенно строчки, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ и гласившія: „...*помѣщеніе училища удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ гигиены. Отдавая дѣтей въ учебное заведеніе Данемана, господа родители могутъ быть увѣрены не только въ чистоту моральной обстановки школы, но и въ чистоту того воздуха, которымъ будутъ дышать дѣти...*“ какъ-то покоробили Щастнаго, вызвавъ у него представленіе о торговомъ предпріятіи, зазывающемъ къ себѣ покупателей.

Въ учительской Щастнаго встрѣтилъ Григорьевъ вопросомъ:

— Переговорилъ?

— Да. Сегодня даже начинаю. Кстати, гдѣ у васъ приготовительный классъ?

— На кухнѣ! — неожиданно отвѣтилъ за Григорьева его сосѣдъ—невзрачный, весь, отъ форменныхъ брюкъ до волосъ, вылинявшій господинъ, не вынимая изо рта папиросы, вставленной въ щель отъ выпавшаго впереди зуба.

Григорьевъ познакомилъ заговорившаго съ Щастнымъ:

— Митрофанъ Леонидовичъ Булавичъ...

— Очень пріятно, — отозвался Булавичъ, пожи-

мая руку Щастнаго. — Пятнадцатый годъ за деньги латынь и прочую филологію показываю. А вы?

— Я собственно... — началъ Щастный, словно придумывая отвѣтъ: — хотѣлъ приглядѣться...

— Такъ, такъ, — проговорилъ Булавичъ, оглядывая говорившаго такимъ же колюче-испытующимъ изъ-подлобья взглядомъ, какимъ обыкновенно смотрѣлъ на списывающихъ учениковъ. — Пора подыматься!

Въ коридорѣ столкнулись съ мѣшковатой фигурой, одѣтой въ виць-мундиръ, которая сначала отшатнулась къ стѣнѣ, а затѣмъ, пригнувшись, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ. Щастный увидѣлъ передъ собой плотно посаженную на туловище голову, обстриженную наголо, съ оставленнымъ у лба хохолкомъ. Маленькіе, хитро-прищуренные глазки лисы, боязливо-масляные, приблизились совсѣмъ къ лицу Щастнаго.

— Вы кого дѣлаете исканіе? Какія вещи можете имѣть для доложенія?

Булавичъ расхохотался:

— Идите себѣ, Юлій Христіановичъ, спокойно. Это ни кредиторъ, ни родитель. Это нашъ новый преподаватель.

Фигура захорохорилась, приняла напыженно солидную осанку и внушительно проговорила:

— Я васъ не спрашивалъ. Я—директоръ и все самъ знаю. — И фигура обратилась къ Щастному: — Я васъ назначилъ безглазно, по докладу Іоганъ Штромбергъ, я это знаю. Пожалуйста, заходить въ мой кабинетъ послѣ урока. Теперь только дѣлаю вамъ поминаніе: дисциплина über Alles. Незыблима есть истина: ученикъ встаетъ разомъ, вытяжкой, и садится тогда, когда господинъ учитель даетъ команда, на урокъ не двигается и абсолютно имѣетъ углубленіе въ ваше преподаваніе...

Фигура успѣла скрыться за дверью, а Булавичъ все еще хохоталъ:

— Два года созерцаю эту рожу, а все никакъ не могу привыкнуть—подмываетъ при видѣ ея подъ ложечкой.

— Однако, вы довольно непочтительны, — замѣ-

тилъ Щастный, пораженный тономъ, которымъ Булавичъ говорилъ съ директоромъ.

— Помилуйте! Я былъ любезенъ съ нимъ. Мой разговоръ—прямо соловьиное пѣніе по сравненію съ тѣмъ, къ чему онъ привыкъ. Это онъ только передъ вами свой престижъ поддерживалъ.

Входя въ помѣщеніе, отведенное подъ младшіе классы, Щастный принужденъ былъ зажать себѣ носъ: пахло какой-то дрянью, не то цвѣлью, не то амміакомъ.

— Привыкнете, — шепнулъ Щастному Булавичъ, приглашая идти за нимъ въ конецъ пыльнаго зала. — Учительская у насъ... вотъ въ эту дверь... милости просимъ.

— Да вѣдь это кухня!

— Для кого кухня, а для насъ учительская, — бросилъ Булавичъ, здороваясь съ длиннымъ худощавымъ человѣкомъ, бывшимъ въ кухнѣ. — Ну, знакомьтесь! Новый коллега... Андрей Павловичъ, кажется?

— Совершенно вѣрно, — подтвердилъ Щастный.

— А вамъ, Андрей Павловичъ, рекомендую: похоронный басъ... но больше пьющій, чѣмъ поющій. Любите и жалуйте. Фамилія Забоевъ.

Забоевъ, любезно поздоровавшись, предложилъ табуретку Щастному, которому пришлось сѣсть такъ, что накаленная до-красна печь пришлась по сосѣдству съ нимъ.

Рекламный листокъ, аналогичный тому, который былъ прибитъ на дверяхъ великолѣпно обставленной гимназической пріемной, висѣлъ и здѣсь надъ столомъ, на которомъ были навалены журналы и географическія карты, на потрескавшейся засиженной мухами стѣнѣ. И, какъ показалось Щастному, строчки рекламы какъ будто косились, а фраза:

„Создать ДОМЪ РАДОСТИ для дѣтей —
нашъ девизъ!“

глядѣла на окружающее съ нескрываемой насмѣшкой.

— Хорошо у насъ, какъ на тропикахъ, — прохрипѣла октава, заставивъ вздрогнуть задумавшагося Щастнаго. — Жаль, Франція придетъ: всѣ форточки открыть.

— Господи, спаси мой флюсъ! — скривился Бу-

лавичъ. — Милліонъ сто двадцать тысячъ разъ повторялъ и буду повторять, что хуже бабы съ жаромъ въ крови и безъ воздуха въ легкихъ ничего на свѣтѣ нѣтъ. И родятся же на свѣтѣ такіе ананасы!!

— Къ сожалѣнію, факты говорятъ, что это такъ, — поддакнулъ Забоевъ. — И больше того, эта порода попадаетъ въ преподавательницы для насажденія эстетики въ школѣ путемъ поэтическихъ упражненій сихъ дѣвицъ въ російскомъ ругательскомъ словарѣ.

— Т-съ, — предупредилъ Булавичъ: — запахло духами, Франція приближается.

— На урокъ что ли поплетемся, звонокъ былъ... да и послѣ жары стоятъ подъ открытой форточкой, ой-ой, — бросилъ Забоевъ, вставая и подходя къ полкѣ съ классными журналами.

— Стойте! Въ единеніи сила! Организуемъ вооруженное сопротивленіе! — остановилъ Забоева Булавичъ. — Начинаю! Итакъ, новый анекдотъ... для мужинъ и француженокъ, но отнюдь не для дамъ...

— Извините, я дама, — замѣтила вошедшая преподавательница французскаго языка, трясаясь въ злобной вспышкѣ всѣмъ своимъ ожирѣвшимъ тѣломъ.

— Какая вы дама, вы—дѣвица.

— Je vous pris!

— Сударыня, въ русскомъ языкѣ „дама“—вполнѣ опредѣленное понятіе.

— Господа, откройте форточку!

— Катай! — громыхнулъ Забоевъ, загораживая собой дорогу къ окну. — Да поживѣ!... не то въ бѣгство обращайся...

Булавичъ надрывался, рассказывая. До конца анекдота было далеко еще, какъ кто-то зазвонилъ въ самой учительской.

— Холостякъ, не балуйся. Да не звони ты! Слышишь, Павелъ Ивановичъ! — взмолился Булавичъ.

— Право, пора, — продолжалъ звонить надзиратель младшаго возраста Гуковъ.

— Пойдемъ, что ли, поучимъ, — предложилъ Забоевъ.

— Да подожди ты! Пусть Холостякъ отгадаетъ, что это: „круглый, горбатый, кругомъ волосатый; придетъ бѣда—потечетъ вода“.

Павель Ивановичъ покраснѣлъ и, махнувъ рукой, отошелъ. — Ишь зардѣлъ, словно маковъ цвѣтъ. Все у тебя, Холостяка, неприличныя мысли въ головѣ ходуномъ ходятъ. Ну, успокойся! Знаешь, что это? Нѣтъ? Такъ я скажу — глазъ.

— Ну, идемъ, братцы! — И, беря журналъ, онъ негромко сказалъ Щастному, съ удивленіемъ смотрѣвшему на происходившее: — Знаете, тамъ, въ главномъ зданіи, мы сплошь четыре-пять часовъ цирлихъ-манирихъ блюдемъ. Поневолѣ, какъ вырвешься оттуда, — посмѣяться захочется. Кухню оттого и люблю, что вольготно. Тутъ и уроки ярче выходятъ. Отведешь душу, и легче тянешь учительскій возъ. — У порога класса онъ не утерпѣлъ, чтобы не подразнить Гукова: — Холостякъ, ась?! Знаешь, какая разница между леденцомъ и собачьимъ хвостомъ?

— Не знаю, — огрызнулся надзиратель.

— Не знаешь? Такъ пососи, тогда узнаешь.

Странно было видѣть Щастному блѣдныя лица малютокъ, наряженныхъ въ гимназическія блузы. Онъ привыкъ къ обвѣтреннымъ лицамъ, съ спокойными пытливыми глазами, въ своей приходской школѣ, привыкъ къ тѣмъ, отъ которыхъ пахло хлѣбомъ, полями и дегтемъ. А эти малыши, всѣ кругомъ, казались заморышами, хрупкими фарфоровыми куклами — возмешь въ руки, того и гляди, разломаешь. Началь дѣлать перекличку. Пошли недоразумѣнія. Одинъ мальчикъ забылъ свою фамилію; другой измучилъ, говоря минутъ пять первый слогъ своего имени, третій преспокойно началъ закусывать и т. д.

Озадаченный отношеніемъ дѣтей къ занятіямъ, вышелъ изъ класса Щастный. Въ учительской подѣлился своими впечатлѣніями съ Григорьевымъ.

— Не огорчайся, Андрей Павловичъ! Дѣти города не такъ дисциплинированы... зато они тоньше и глубже чувствуютъ.

— Идіоты, — безапелляціонно перебила Григорьева преподавательница французскаго языка.

— Положимъ, что для васъ достаточно человѣку не имѣть хорошаго прононса, чтобы попасть въ рядъ идіотовъ, — бросилъ той Булавичъ и заговорилъ съ Щастнымъ. — Справедливость требуетъ отмѣтить,

что, съ соизволенія начальства, въ параллель приготовительнаго класса, гдѣ вы сейчасъ были, выбрали самыхъ слабыхъ учениковъ. Сей мужъ — указаль онъ на Григорьева — съ однимъ дряхлымъ старичкомъ, преподавателемъ Березнякомъ, совокупно продѣлываютъ опыты индивидуализаціи обученія. Словомъ, педагогъ насаждаетъ новые методы, а для гимназій это реклама, и можно всякую заваль принимать. И волки сыты, и овцы цѣлы.

— Полно проповѣдывать, — вмѣшался Забоевъ: — не пора ли итти въ другое зданіе?

— Успѣемъ еще. Погодите! Въ запасъ еще загадка... зовите Холостяка. Рѣшайте: „какая разница между женщиной и крокодиломъ?“ А? — опять разошелся Булавичъ.

ГЛАВА II.

Осталось чтеніе циркуляровъ и директорское сообщеніе, когда Штромбергъ покинулъ залъ засѣданія педагогическаго совѣта, отговорившись необходимостью ѣхать въ какое-то общество на докладъ. Отъѣздъ послѣдняго сразу отнялъ характеръ дѣловитости у собранія. Педагоги разбились на группы и завели бесѣду, нисколько не стѣсняясь, словно это была гостиная. Лишь изрѣдка, въ случайные моменты затишья, послѣ взрыва сильнаго хохота можно было слышать монотонный голосъ секретаря совѣта, что-то читающаго, да звонокъ директора.

— Слава Богу, заупокойную циркулярамъ, кажется, дочитываютъ. Затѣмъ, директорское словоизверженіе... и баста, — со вздохомъ облегченія проговорилъ Булавичъ въ сторону сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Щастнаго. — Вы еще не оглохли?

— У васъ часто бываетъ такой шумъ на засѣданіяхъ?

— Обычно засѣданія ведетъ Штромбергъ, а Данеманъ мирно дремлетъ подлѣ него. Сегодня же послѣдній остался одинъ. А видите-ли, директоръ обладаетъ удивительною способностью создавать без-

порядокъ тамъ, гдѣ онъ появляется, будь то среди учениковъ, или вотъ здѣсь — на совѣтѣ. Но, конечно, есть еще другая причина. Данеманъ — владѣлецъ учебнаго заведенія только на бумагѣ. Всѣ важныя дѣла рѣшаются помимо него. Три года тому назадъ онъ влѣзъ въ долги, не платилъ жалованья. Тогда Штромбергъ организовалъ группу изъ частныхъ лицъ и преподавателей и перекупилъ гимназію у Данемана. Последняго пришлось оставить директоромъ, такъ какъ начальство, въ противномъ случаѣ, закрыло бы училище. Но Данеманъ — декорация! Какъ и многое другое. Направьте вашъ взоръ къ дверямъ... вонъ тамъ жмутся, собираются уходить... гастролеры...

— Гастролеры?

— Это педагоги, написавшіе учебники. Имена! По три урока имѣютъ у насъ, конечно, по повышенной расцѣнкѣ. Да какъ и не заплатить, когда можно въ газетномъ объявленіи объ училищѣ извѣстныя фамиліи крупнымъ шрифтомъ тиснуть. Теперь прошу посмотреть направо отъ васъ: вонъ публика, въ форменныхъ сюртукахъ. Это — натаскиватели, въ послѣднихъ классахъ обучаютъ. Это преподаватели изъ казенныхъ учебныхъ заведеній, особо искусенные во вкусахъ и манерахъ спрашиванья окружныхъ инспекторовъ на экзаменахъ. Ну, наконецъ, мы — многогрѣшные, бѣжавшіе отъ блаженныхъ кушъ казеннаго благополучія: кто отъ придирокъ да циркулей, кто отъ невозможности проявить инициативу. Есть причалившіе и отъ голодухи и по особымъ, не поддающимся учету соображеніямъ, — Булавичъ ткнулъ пальцемъ Щастнаго. — Последнія двѣ категоріи по существу — оппозиція... и держать ее по причинѣ ея дешевки. Есть еще фигура Ивана Ивановича Штромберга...

— Онъ все по прежнему блестящій ораторъ, — замѣтилъ Щастный, — слушалъ его сегодня и вспомнилось, какъ на одномъ митингѣ онъ говорилъ рѣчь.

— Артистъ, — причмокнулъ языкомъ Булавичъ, — Всѣмъ очки умѣетъ втирать... Всѣ отъ него въ восторгѣ, только мой нюхъ...

— Ну, ужъ вашъ нюхъ, Митрофанъ Леонидовичъ, — перебилъ Булавича статный старикъ съ красивыми серебрившимися волосами и гордо-открытымъ

профилемъ лица. — Скептикъ вы. Скажите, есть ли что-нибудь на свѣтѣ, что бы вы не охаяли.

— Не слушайте его, Андрей Павловичъ! — воскликнулъ Булавичъ. — Старики, что дѣти. Это вѣдь мой еще гимназическій учитель, затѣмъ — коллега по одной еще захолустной гимназіи, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ мы облопались казенщиной, обалдѣли... а теперь и думаемъ, что — какъ частная гимназія, такъ и свѣтлый лучъ, — попали къ Данеману и считаемъ себя счастливыми.

— Зачѣмъ такъ? Нужно быть справедливымъ. Я могу взять на себя смѣлость утверждать: то, что здѣсь, въ гимназіи... хорошаго... той свободы, того отношенія къ ученику не было-съ, когда я начиналъ службу. Взять, къ примѣру, возможность тѣхъ перспективъ, которыя рисуетъ нашъ Иванъ Ивановичъ.

— Мыльные пузыри! — махнулъ рукой Забоевъ. — Знаемъ мы!

— Какъ же вы послѣ этого служите здѣсь? — нервно вырвалось у Березняка.

— Очень просто. Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ лучше. Пріятнѣе работать въ предпріятіи, обставленномъ лучшими средствами и приемами производства, чѣмъ въ отсталомъ. Здѣсь я могу проводить въ жизнь мои педагогическія идеи, чего мнѣ не позволятъ въ казенной гимназіи. Это — разъ, а засимъ.

— Т-съ! — зашипѣлъ Булавичъ, — слушайте, начинается переводъ съ нѣмецкаго на русскій.

Щастный посмотрѣлъ въ сторону директора. Тотъ, склонившись надъ блокъ-нотомъ, медленно, словно онъ вытягивалъ слова откуда-то издалека, гнусавилъ:

— Господа! Мы не должны дѣлать забулдыжаніе и тѣмъ подавать худое примѣріе ученикамъ. Мы должны протирать идеалами свои духи, чтобы они были кристаллы. Самое твердое для этой цѣли — имѣть порядокъ. Не должно поступать такъ: одной рукой не давать обѣдъ неаккуратный мальчикъ послѣ занятій, а другой ногой дѣлать своей персоной опозданіе на урокъ. Это дѣлаетъ паденіе дисциплины...

— Взопрѣшь отъ краснорѣчія, — неожиданно

для самого себя довольно громко вырвалось у Булавича.

— А? Что? Возражение? — отозвался Данеманъ. — Возражение не допустимо. Всѣ лучшіе германскіе педагоги давно...

— Я не вамъ! — приподнявшись, заявилъ Булавичъ.

Директоръ укоризненно посмотрѣлъ на него и, взявъ въ руки звонокъ, нѣсколько разъ взмахнулъ послѣднимъ:

— Молчаніе! Всякое собраніе должно имѣть молчаніе.

Голова Щастнаго отяжелѣла, какъ отъ всего происходящаго на совѣтѣ, такъ и отъ физической усталости: прошедшую ночь ему пришлось провести въ поѣздѣ почти безъ сна. Поэтому онъ отъ души обрадовался, когда раздалось заявленіе секретаря:

— Засѣданіе закрыто.

Вышли на улицу.

— Опять небо сиропомъ своимъ кормить! Проклятый городъ! — подержавъ надъ головой руку, ругнулся Булавичъ. — Приковала меня здѣсь моя доля. Спишь и видишь солнышко, теплынь...

— А пока? — спросилъ кто-то сзади.

— Пока что? Ни черта! — озлобленно крикнулъ Булавичъ и замолчалъ. Немного погодя, добавилъ тусклымъ усталымъ голосомъ: — Извините меня, вѣрнѣе, мои нервы. А вѣдь когда то были крѣпкіе, какъ канаты. До свиданья!

Гдѣ-то невдалекѣ прозвенѣла подкова о мостовую. Щастный и Григорьевъ остались вдвоемъ.

— Эрастъ, ты мнѣ еще толкомъ не сказалъ, какъ ты относишься къ школѣ Данемана.

— Я... Мнѣ кажется, что безъ нея... нѣтъ, правильнѣе — безъ школы, гдѣ бы я такъ, какъ у Данемана, могъ работать, я бы потерялъ...

Щастный не услышалъ конца фразы: вѣтеръ налетѣлъ изъ-за угла и, разбросавъ слова Григорьева, съ дикимъ присвистомъ унесъ ихъ вдоль набережной. Отказавшись отъ дальнѣйшаго разговора, онъ поднялъ воротникъ пиджака и зашагалъ быстрѣе. На мосту оглядѣлся. Слабоосвѣщенное электрическими фона-

рями пространство вокругъ зализывала сѣрыми пятнами какая-то все болѣе и болѣе густѣющая мразь. Очертанія перилъ едва видѣлись. За ними висѣлъ темный плакучій туманъ.

— Погань какая! — подумалъ Щастный и, опустивъ глаза къ землѣ, не смотрѣлъ по сторонамъ до самаго дома, гдѣ находилась квартира Григорьева, въ которую онъ сегодня утромъ прямо съ вокзала приѣхалъ съ вещами.

ГЛАВА III.

— Молодецъ, Катюша, — тихо сказалъ Григорьевъ, когда сестра вышла въ сосѣднюю комнату, Щастному, сидѣвшему рядомъ съ нимъ на диванѣ съ стаканомъ чая въ рукахъ. — Какъ ты находишь, перемирилась? Вѣдь, поди, лѣтъ пять не видѣлъ-то мою сестренку...

— Да.

— Погоди, я тебѣ то и всего рассказать не успѣлъ... да когда же? — Съ поѣзда въ гимназію, а вечеромъ совѣтъ... только и поговорить могли, что за обѣдомъ сегодня. Катюша-то докторъ. Нынче весной выдержала государственные экзамены. Одна бѣда: грустить. Часами сидитъ неподвижная, думаетъ что-то.

— Поговорилъ бы...

— Пробовалъ. Она все объясняетъ это болѣзненностью. Но чувствуется мнѣ, что ее гложетъ что-то тяжелое, навалилось...

— Быть можетъ, климатъ вліяетъ.

— Шутникъ ты, право, Андрей! Промочило тебя сегодня нѣсколько разъ, ты и радъ валить теперь все на климатъ.

— Помните, Андрей Павловичъ, — едва ступивъ на порогъ, заговорила Катя, — стучимся къ вамъ въ окно съ Эрастомъ, а потомъ убѣгаемъ навстрѣчу стрѣльчатымъ тучкамъ. Туда, впередъ—приластиться къ небу. Позади все мелкое, мелкое такое: больная мать, грубый отецъ, убогая тѣсная жизнь. А мы

убѣгаемъ впередъ, все впередъ. Вотъ догоняють насъ тяжелые сапоги. „У... сапожищи у васъ!“ — кричу я у обрыва. И жаль, что вспугнули мечту, стало ясно, что нѣтъ моста между небомъ и землей. И рада я. Зачѣмъ небо, когда такъ хорошо пахнетъ кругомъ отъ цвѣтущей акаціи... и дегтемъ отъ сапогъ Андрея Павловича, — и невольно заулыбалось сосредоточившееся въ глубинѣ прошлаго лицо. — Садимся. Передъ глазами цвѣтная полоса... отъ сини черезъ сирень переливается въ сталь море. Гдѣ-то, невдалекѣ, собралась молодежь — поють. И такъ радостно. А за моремъ хмурится, хмурится. Идетъ часъ, другой. Оглянешься — уже темная весенняя ночь. Огоньки начинаютъ мерцать — сигнальные значки на отеляхъ...

Щастный нечаянно столкнулъ со стола ложку, и рѣзкій металлическій звукъ какъ-то сразу отрѣзалъ нити, связывавшія мозгъ Кати съ былымъ. Остывшая и сгорбившаяся, она пробормотала, обращаясь къ брату:

— Вотъ тебѣ... аспиринъ. Спокойной ночи... — И, пошатываясь, вышла изъ комнаты.

Григорьевъ хотѣлъ что-то сказать, но Щастный, подавъ ему взятую отъ Кати облатку и стаканъ воды, настойчиво замѣтилъ:

— Не время сейчасъ болтать. Смотри, какъ дрожишь... пей и ложись! — И, уже укрывая Григорьева, спросилъ:

— Можно книжонкой какой-нибудь твоей попользоваться? Привыкъ на сонъ читать.

— Пожалуйста.

Щастный, остановившись у этажерки, сталъ просматривать книги. Черезъ нѣсколько минутъ до него донеслось прерывистое дыханье Григорьева. „Не разбудить бы“, опасливо подумалъ онъ и, взявъ наугадъ книгу, на цыпочкахъ пошелъ къ дивану. Открывъ книгу, онъ увидѣлъ въ ней тетрадь. Разсмотрѣвъ послѣднюю и убѣдившись въ томъ, что это былъ дневникъ Григорьева, онъ хотѣлъ было ужъ отложить тетрадь, какъ его вниманіе привлекли крупныя буквы, старательно выведенныя вверху одной изъ страницъ.

„Я присланъ изучить школьное дѣло. Это моя теперешняя задача... и потому я могу, я долженъ даже прочесть этотъ документъ“, — про себя рѣшилъ онъ и, удобно усѣвшись на диванъ, перегнулъ тетрадку и началъ читать:

„МОИ ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЬСКІЕ ДНИ“.

24 августа.

Итакъ, рѣшено. Съ сегодняшняго дня я начинаю учительствовать, т. е. дѣлать то, чего не знаю, что никогда не хотѣлъ дѣлать. Даже больше! Сейчасъ передъ моими глазами — мои бывшие гимназическіе учителя... брр... въ дрожь бросаетъ. Быть учителемъ, этимъ далекимъ, чужимъ... несомнѣнно, что тѣ, что учили меня, не всѣ были худые люди, но для насъ, — такъ мы относились къ нимъ, — они были хуже враговъ. Быть учителемъ? Нѣтъ! Это свыше силъ! Не надо. Но голодъ, самый настоящій голодъ, скрипящій зубами въ углу комнаты, пріютившей меня съ сестрой и больной умирающей матерью, гонить. Найти мѣсто безъ протекціи трудно, безумно трудно. Я это знаю хорошо. И потому иду... Въ учителя такъ, говорятъ, и идутъ. Либо —некуда дѣться, либо — тащить лѣнь и перспектива власти, сразу попадающей въ руки, власти въ самомъ худомъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, нѣкоторые говорятъ, что учитель, если это и не такъ въ дѣйствительности, то онъ долженъ быть широко образованнымъ человѣкомъ, полнымъ любви къ дѣтямъ. Но, въ такомъ случаѣ, еще хуже. Что я? Гдѣ моя широта горизонтовъ, гдѣ мои знанія и умѣнье вести дѣло? Иду безъ призванія. Не ужасно ли? Ожидая въ гимназическомъ саду сегодня, пока меня позовутъ къ директору, я чуть не ушелъ оттуда со всѣмъ, чтобы не возвращаться. Да только какъ-то забылся...

Въ саду меня поразило сочетаніе рдяныхъ красокъ, что разбросала осень, съ яркой зеленью. А тутъ... бѣленькіе цвѣточки, вродѣ нашихъ степныхъ медовокъ, стыдливо смотрѣвшіе то тамъ, то сямъ изъ травки, согрѣваемые солнцемъ, струили такой запахъ... пряный, онъ отуманилъ меня.

И вспомнилось далекое, до того далекое, что, кажется, оно было только сномъ, дѣтство. Мальчишкой лѣтъ десяти бѣгу по степи. Пахнетъ влажной землей. Захотѣлось лечь и глядѣть въ синеватый жемчугъ неба. Не задумался ни на минуту: растянулся во весь ростъ. Чувствую, какъ возлѣ глубоко-дышащей груди что-то бьется, и въ ритмъ съ моимъ сердцемъ, только большее, большее. Неужто-жъ сердце земли? И обнялъ я рученками, какъ могъ, землю, словно товарища. И думалось, что мы были сильные и могучіе, какъ никто во всей вселенной.

Занятый воспоминаньями, я и не замѣтилъ, какъ началась большая перемѣна. Пришелъ сторожъ и позвалъ къ директору. Пришлось пойти и взять уроки, а это не хорошо, очень нехорошо.

25 августа.

Всю ночь не спалъ. Во всѣхъ подробностяхъ обдумывалъ планы вступительныхъ уроковъ. Придя въ училище, прочелъ въ расписаніи, что сегодня долженъ быть мой урокъ въ четвертомъ классѣ, и рѣшилъ пойти на урокъ, хотя объ этомъ съ начальствомъ не сговорился. Рѣшилъ поскорѣе положить конецъ мучительному ожиданію первой встрѣчи съ учениками. Пойти и начать! Будь, что будетъ! Войдя въ классъ никѣмъ не провожаемый, какъ это принято, когда новый преподаватель впервые приступаетъ къ урокамъ, я увидѣлъ, что всѣ продолжали сидѣть. Почувствовалъ легкое головокруженіе. Взялся за стулъ, чтобы не упасть. Поглядѣлъ на классъ и встрѣтился со взглядомъ нѣсколькихъ десятковъ пристально-любопытныхъ глазъ. Точно во снѣ произнесъ первую фразу, надуманную еще вчера вечеромъ. — Громче! — раздалось съ заднихъ партъ. Но голосъ отказывался служить, все путалось, и говорилъ безсвязно, самъ едва ли что понимая. Просто старался воспроизвести слово въ слово вчера составленный конспектъ урока. Волненіе понемногу улеглось, и я сталъ ясно сознавать, что дѣлаю какую-то непроходимую глупость, что-то ненужное, болтая передъ учениками округленные періоды о великихъ задачахъ науки, но въ то же время ясно было, что останавливаться было уже

поздно. Но вотъ почувствовалъ, что сказалъ все подготовленное съ вечера. „Что же дальше?“ Взглянулъ на часы и похолодѣлъ: „полчаса еще до звонка, — что же я буду дѣлать?“ Пришло въ голову: „оставить все, уйти и не возвращаться“. Сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери. Раздался дружный хохотъ. „Что дѣлать? Уйти? Нѣтъ и нѣтъ. Уйти совсѣмъ—голодать опять, быть можетъ, долго. Уйти—и пожаловаться на классъ, значить—сознаться, что никуда не годишься... опять тотъ же результатъ. А если-бы подготовиться, — какіе-то курсы есть при округѣ, — тогда бы другое дѣло. Бѣда то въ томъ, что на курсахъ пять вакансій и берутъ то опять по протекціи. Мое теперешнее положеніе обычный камень преткновенія на учительскомъ пути“. Такъ я думалъ, и вдругъ меня словно что-то подтолкнуло. Вытѣе не прекращалось, я пошелъ и сѣлъ на задней партѣ и началъ самъ подвывать. Черезъ нѣсколько минутъ къ дверямъ класса подошелъ надзиратель и сказалъ: „ну и ученики, безъ преподавателя и посидѣть не можете тихо!.. торчи возлѣ васъ...“ Ученики на время, нужное для того, чтобы надзиратель успѣлъ отойти на приличное разстояніе, стихли, но потомъ принялись снова выть. И такъ мы сидѣли и выли... все тише и тише, пока кто-то не спросилъ: — „Что же, долго будемъ? — „Пока не надоѣстъ“, — отвѣтилъ я. Еще немного повыли и замолчали. — „Начнемъ учиться, что ли?“ — предложилъ я. — „Начнемъ“, — отвѣтили ученики. — „Мнѣ самому надо тоже поучиться, господа“, — вырвалось у меня признаніе... и, о удивленіе! мой авторитетъ, тотъ авторитетъ учительскій, который такъ боялись мои педагоги уронить сближеніемъ съ учениками, отъ этого, повидимому, не пострадалъ. Раздался звонокъ, и я оставилъ въ классѣ своихъ друзей, но и учениковъ. Но какой же я учитель? И я не знаю: худое или плохое начало я сдѣлалъ. Что-то будетъ дальше?

4 с е н т я б р я.

Десять дней некогда было заглянуть въ тебя, дневникъ! Работы по горло. Привыкаю. Учить?! Но какъ учить? Вѣчно возлѣ тебя программа и учеб-

никъ. Какими они всеильными кажутся. Въдъ насъ, учителей, можно смѣнить, а программа все та же остается. И выходитъ, что она нѣчто болѣе существенное, чѣмъ живой человѣкъ. Былъ совѣтъ. Много говорили. Присматривался къ сотоварищамъ по службѣ. Всѣ будто бы хорошіе... а подойдешь поближе — пустота. Прихожу... вѣрнѣе, почти прихожу къ выводу, что моя жизнь не задалась, и примиряешься съ тѣмъ, что учитель. Только хочется, мучительно хочется узнать, что хорошаго спрятано въ учительствѣ.

18 с е н т я б р я.

Славный денекъ былъ сегодня. Я, Березнякъ, Забоевъ и Наталья Михайловна, жена Штромберга, учительница приготовительнаго класса, ходили въ экскурсію съ учениками младшихъ классовъ. Осматривали портъ. Послѣ, расположившись у сторожки, позавтракали съ аппетитомъ. Играли въ горѣлки, въ лапту. А утомленные отдыхали на бревнахъ, слушая разсказъ Натальи Михайловны о морѣ. Я улегся на кучѣ песка, согрѣтой солнцемъ. Тѣло наполнилось тепломъ. Пролежалъ въ бездумьи болѣе часа. Слѣдилъ, какъ взмываются пѣной, убѣгая въ безконечность морской равнины, сѣрыя волны. Долеталъ надтреснутый голосъ Березняка, бесѣдовавшаго съ Забоевымъ на сваяхъ.

— Нѣтъ и нѣтъ! Это не насиліе — вселять въ дитя стремленіе сливаться съ добромъ и красотой. Если можно прививкой улучшать породу деревьевъ, почему же отказаться отъ этого? И въ чемъ же тогда наша задача, задача учителя! Нужны ли мы тогда?

Что-то отвѣчалъ Забоевъ. И опять приходили слова, какъ будто-бы оттуда, гдѣ свѣтозарное небо опускается въ воды.

— Если ограничиться учителю задачами, вами указанными, т. е. смотрѣть за ребенкомъ, чтобы онъ росъ такимъ, какъ есть, да стараться, чтобы онъ побольше накопилъ фактовъ. Что же это? Умереть, какъ личности! Нѣтъ! Я живу, дышу тѣмъ, что отдаю самого себя. И чѣмъ больше отдаю, тѣмъ ярче живу.

Много еще приходило ко мнѣ отрадныхъ словъ. Внутри что-то шептало мнѣ: „Это онъ, по комъ я томился. Это тотъ, кто откроетъ мнѣ таинство учительской души“.

Послѣ Березнякѣ подошелъ ко мнѣ и сѣлъ рядомъ.

— Правда, хорошо? — сказала онъ, — посмотрите на ребятъ. У какихъ поэтовъ мы могли бы прочесть то, что живетъ у нихъ въ душѣ, я не знаю, — и, закрывъ глаза, закончилъ: — поэзія здѣсь, съ нами... помолчимъ.

И овладѣло мной ощущение безпредѣльной жизнерадостности. Да, я пойду, пойду дорогой этого старика!

19 с е н т я б р я.

Да, сегодня мнѣ пришлось пережить то, чего доселѣ я никогда не переживалъ. Это было такъ. Сидѣлъ въ классѣ. Сквозь окна солнечные снопы сыпались на головки дѣтишекъ. Заговорили о вчерашней прогулкѣ. Почти со слезами на глазахъ одинъ изъ мальчиковъ жаловался:

— Не пришелъ сегодня...

— Кто?

— Русскій учитель.

Рѣчь шла о Березнякѣ.

— Васъ на часъ раньше отпустить.

Ребята задвигались. Изъ разныхъ концовъ класса закричали:

— Алексѣй Дмитріевичъ намъ задалъ вчера на прогулкѣ написать о морѣ. Кто что можетъ. Мы написали. И намъ хочется почитать...

У большинства мальчишекъ видъ былъ настолько огорченный, что мнѣ отъ души стало ихъ жаль.

— Я не могу вамъ чѣмъ-нибудь помочь? — вырвалось у меня, — можетъ быть, мнѣ прочтете.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ.

Ученики начали, было, препираться изъ-за того, кому первому читать. Но я прекратилъ споръ:

— Читаетъ тотъ, кто первый обратился ко мнѣ съ сожалѣніемъ, что не пришелъ Алексѣй Дмитріевичъ.

Съ прояснившимся лицомъ мальченка началъ читать:

„Мальчикъ на скалѣ у моря, и смотритъ на барашки, какъ они идутъ по небу. „Тучи это“ — объяснилъ папа, но мальчикъ подумалъ: „ангелочки ѣдутъ на барашкахъ“, и захотѣлось ему самому по-пасть на мѣсто ангеловъ. Тамъ должно быть, интересно: вольно, и земля вся, какъ на ладони“.

Вѣдь это душа дитяти, это ея пѣснь. Я самъ написалъ бы такъ, когда былъ маленькій. Вотъ гдѣ связь учителя съ ученикомъ!

„Ночью, когда луна кивнула лежавшему въ кровати мальчику, онъ черезъ окно убѣжалъ къ морю. Тамъ же, гдѣ и днемъ, ходили барашки. Только они посинѣли, да по морю тянулась дорожка. Такая, какъ песочкомъ посыпанная. Мальчикъ вскочилъ съ берега и пошелъ по дорожкѣ. Но то была не твердая земля, то море свѣтилось. И онъ утонулъ. Барашки подбѣжали къ лунѣ закрыли ее. Стало темно. Но это было все равно мальчику, онъ былъ утопленникъ. Такъ губить красивое море“.

Во время чтенія я сѣлъ на парту возлѣ одного изъ учениковъ. И почувствовалъ, что меня обняла дѣтская рученка.

Слегка зашумѣло въ головѣ.

Способность воспріятія расширилась. Я увидѣлъ: словно нити тянулись ко мнѣ отъ дѣтскихъ сердецъ, какъ паутинки, серебрясь въ солнечныхъ лучахъ, и колебались отъ волнъ близости и довѣрія. Охваченные грезой я и классъ молчали. Въ это время въ классъ съ Штромбергомъ зашелъ господинъ въ вицъ-мундирѣ—окружной инспекторъ, какъ потомъ мнѣ сказали—и, остановившись у одной изъ партъ, спросилъ оторопѣло вскочившаго ученика:

— О чемъ сегодня говорили на урокъ?

— О мальчикѣ, котораго обмануло небо,—вымолвилъ тотъ.

— Интересный у васъ курсъ природовѣднія, — ухмыльнулось начальство.

Ну, да Господь съ ними! Сейчасъ въ душѣ поеть! Сегодня праздникъ! Не время вспоминать о грязи, о будняхъ, объ окружныхъ инспекторахъ!

20 с е н т я б р я.

Съ утра терзала мысль: „сегодня получка жалованья .. какъ взять деньги? Прежде, когда я шелъ въ учителя, какъ шелъ на всякую другую работу, все было ясно. Но теперь. Вдохновенье, любовь не могутъ быть продаваемы. И если я возьму деньги, то буду...“ Такимъ ужаснымъ словомъ я обзывалъ себя, что и не написать.

На большой перемѣнѣ Штромбергъ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ и предложилъ сѣсть у стола, на которомъ лежалъ листъ уплаты жалованья.

— Пожалуйста, распишитесь... вотъ въ этой графѣ, — указалъ онъ пальцемъ. — Пишите... сто рублей за сентябрь получилъ. Ваше имя и фамилію.

Когда я расписался, онъ подалъ мнѣ свернутый кредитный билетъ. „Купля вдохновенья“, — думалъ я про себя: — жалкій рабъ засаженной бумажки...“ Но протянулъ руку и взялъ. Что подѣлаешь? Случайно увидѣлъ, что мнѣ Штромбергъ далъ четвертную. — „Промолчать“, — мелькнуло въ первую минуту; — но квартирная хозяйка, которой я задолжалъ пятьдесятъ рублей, она вѣдь не будетъ молчать.

Преодолевъ стыдливость, я твердо сказалъ:

— Иванъ Ивановичъ, вы ошиблись.

— Какъ?

— Въмѣсто ста рублей дали двадцать пять.

— Какъ? Вы находите это недостаточнымъ? Простите, но вамъ должно быть неизвѣстно, что за то, что вы можете приобрести опытъ въ нашемъ училищѣ, за это слѣдуетъ съ васъ получить. Мы вамъ платимъ, тогда какъ могли бы найти десятки лицъ, которые съ благодарностью даромъ дѣлали бы то, что вы...

Боясь, чтобы мои слова не были истолкованы, какъ торгъ, я поспѣшилъ пояснить:

— Я спросилъ только потому, что вы сами предложили мнѣ расписаться въ полученіи 100 рублей.

— Могли бы и не расписываться. Я васъ не принуждалъ.

— Да, но когда мы говорили объ условіяхъ...

— Условія! Это тоже по условію — мы полу-

чаемъ выговоръ отъ окружныхъ инспекторовъ благодаря вамъ?

Что мнѣ было отвѣтить? И я бѣжалъ изъ кабинета, бѣжалъ безъ оглядки. Спазмы сжимали горло. Машинально прибрелъ на одну изъ площадокъ лестницы, ведущей въ помѣщеніе младшихъ классовъ, прислонился въ уголь... и рыдалъ.

Долго рыдалъ.

— Стыдитесь... вы на порогъ школы... вы учитель! — дошелъ до сознанія мягкой шопотъ, и, можетъ быть, оттого, что съ нимъ пришло столько участія и ласковости, такъ бурно проснулось во мнѣ чувство только что затоптаннаго личнаго достоинства.

— Учитель? Вы говорите — учитель. Какой тамъ учитель! Батракъ, наймать жалкій... голодная собака!

— Ну, полно... дайте руку, пойдемъ... выпьете воды.

Мнѣ стало неловко за порывъ передъ той невозмутимой добротой, съ которой разговаривала со мной Наталья Михайловна, и у меня даже не хватило духу рассказать причину своей обиды. Я ни словомъ не обмолвился о поступкѣ со мной ея мужа.

— Вытрите слезы на щекъ... дѣти увидятъ... огорчатся... а это нехорошо.

— Дѣти? — переспросилъ я, и въ моемъ мозгу отъ этого слова, напомнившего мнѣ минуты недавней радости, зазвенѣла какая-то, заставляющая все забыть, пѣснь безъ словъ, которой казалось не будетъ конца. Вотъ еще и сейчасъ звенить въ ушахъ ея сладостная напѣвность.

21 сент я б р я.

Только сейчасъ вернулся отъ Алексѣя Дмитриевича. Принесъ съ собой гору чудесныхъ мыслей и словъ.

Внутри все жаждетъ славословить радость нашедшаго свой путь. И хочется на бумагѣ излить потокъ молитвенныхъ словъ.

„Вы, силы, что наполняете міръ жизнью, ниспослите мнѣ бодрость на избранной мною скромной дорогѣ учителя! И ты, солнце, великій образъ источ-

ника энергіи, подари мнѣ привѣтъ своей улыбки! Пусть навсегда эта улыбка останется со мной. Не для меня... О, нѣтъ, для дѣтей... Милыя... я вижу ваши пытливые глазенки, слышу вопросы, срывающіеся съ нѣжныхъ розовыхъ устъ. И я чувствую, что долженъ дать вамъ отвѣты. Для этого я буду читать, трудиться и учиться безъ перерыва. Я буду подслушивать сказки, которыя подсказываетъ волна, песчинки морскихъ береговъ, гармонія чиселъ, чтобы потомъ подѣлиться съ вами. И я чувствую, я вѣрю, что чѣмъ больше дней я проведу съ вами, дѣти, тѣмъ тоньше я буду чувствовать, и богаче будетъ становиться мой внутренний міръ. Милыя... я вижу ваши широко-открытые глазенки, я вижу ваши обращенныя ко мнѣ личики... Я иду, дѣти, иду! И отдамъ вамъ все, что имѣю, что знаю и что буду знать... я отдамъ вамъ мою душу, даръ великой природы!"

Заводскіе гудки бросили въ утренній воздухъ грозный окрикъ для всѣхъ, кто имъ подневоленъ; ихъ тягучій ревъ, напоминая всѣмъ замѣшкавшимся въ постели работникамъ, что дозволенный часъ забвенья окончился, оторвалъ отъ чтенія и Щастнаго.

Онъ затушилъ лампу, легъ на диванъ и завернулся въ одѣяло. Но сонъ не шель. Сердце непривычно билось, душилъ запахъ гари отъ затухающаго фитиля.

Рѣшилъ принять воздушную ванну и всталъ.

Комната плавала во мракѣ, который замѣтно обезцвѣчивался, словно это былъ растворъ черно-синей краски, непрерывно разбавляемой водой. За окномъ улица, при первомъ взглядѣ, показалась склепомъ, но уже черезъ нѣкоторое время можно было разглядѣть громады камней—дома, нелѣпо чернѣющіе въ густомъ туманѣ. Подперевъ рукою голову, Щастный отдался думѣ. Передъ его умственнымъ взоромъ легли два пути: его собственный—черный, напоенный тревогой, безъ жизни въ настоящемъ, борьба на каждомъ шагу, борьба за далекое свѣтлое для тѣхъ, кто еще, быть можетъ, не родился на свѣтъ; и путь розовый, лежащій въ мягкихъ отраженныхъ лучахъ свѣта—путь при-

миренія и уже теперь найденнаго личнаго счастья, счастья отреченія во имя высокой любви, путь юноши, сейчас спавшаго съ нимъ въ одной комнатѣ. Подступало щемящее чувство: „зачѣмъ это такъ: отживающій міръ, и въ немъ этотъ юноша?... Въдь еще и сейчасъ я нахожусь подъ обаяніемъ красоты послѣдняго. Это все равно, какъ придти засыпать трясину и увидѣть на ней рѣдчайшій цвѣтокъ“. И долго смотрѣлъ, не смѣя оторвать взора, на большой лобъ Григорьева, обрамленный прядями каштановыхъ волосъ, на тонко очерченный профиль лица.

Алѣющимъ свѣтомъ заглянуло въ окно прочитавшееся отъ тучъ небо, когда онъ легъ рѣшительный и спокойный.

„Двухъ рѣшеній не бываетъ. Если нужно покончить съ болотомъ, то цвѣты на немъ не остановятъ улучшителя земли. Въдь то поле, что вырастетъ на мѣстѣ засыпаннаго болота, безъ сомнѣнія, должно украситься цвѣтами, и уже не одиночками, а цвѣтами безъ числа“.

И заснула крѣпко, какъ всегда.

ГЛАВА IV.

Съ ноябремъ пришли холода.

Темные дни, заставлявшіе вести занятія въ гимназіи при огнѣ, истомили и учащихся, и учащихся. Послѣдніе уже по дорогѣ въ школу чувствовали во всемъ тѣлѣ ту надломленность, ту тупую сѣрь, что для живого дѣла была опаснѣе переутомленія. „Тянули“ — вотъ слово, хорошо объяснявшее положеніе вещей.

Простуженные длинными спѣшными переѣздами изъ одного училища въ другое, истомленные своимъ къ ученикамъ, и обратно, равнодушіемъ, изболѣвшіеся думами, какъ бы подправить всегда накреняющійся въ сторону долговъ въ это время бюджетъ, сходились большинство педагоговъ на большой перемѣнѣ съ кислыми лицами и если оживали, то въ спорѣ, чья очередь итти смотрѣть за порядкомъ среди учащихся:

эти дежурства не оплачивались и были установлены, какъ объ этомъ можно было прочесть въ рекламномъ листкѣ о гимназiи, для тѣснѣйшаго единенiя между учениками и учителями. И только то, что гдѣ-то впереди маячилъ день распуска на рождественскiе каникулы, казалось, поддерживало на ногахъ эту группу людей съ осунувшимися лицами, на которыхъ безпросвѣтно угрюмо смотрѣли глаза, очерченные глубоко западающими синяками.

Особенно тяжело было заниматься въ помѣщенiи младшихъ классовъ. Низенькiя комнатки наполнялись пылью, которая къ пятому уроку окутывала все вуалью, не позволяющей даже ясно различать предметъ, если не зажигалось электричество, что здѣсь дѣлалось рѣдко—экономили. Пыль забиралась въ легкiя, щекотала горло. Грудь, лишенная свѣжаго воздуха, ныла, и негдѣ было отдохнуть отъ гама, стоявшаго на перемѣнѣ. Въ учительской, т. е. въ кухнѣ, невозможно было сидѣть, такъ какъ тамъ страшно накалялась плита, и стоялъ чадъ отъ стряпни сторожемъ Петромъ особыхъ блюдъ, основанныхъ на комбинацiяхъ лука, сала и трески. Убѣдить же Петра въ необходимости открывать форточку для провѣтриванiя во время уроковъ было не легче, чѣмъ горохомъ стѣну пробить.

Обыкновенно всѣ разговоры на эту тему Петръ выслушивалъ, засунувъ въ носъ чуть ли не всю пятарную, погруженный въ „хвилософію“, какъ онъ называлъ свои размышленiя, лѣнивыя и тягучiя, которымъ онъ любилъ предаваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Привычка къ размышленiямъ у него создалась еще въ ту пору, когда онъ, будучи пастухомъ, цѣлыми днями лежалъ гдѣ-нибудь въ тѣни, и укрѣпилась окончательно во время его дальнѣйшей службы кучеромъ въ имѣнiицѣ матери Штромберга. Петръ исполнялъ всевозможныя порученiя вплоть до подслѣживанiя за педагогическимъ персоналомъ и считалъ, что служить Штромбергу, а не гимназiи.

По причинѣ его непривлекательной наружности онъ былъ оставленъ при помѣщенiи младшихъ классовъ.

Одно изъ такихъ размышленiй Петра нарушилъ

его новый помощник сообщеніемъ, что пришелъ человекъ съ ясными пуговицами и дожидается въ коридорѣ.

— Хай посидить. Должно, къ надзирателю пріятель—отставная крыса. Надзиратель побѣгъ за завтракомъ. И ты садись, побалуемось чайкомъ, Кинстантинъ. — И, наливъ изъ чайника стаканъ, Петръ подаль Константину огрызокъ сахару. — И, ось, послухай. Отъ чистаго сердцю балакаю. Для чаевзваренія у насъ выдается на пятакъ чаевой засыпки у день. Розильешь по банкамъ чай гимназерамъ, глянь, идетъ къ тебѣ учитель: тоже у горли пересохло, треба промочить. А межъ тѣмъ, у первыхъ, Иванъ Ивановичъ запретилъ давать учителямъ казенно пойло, бо це расходъ неоправдательный; а у вторыхъ, опосля гимназеровъ остаетца не чай у котли, а гусына вода; у третьихъ, не далъ учителю чай, винъ тоби дулю къ празнику поднесе. Якъ тутъ буты? Га, такъ у мене царекъ е у голови. Я кипятю въ котли шкуру зъ старыхъ ранцивъ—якой накупъ дае!

— Да это вѣдь, Петръ Кондратьевичъ, отравал!

— Господы Іусусе! Яки громкія слова балакаете, Кинстантинъ. Отравал? Пьютъ, ось, третій рокъ... и хошь бы що! Колы-колы жалуютца на животъ, такъ и то дохтуръ каже, що у учителя катарра, — такая болысть, що до витру усе гоняеть, — должна быть по лѣтату.

Вошедшій въ кухню надзиратель прервалъ мирную бесѣду. Догадываясь изъ опроса служителей, что человекъ съ ясными пуговицами—окружной инспекторъ, онъ сейчасъ же послалъ за директоромъ. Очевидно, что окружной инспекторъ хотѣлъ проникнуть въ гимназію инкогнито, чтобы провѣрить слухи о томъ, что въ младшихъ классахъ Данемановскаго училища уроки велись по особымъ, отклоняющимся отъ указаній начальства, методамъ; тѣмъ болѣе, что во время посѣщеній съ параднаго хода окружникамъ такъ и не удавалось видѣть то, что имъ хотѣлось; только разъ за все время попалъ окружникъ какъ-то на кухню, а то, обыкновенно, успѣвали учениковъ младшихъ классовъ эвакуировать въ свободный классъ внизу и не пускать навверхъ, ссылаясь на ремонтъ и др.

Сегодня тоже не повезло окружному. Онъ вышелъ изъ класса недовольный. Не имѣя распisanія въ рукахъ, пошелъ наугадъ въ классъ и попалъ на латинскій языкъ къ Булавичу: къ чему ему подкопаться, когда Булавичъ самъ охотно велъ теперь уроки по казенному образцу.

— Ваше превосходительство, осмѣлюсь доложить, — направился навстрѣчу къ окружному Гуковъ, который послѣ двадцати пяти лѣтъ службы въ казенной гимназiи сросся съ чувствомъ трепета передъ начальствомъ. — Директоръ сейчасъ...

Окружной поглядѣлъ на Гукова и, почувствовавъ приступъ насморка, началъ шарить въ карманахъ и про себя бросилъ:

— Фу, гдѣ онъ... запропастился, ч... чортъ?

— Господинъ директоръ не виноватъ... позвольте замѣтить, что господинъ директоръ не зналъ...

— Не директоръ, а платокъ! — крикнулъ окружной, тяжело дыша. — Проведите меня въ раздѣвальню... платокъ, должно быть, въ карманѣ шубы.

Въ коридорѣ окружной съежился отъ сквозняка. Гуковъ замѣтилъ это и, не долго думая, постарался придать такое положеніе своему тѣлу, чтобы оно по возможности преграждало доступъ вѣтра къ окружному.

— Ваше превосходительство, какъ это вы такъ неосторожно? Раздѣлись бы въ главномъ помѣщенiи, тамъ у насъ...

— Не ваше дѣло! — окрысился окружной, терпѣніе котораго истощилось — носъ требовалъ немедленнаго очищенія. Только то, что платокъ, наконецъ-то, попался въ руки, остановило приступъ его гнѣва. Довольно миролюбиво окружной попросилъ помочь одѣтъ ему шубу, что Павелъ Ивановичъ исполнилъ съ такой поспѣшностью, что чуть не свалилъ окружного.

— А мой цилиндръ? Гдѣ мой цилиндръ?

Цилиндра не было!

Павелъ Ивановичъ во всю мощь своихъ легкихъ позвалъ:

— Петръ! Петръ! Гдѣ цилиндръ его превосходительства?

— Якій? — флегматично отозвался Петръ.

— Шляпа.

— Якая?

— Да вотъ, любезный, — постарался пояснить при помощи мимики окружной: — такая вотъ... я въ ней пришелъ.

— Шапка, — промычалъ Петръ и, оглядѣвъ въ-шалку, наклонился и сталъ смотрѣть по отдѣленіямъ, сдѣланнымъ внизу въшалки, для калошъ.

— Да развѣ у васъ тамъ хранятся головные уборы?

— Ни, тутъ мокроступы стоятъ. Но, може, якъ небудь завалилось...

Въ рекреационномъ залѣ, примыкавшемъ къ раздѣвальнѣ, стоялъ ревъ, среди котораго слышалось:

— Поддай! Назадъ!

— Сюда!

Петръ почесалъ затылокъ и, видимо, что-то надумавъ, направился въ залъ, бросивъ на ходу:

— Погодыть трошки...

Окружной молчалъ, отъ гнѣва топая ногой. Появился Данеманъ. Не сразу, а зайдя сбоку съ одной, а затѣмъ съ другой стороны онъ рѣшился заговорить съ окружнымъ.

— Имѣю честь сдѣлать представленіе: начальникъ заведенія, которое имѣло честь...

Окружной, не давъ договорить директору, набросился на него:

— Именно-съ, представленіе и самое плохое представленіе. Именно-съ заведеніе, а не училище... Шумъ то... кабакъ!

Петръ показался съ помятымъ и испачканнымъ цилиндромъ въ рукахъ.

— Винъ, чи не винъ?

Павель Ивановичъ потянулъ Петра за рукавъ и и тихо ему сказалъ:

— Обчисти, баранья голова... это вѣдь генераль...

Петръ ни на минуту не допускалъ мысли, чтобы человѣкъ, пришедшій чернымъ ходомъ, былъ начальствомъ, заискивающее поведеніе директора его также не удивляло, онъ привыкъ къ тому, что директоръ

весьма любезно принималъ въ гимназіи своихъ многочисленныхъ кредиторовъ, а потому онъ и ухомъ не повелъ на замѣчаніе Павла Ивановича.

— Отчипытесь, тоже трех-этажное начальство... знаемъ гыныраловъ. — И, показывая окружному цилиндру, спросилъ: — Былбрында ція ваша, чи ни? — Лицо его вдругъ расплылось въ уморительной улыбкѣ. — Насылу отбывъ у хлопцевъ... дюже загрались у хутболъ.

Окружной взялъ цилиндръ и принялся осматривать его со всѣхъ сторонъ, соображая, насколько тотъ годень къ употребленію.

— Это что же такое? Попустительство? Не... по... чте... ніе.

— Извините, ради Бога, — умоляюще заговорилъ директоръ. — О, если бы мы знали, о, если бы... я командировалъ бы помощникъ классный наставникъ, какъ ассистентъ къ вашъ цилиндръ. — Слезы показались въ его глазахъ. — Мы дѣлали напряжение всѣхъ силъ и спасали бы вашъ цилиндръ... но такой случай. Ай, такой случай!

— Не случай, а гадость!

Испуганно, извиняющееся лицо директора вдругъ стало морщиться въ веселенькой улыбкѣ и въ тонѣ, съ которымъ онъ заговорилъ съ окружнымъ инспекторомъ, послышались бодрія ноты:

— Ваше превосходительство, каждый гадость долженъ имѣть хорошій конецъ, въ силу этого мы обязаны вамъ дѣлать доставаніе новаго цилиндра.

— Новый? Вы замѣните новымъ... это, пожалуй, справедливо, — соображалъ вслухъ окружной, покашливая довольно умиротворенно. — А въ чемъ же я поѣду изъ гимназіи? Или, впрочемъ, пока будутъ ходить въ магазинъ, я могу продолжать посѣщеніе уроковъ. — И, принимая строгій офиціальныи видъ, спросилъ: — гдѣ у васъ расписание?

— Прошу въ мой кабинетъ...

Едва закрылась дверь за окружнымъ, Булавичъ высунулся изъ кухни и негромко позвалъ Гукова.

— Выкатился?

Павель Ивановичъ въ отвѣтъ кивнулъ головой. Булавичъ обратился къ записывающему что-то

въ журналъ Григорьеву: — Батенька, а сегодня можно жалованье получить?

— Сегодня-то только девятнадцатое, — замѣтилъ Григорьевъ.

— Ну, такъ что-же? Завтра воскресенье, послѣ-завтра — праздникъ. Этакъ и вошь, что на арканѣ сидитъ въ карманѣ и сторожитъ послѣдній пятакъ, вспухнетъ отъ голода, не то, что азъ многогрѣшный. У васъ нѣтъ больше уроковъ, идемъ въ главное зданіе!

ГЛАВА V.

Въ главномъ зданіи на лицо былъ почти весь педагогическій персоналъ, за исключеніемъ пайщиковъ гимназіи, получавшихъ жалованье въ другіе сроки. Отсутствовалъ Бенардаки, у котораго былъ шестой урокъ, — къ нему какъ разъ и отправился окружной инспекторъ.

Часть преподавателей столпилась возлѣ преподавателя нѣмецкаго языка — Фохта, носившаго названіе Скандалини за свои постоянныя исторіи съ учениками. Фохтъ по журналу читалъ свои записи.

— „Васильевъ не хотѣлъ сказать свой фамилій, наоборотъ“. Это былъ четырнадцатаго числа. „Васильевъ заставлялъ я дѣлать ѣзду домой за забытый грамматикъ, а онъ грубилъ, говоря, что не поѣдетъ, а пойдетъ домой“. Это сегодня. — Замѣтивъ входящаго въ залъ Булавича, Фохтъ закричалъ:

— Господинъ классный наставникъ пятый классъ, прошу васъ дѣлать остановку и принимать мое заявленіе по поводу вашихъ безобразниковъ... Сегодня на пятый урокъ, когда стали кончать, тогда я приказалъ собрать учебный инструментъ и дѣлать благодарствіе. Вдругъ мальчикъ разомъ кричалъ: „мерси“. Я, конечно, разяснялъ, что обращаться по-французски къ Богу совсѣмъ непочтительно, а безобразникъ хохоталъ и объяснялъ: „мы благодаримъ васъ, а не Бога, и не знали, что благодарить васъ по-французски нельзя“. Это ви, классный наставникъ, должны понимать, что по отношенію къ

гражданинъ великій Германія было уже не только непочтительно, но и дерзко.

Раздался звонокъ. Окружной медленной походкой, съ величественной осанкой, прошелъ мимо преподавателей, скользя по нимъ безразлично-презрительнымъ взглядомъ. Центръ вниманія самъ собой перемѣстился съ Фохта на подошедшаго къ товарищамъ Бенардаки.

— Фу, чортъ, попотѣлъ, — еще неспрошенный никѣмъ заговорилъ Бенардаки, вытирая платкомъ лицо, на которомъ горѣли красныя пятна волненія.

— Не везетъ намъ съ тобой, кавказецъ! — съ видомъ утѣшающаго жалобно пропищалъ Булавичъ. — У меня, братъ, урокъ былъ данъ министерскій .. циркуляра не найдешь, чтобъ подкопаться. А чувствую, что пропишетъ мнѣ ижицы въ аттестаціи для округа, — навѣки запомнишь исторію съ генеральскимъ цилиндромъ. Еще, гляди, турнуть меня: я вѣдь на подозрѣніи.

Въ канцеляріи началась выдача жалованья, и туда ушла большая часть бывшихъ въ залѣ. Оставшіеся молча столпились возлѣ Бенардаки.

— Сова не дреметъ, — затягиваясь папироской, нарушилъ молчаніе Булавичъ.

— Какая сова? — спросилъ Григорьевъ.

— А вы развѣ не знаете, что Штромбергъ получилъ по почтѣ неизвѣстно кѣмъ посланное чучело совы? — отозвался Забоевъ. — Прекрасное чучело, рѣдкій экземпляръ... А кто-то узналъ, что съ этимъ чучеломъ связана легендарная исторія. Въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ находится эта сова, — начинаются непріятности: пожары, выговоры начальства, ревизіи, самоубійства. Конечно, стараются отдѣлаться отъ совы. Всякими способами сбываютъ ее съ рукъ.

— Обрат-но бы ее, — заикаясь предложилъ Бенардаки: — поосторожнѣе бы въ ящикъ, да подальше.

— Ого, мистика пустила корни, — засмѣялся Забоевъ. — Нельзя же такъ... безъ всякаго основанія изъ чучела, Богъ вѣсть, что сдѣлали... Я бы

для того, чтобы убѣдить невѣрующихъ, оставилъ бы сову, да посмотрѣлъ.

— Чего смотрѣть? — сказалъ Бенардаки. — Уже угостила насъ окружнымъ.

— Все это вздоръ, господа! Но я не понимаю, къ чему она, эта птица поставлена здѣсь, въ свободной школѣ. Сова — символъ ночи, мѣсто ли ей здѣсь, — махнулъ рукой географъ Ласковъ, словно отгоняя какую-то назойливо посѣтившую его мысль.

— Вѣхала сова, теперь ничего не пропишешь. Ай, ни-ни! Милліонъ сто двадцать тысячъ разъ буду повторять: вѣхала сова... каюкъ, крышка.

— Вотъ я знаю, — заговорилъ кто-то за спиной Булавича: — это факты—въ одномъ реальномъ училищѣ за три мѣсяца пребыванія чучела три преподавателя пострадали, одинъ изъ нихъ мой товарищъ... предложили переводъ къ якутамъ...

— Что вы говорите? — вырвалось у окружающихъ, а по спинѣ почти у каждого пробѣжалъ холодокъ, и гдѣ-то глубоко въ мозгу зашевелилась мысль, вопросъ: „а если и тебя турнуть этакимъ манеромъ?“

Ласково, словно скользя по воздуху, послышалось замѣчаніе Ласкова:

— Что говорить объ учителѣ, когда и съ директорами теперь, какъ съ лакеями поступаютъ.

— Съ директорами? — недовѣрчиво кто-то переспросилъ.

Милое старое лицо Ласкова, все въ рубцеобразныхъ морщинахъ, добро поглядѣло въ сторону, откуда пришелъ вопросъ.

— Да, съ директорами. Я на самомъ себѣ это испыталъ. По прежней моей должности директора мнѣ приходилось бывать на засѣданіяхъ совѣта при попечителѣ. Являться на засѣданіе всѣ были обязаны въ строгой формѣ. Сидѣть нужно было въ струнку. Замѣчу, что попечитель былъ графъ, здоровался только съ нѣкоторыми изъ насъ, и то давалъ только два пальца. Засѣданія были до тошноты скучны. Вотъ какъ было на засѣданіи, когда я присутствовалъ въ послѣдній разъ. Графъ явился злой. Молчалъ полъ-засѣданія, а потомъ вдругъ внезапно перепугалъ

даже многихъ, какъ крикнетъ: „а панихиду сегодня служили?“ и, ткнувъ пальцемъ въ одного изъ близъ него сидящихъ директоровъ, грозно спросилъ: „у васъ служилась, напримѣръ?“ — „Ваше превосход...“ только началъ директоръ, а попечитель какъ заоретъ: „Во первыхъ, я — не ваше превосходительство. Вы обязаны знать, что вашъ начальникъ графъ. А потомъ .. я по глазамъ вижу, что вы панихиды не служили. Какой же вы директоръ послѣ этого?“ Жалко было видѣть лица моихъ сосѣдей, а попечитель шелъ все crescendo: — „а у васъ панихида, а у васъ?“

— И никто не отбрилъ его сіятельство? — спросилъ Забоевъ.

Ласковъ покачалъ головой:

— Какой же директоръ рѣшится? На этомъ же засѣданіи разбирался вопросъ о совмѣстномъ обученіи мальчиковъ и дѣвочекъ. — „Ну-съ, ваши мнѣнія? Кто выскажется?“ — открылъ пренія графъ. Первый взялъ слово директоръ Гефتمانъ: — „это вопросъ большой сложности и“... — „Какъ сложности большой? — вмѣшался графъ: — это для васъ должно быть такъ все просто. Что можно возразить противъ идеи совмѣстнаго обученія?“ Гефتمانъ облизнулся и продолжалъ: — „и я думаю, что не встрѣчается возраженій.“ — „Что-съ? Не встрѣчается возраженій! Это гдѣ-съ, въ Россіи? Нѣ-ѣтъ-съ, это вы ошибаетесь! Совмѣстное обученіе допустимо въ Швеціи, во Франціи, гдѣ хотите, но отнюдь не въ такой отсталой странѣ, какъ Россія, это только наши либералы въ коммерческихъ училищахъ развели этотъ развратъ.“ — „Вы не такъ поняли меня, ваше сіятельство“, — вкрадчиво пролебезилъ Гефتمانъ: — „я хотѣлъ сказать, что не встрѣчается возраженій отрицательный взглядъ на введеніе въ Россіи...“ Я не могъ удержаться отъ улыбки. Это замѣтилъ графъ и сейчасъ обратился ко мнѣ: — „Вижу, собираетесь возразить“. — „Нисколько, я только бы осмѣлился привести мнѣніе профессора...“ Но договорить мнѣ не было суждено. Графъ, задыхаясь въ астмѣ, завопилъ: — „Вы хотите заставить меня считаться съ мнѣніемъ профессорішекъ“.

— Сговорились съ графомъ? — поинтересовался Забоевъ.

— Какъ видите... кое-какъ удалось удержаться просто преподавателемъ, да и то только въ частной школѣ.

— Слава Богу, не въ казенной школѣ служишь, — протянулъ Забоевъ.

— Что слава Богу? Въ казенной то хоть пороть, какъ слѣдуетъ, на учениковъ можно — начальство по головкѣ погладить... а у насъ зла то сорвать нельзя, — мрачно бросилъ Булавичъ.

— Вѣрное замѣчаніе, — засмѣялся Забоевъ. — Въ магазинѣ приказчики обязаны быть вѣжливыми съ покупателями.

Къ тому времени, когда Ласковъ окончилъ рассказъ, компанія, окружавшая его, успѣла получить, по очереди выходя въ канцелярію, жалованье, но тѣмъ не менѣе не расходилась, — пришло желаніе побыть вмѣстѣ. Казалось каждому въ отдѣльности, что очутись одинъ, и тебя сейчасъ же задавить что-то неизбежное, злое и несуразное.

— Слушайте, милачи, пойдете въ кабакъ выпить за скорѣйшій провалъ совы въ тартарары, — угрюмо предложилъ Булавичъ.

Не раздумывая, приняли это предложеніе и пошли за Булавичемъ, какъ стадо барановъ, гонимое гдѣ-то поднятой тревогой, идетъ за тѣмъ, кто очутился впереди.

ГЛАВА VI.

Мрачное помѣщеніе третьеразряднаго рестораника, въ который попала компанія педагоговъ, еще больше понизило настроеніе. Пили безъ тостовъ. Тупо тянули руки къ рюмкамъ, и, съ такимъ же чувствомъ отвращенія и неизбежности дѣлаемаго, глотали теплую и отъ того противную водку.

Забоевъ пробовалъ развеселить компанію и приставалъ къ Булавичу:

— Митроша, ну-ка, анекдотецъ... да позабористѣе!

Булавичъ долго отрицательно качалъ головой. Но, случайно остановившись опьянѣвшимъ взглядомъ

на блѣдномъ лицѣ Григорьева, сидѣвшаго въ отдаленіи отъ всѣхъ, вдругъ пришелъ въ ражъ.

— Вотъ для него, — показалъ онъ рукой на Григорьева, — расскажу! Ветеранъ російской монополии радъ видѣть новобранца. Дайте новичку, — крикнулъ онъ, подзывая пальцемъ лакея, — перцовки... большую рюмку! — И повернулся въ сторону Григорьева: — Такъ-то, Эрастушка... принимай первое боевое крещеніе. — Заговорилъ поучительнымъ тономъ: — Ты не бойся; опытъ, батюшка, мой зѣло великъ; перцовка въ началѣ, а за симъ лучекъ въ прованскомъ маслѣ — это надлежащій фундаментъ для постройки законченнаго зданія изъ ресторанной закуски, заливаемой алкогольнымъ цементомъ. Пока пожалеетъ перцовка, исполнимъ первый пунктъ твоего посвященія въ оруженосцы всемогущественнѣйшаго Спиритуса. Рѣшай вопросъ... географическій. Изучаль то вѣдь географію?

— Потихе, неудобно... мы въ людномъ мѣстѣ, — попросилъ Ласковъ.

— Неудобно? Голубчикъ, да вѣдь твой предметъ наиприличнѣйшій... это, не латынь, гдѣ всякая цензура въ поэзіи Виргилія и прочей публики, какъ жиръ, по поверхности бульона плаваетъ.

— Булавичъ, ты старый развратникъ, типичнѣйшая фигура разлагающагося буржуазнаго общества, — безапелляціонно заявилъ Забоевъ.

— Эхъ вы, социалдемократы! Какъ ни черта не понимаешь, такъ сейчасъ и сядишь на своего коня-буржуазію, благо, конь степенный, не брыкается, пока жретъ овесъ. — Быстро, словно сплевывая слова, проговорилъ Булавичъ и отдался приступу неудержимо охватившаго его нервнаго хохота. — Боже мой, а какъ все просто!

Размашисто смѣясь, Булавичъ смотрѣлъ на Григорьева. И чѣмъ дольше смотрѣлъ, тѣмъ тише и тише смѣялся. Черты смущенно краснѣвшаго лица Григорьева родили въ его охмелѣвшей головѣ обрывки воспоминаній о давно изжитыхъ дняхъ, которые онъ никакъ не могъ привести въ порядокъ. Чувствовалъ лишь, что когда то прежде онъ, Булавичъ, былъ другой, можетъ быть такой, какъ сейчасъ Григорьевъ... И

смутно пробѣгали въ немъ тѣни тѣхъ переживаній, которыя онъ испытывалъ въ весну своей жизни.

— А ну-ка, Митроша, про клубничку, — возобновилъ приставающаго Забоевъ.

Булавичъ разсѣянно поглядѣлъ по сторонамъ и, откинувшись на спинку стула, признался:

— Милые люди, того-съ... не могу про клубничку. Ужъ очень больно, не замазываются трещины въ груди анекдотами. Слышите! — Ударилъ по столу съ такой силой, что зазвенѣла посуда. — Баста! Коли яма въ душѣ... такъ къ чорту и клубничку и водку... горить яма... не зальешь!

Позади Григорьева, заставляя его вздрогнуть отъ неожиданности, раздался возгласъ Щастнаго:

— Насилу нашелъ тебя! Хорошо, что швейцаръ въ гимназіи слышалъ, какъ ваша компанія выбирала, въ какой ресторанъ пойти. Сестра беспокоится, что не пришелъ къ обѣду. Я обѣщалъ тебя поймать... и сказалъ, что захвачу тебя къ Березняку. Кстати, я имѣю порученіе туда же всю вашу компанію доставить, — и раскатисто гулко обратился ко всѣмъ: — Панове, товариство, ходымо на вечерницу къ пану Березняку.

Всѣ смущенно молчали.

-- Идемъ, коли зовутъ. Чего ломаться? — убѣждающе проговорилъ Забоевъ.

— А тамъ люди будутъ? — капризнымъ тономъ ребенка, спросилъ Бенардаки.

— Усе буде. . и запеканочка... и люди... и свиньи: усе буде!

— Запеканка, ура! — оживился Булавичъ. — Три года не пилъ. Стоитъ поѣхать, братцы. Милліонъ сто двадцать тысячъ разъ повторялъ и буду повторять, что всякія рябиновки и спотыкачи дѣтскій чай по сравненію съ запеканкой. Ура! живѣе, честной народъ!

Расплатились и гурьбой высыпали на улицу. Морозный воздухъ быстро отрезвилъ, и начали казаться, что согласились ѣхать къ Березняку. О немъ по слухамъ знали, что онъ былъ до пятого года преподавателемъ гдѣ-то въ захолустіи, послѣ сдѣлался довольно извѣстнымъ художникомъ, и года три тому назадъ поступилъ въ гимназію Данемана, гдѣ и служить, во всякомъ случаѣ, не изъ-за денегъ, имѣя

небольшое число уроковъ. Предполагали про себя, что живетъ онъ въ обстановкѣ, отличной отъ той, въ которой живетъ средній педагогъ, да еще изъ частной гимназіи, гдѣ трудъ оплачивается еще мизернѣе, чѣмъ въ казенной гимназіи. И отъ этого чувствовали напередъ, какъ придется краснѣть за свои потертые сюртуки и свое неумѣнье, объясняемое замкнутымъ образомъ жизни, быть интересными въ обществѣ.

И ошиблись.

У Березняка былъ очередной субботникъ. Въ его довольно помѣстительной квартирѣ было тѣсно среди косоворотокъ, бархатныхъ и простыхъ рабочихъ тужурокъ.

Григорьевъ, предоставленный самому себѣ, молчаливо скитался изъ комнаты въ комнату. Впечатлѣнія сегодняшняго дня онъ пытался слить съ той душевной настроенностью, съ которой онъ привыкъ жить за время учительства, но это ему никакъ не удавалось. Разбираясь въ хаосъ сегодняшнихъ наблюдений, онъ натолкнулся на ту правду жизни, прозаичность которой отказался понимать его мозгъ. Не хотѣлось, но приходилось сознаться, что намѣченный имъ путь жизни онъ проходить съ повязкой на глазахъ: оброни послѣднюю, и все станетъ вокругъ невѣрнымъ, непонятнымъ. Потянуло домой, вспомнился дневникъ — давно, давно онъ не заносилъ ничего на листочки своего довѣреннаго: извѣстно, что въ хорошія спокойныя минуты съ друзьями не откровенничаютъ!

Совсѣмъ опустѣла квартира Березняка, а учительская компанія и не думала уходить.

Перешли въ мастерскую, гдѣ Березнякъ распорядился затопить печь. Было слегка холодно, пахло красками, лакомъ и нежилымъ сараемъ. Сидѣли въ полумракѣ: сквозь стеклянную крышу смотрѣло глубоко-синее небо ясной зимней ночи.

— Жуть беретъ... бр... — нарушилъ тихое раздумье Ласковъ.

— Жуть? — переспросилъ кто-то забравшійся на скамеечку въ темный уголь.

Колеблющейся волной прошла надъ сидящими въ мастерской встревоженность простой души:

— Увидѣлъ небо и вспомнилъ свой первый годъ учительства въ глухомъ мѣстечкѣ. Мнѣ было двадцать два года. Я выросъ въ большомъ городѣ, жилъ всегда въ семьѣ родныхъ. А тутъ вдругъ — глушь и чужіе! Коллеги встрѣтили непривѣтливо, знакомыхъ какъ-то не пріобрѣлъ. Бывало съ тоски выйду вечеромъ на улицу. Вотъ такое же небо — показаль онъ рукой въ стеклянный потолокъ. — Собаки воютъ... холодно, а въ груди непріятное чувство... физически его можно сравнить съ изжогой... отъ накопившагося за день. А накопиться было чему... пошлость и мелочность на службѣ, дома ни единой живой души, а кругомъ въ каждомъ окнѣ сплетня... и книга то новая не доходить въ предѣлы богоспасаемаго городишки. Помню, по воскресеньямъ при встрѣчѣ со мной инспекторъ старался заглянуть за воротникъ шинели: въ форменномъ ли сюртукѣ я хожу, или нѣтъ. Понимаете, каковъ долженъ быть осадокъ отъ всей этой музыки. Шагаешь ночью по пустынной улицѣ одиночливый, какъ говорятъ сибиряки... со- знаешь, что глупо все это, а какая то надежда точить подъ сердцемъ: вотъ-вотъ, кто-то тебѣ руку протянетъ и по дружески сожметъ. А кругомъ собачій вой, холодъ! Жалкое утѣшеніе придетъ въ голову: завтра еще будетъ. Завтра, ха, ха, ха! Да завтра та-же лямка, опять нелѣпые уроки, хриплый, пропившійся голосъ единственнаго пріятеля изъ педагоговъ, честнѣйшаго малаго и довольно здраво разсуждающаго, когда онъ не пьянъ, что бываетъ, по его же словамъ, не чаще пяти дней за все учебное время. Эхъ, знаете, я даже небо научился ненавидѣть за его безстрастіе, за то, что оно такое красивое, когда внизу подъ нимъ лежитъ поганъ моей жизни.

— А развѣ вы въ исполненіи своихъ обязанностей не находили удовольстворенія? — спросилъ Березнякъ.

— Удовольстворенія? Въ этомъ проклятомъ трудѣ! — зло вдругъ закипѣлъ Бенардаки.

— Учить дѣтей — святая работа, — укоризненно вставилъ Березнякъ.

— Не святая работа, а низко оплачиваемыя услуги...

— Зачѣмъ же вы такъ смотрите? — мягко воз-

разилъ Березнякъ. — По моему, учитель — жрецъ челоѣчества. Зачѣмъ вы блага земли толкуете только съ количественной стороны, развѣ наслажденія не разноцѣнны? И если люди другихъ положеній, чѣмъ наше, имѣютъ большую возможность насладиться тѣмъ, что даютъ деньги, то развѣ не всѣмъ доступна радость проникновенія въ созданья искусства? А радость творчества, она никому не запрещена.

— А когда намъ созерцать и творить? Есть ли время? А если и есть, такъ голова ломится отъ думъ, какъ бы заткнуть всѣ дырки въ хозяйствѣ, какъ бы сумѣть удовлетворить насущные запросы семьи. Это — во первыхъ! А засимъ только бы за-быться. Придти домой хотъ спокойнымъ. Не для себя, а семьи. Прешъ домой послѣ частныхъ уроковъ въ девятомъ часу вечера, миллионъ сто двадцать тысячъ разъ повторяешь про себя ласковыя слова для своихъ... а пришелъ домой: за тетради садиться надо, исправлять... въ кучи навалены! Подойдетъ къ тебѣ сынъ пошалить... нѣтъ силъ сдерживаться... и плачутъ дѣти отъ нервныхъ окриковъ. Чужимъ отдана уже вся мягкость, все терпѣніе... и ничего не осталось для своихъ. А вѣдь мои дѣти хотъ и золотушныя, но они такія же дѣти, какъ и другія. Или нѣтъ? Они — педагогическія дѣти .. ха-ха-ха!..

Березнякъ, словно и не слышалъ надрывъ этого полукрика, и тихо, тихо, какъ разсказываются сказки, заговорилъ:

— Наслажденіе, напримѣръ, получаемое отъ симфоніи, развѣ оно не сопровождается чувствомъ достоинства, что я приходилъ въ соприкосновеніе съ чѣмъ то большимъ, нежели мое личное наслажденіе, съ чѣмъ то болѣе цѣннымъ по сравненію съ находимымъ въ обыденности, — скажу, идеаломъ? Развѣ въ душѣ педагога не можетъ жить идеаль, и онъ не можетъ попытаться зародить то же въ душѣ ученика?

— За что и быть изъятымъ изъ обращенія среди правоспособныхъ обывателей на нѣкоторое время, какъ это было съ вашимъ покорной слугой, неожиданно для Березняка добавилъ Булавичъ. — А то и

на всю жизнь крестъ поставятъ, чему, надѣюсь, приводятъ примѣры незачѣмъ.

— Ну, хорошо, я согласенъ, — взялъ за плечо его и потрепалъ слегка Березнякъ. — Такъ бывало. Я понимаю, въ тебѣ говоритъ старая обида. Но раскрой же глаза. Та жизнь ушла. Огромный сдвигъ произошелъ... 1905-ый годъ позади.

— Всѣ тѣ же лица, Алексѣй Дмитріевичъ. Новая опера при старыхъ дирижерахъ, — мрачно протянулъ Булавичъ.

— Позвольте мнѣ сдѣлать маленькое разъясненьице, — вмѣшался Ласковъ. — Общее улучшеніе общественной атмосферы, несомнѣнно, сказалось и на школѣ. Во-первыхъ, окрѣпла частная инициатива въ школьномъ дѣлѣ, внесла въ заплѣсневѣлую среду бродительное начало, и, какъ ни какъ появились побѣги новыхъ формъ. И учебничекъ пошелъ новый, методы преподаванія пробуютъ разные. Вотъ, наша „кухня“ — прямо лабораторія опытовъ педагогическихъ. По прежнимъ временамъ эта бы штука и мѣсяца не существовала, а теперь у насъ...

Бенардаки, нервно ходившій вдоль мастерской, не далъ договорить Ласкову, внезапно остановился и, ударяя руками въ грудь, чуть не закричалъ:

— Да мы то сами, господа, презираемъ себя! Слышите, презираемъ свою принадлежность къ этой профессіи! Достаточно послушать крылатыя словечки о насъ, гуляющія, съ легкой руки писателей, по лицу земли русской. Ха, ха, ха... Футляры, Передоновцы. Тошно, господа, станеть! И, склонившись на мольбертъ, отчего тотъ со скрипомъ задвигался, взволнованно прочелъ:

„Ты пойми... Мы ни здѣсь, ни тутъ, —

„Наше дѣло такое бездомное...

— Больнѣе, больнѣе! Шпарь! — въ какомъ-то экстазѣ вырвалось у Булавича. Чтобы душу вывернуло!

Ласковъ засуетился:

— Ну, что вы, господа! Оставьте — стыдно! Мнѣ кажется, что ваши слова доказываютъ какъ разъ противоположное тому, что вы хотите сказать. Если бранять педагога, то это, по моему, значитъ — его

званіе настолько имѣетъ значеніе для общества, что оно не можетъ молчать и мириться съ тѣмъ, что мы не удовлетворяемъ высокихъ требованій къ намъ. Полноте! Вы посмотрите на жизнь адвокатовъ, инженеровъ, врачей, просто чиновниковъ. Повѣрьте мнѣ, старому, что они такіе же въ массѣ, какъ и педагоги. Все среди нихъ, какъ и у насъ. И хамство, и цинизмъ, и невѣжество... всѣ знаки достоинства Пошлости! Жалуетесь на положеніе педагога. Вотъ вамъ картинка! Сидитъ врачъ и ждетъ, когда зазвонятъ въ передней, и какой-нибудь слюнявый, беззубый развратникъ придетъ лечить себя.. тяжело, а ждетъ... кто-же больший рабъ: вы или онъ? А трехэтажныя обращенія старшихъ инженеровъ съ младшими, а пьянство съ комиссіонерами? Что мнѣ говорить, сами знаете! Если разобрать, то разницу только и найдешь въ содержимомъ бумажника ихъ и нашего. А вѣдь никому въ голову не придетъ стыдить всю эту публику за всѣ ихъ мерзости, кромѣ насъ. А почему? Да потому, что отъ нихъ ничего не требуютъ. Всякій знаетъ, что адвокатъ есть адвокатъ. Какой онъ тамъ въ душѣ и по поступкамъ, чортъ съ нимъ! лишь бы хорошо твое дѣло на судѣ провель. Да-съ, а отъ насъ ждутъ! Нація ждетъ! Въ силу нашего званія мы должны быть не только специалистами, но и идеальными людьми, а мы просто люди; тутъ и завязывается узелъ противорѣчій.

Березнякъ выбрался подъ самый стеклянный потолокъ на верхъ раздвижной лѣстницы и оттуда вновь попытался отстоять свою позицію:

— Да вѣдь возможенъ же типъ указаннаго мною преподавателя! Вотъ я... ушелъ отъ искусства въ школу; оставилъ славу, чтобы служить преподавателемъ, и это послѣ того, какъ задыхался въ такой должности двадцать пять лѣтъ. Какъ только почуялась возможность работы въ школѣ, я вернулся въ нее. Вотъ вамъ комбинація, осуществляющая мой завѣтъ: сравнительно свободное училище, обезпеченный человекъ въ моемъ лицѣ. И на лицо возможность существованія учителя, который все, что можетъ, отдаетъ, чтобы вселить въ дѣтей желаніе служить идеаламъ. Вѣдь я не говорилъ о бѣдномъ, загнанномъ судьбой

и людьми учитель. Я только утверждалъ, что учитель долженъ быть, и это бываетъ, — жрецомъ чело-вѣчества... носителемъ его лучшихъ идеаловъ.

Ровный и зычный голосъ Щастнаго проникъ во всѣ уголки мастерской.

— Эхъ вы, сантименталисты и нытики! Со стороны я чужой, случайный въ вашей средѣ, — вы производите, простите меня, противное впечатлѣніе. Слушалъ, слушалъ... ноютъ: презрѣнный трудъ. Презрѣніе къ труду принадлежность калѣкъ и лѣнтяевъ, господа. Коли пороку нѣтъ, а жалованье учителя не нравится, такъ шли бы въ другое мѣсто служить. А вы, поднебесный Алексѣй Дмитріевичъ, наивный чело-вѣкъ, право! Размечтался о духовныхъ дворцахъ для дѣтей. Да мы то, взрослые, гдѣ живемъ? Скотнымъ дворомъ еще несетъ отъ отцовъ, а вы... тьфу, ты. Будемъ готовить ребятъ къ жизни среди симфоній, а имъ то можетъ и жрать нечего будетъ, когда взрослыми стануть. Школа и учитель — это далекое будущее. А пока — что же ломать комедію, оставшись наединѣ сами съ собою! Просто, кажется. Есть министерство народнаго просвѣщенія — какъ же ему назвать свои учрежденія, какъ не школой? Можно бы и по другому и, пожалуй, лучше, да стыдно. А для нашего брата, пустотѣлаго интеллигента, тоже удобно, — по жандармеріи ходу не даютъ, плохо служитъ, — подъ ложечкой совѣсть сосетъ, въ адвокатахъ не хлѣбно, ловкости въ рукахъ нѣтъ, катать въ учителя. Раньше, чѣмъ учить баюкаться въ симфоніяхъ, надо покончить съ тѣмъ, что можетъ мѣшать симфоніямъ.

Все, что говорилъ Щастный, было обидно, но въ глубинѣ души оно поднимало затаившееся бодрое. Вѣяло огнемъ и силой отъ его могучаго голоса, и хотѣлось его словъ, хотя бы еще болѣе колючихъ, еще болѣе обидныхъ. Но онъ молчалъ, ожидая возраженій, а для тѣхъ не находилось ни у кого ни подходящихъ возраженій, ни даже силы воли заставить отыскивать послѣднія, и всѣ молчали.

Луна, поднявшись высоко въ небѣ, забросала всю мастерскую синевѣлизной полусвѣтлаго воздуха.

Отступило все земное. И здѣсь, въ шестомъ

этажѣ, надъ спящимъ городомъ прильнули къ безконечности захваченныя тлѣномъ мелочей людскія души.

Надолго-ли?

Не надо объ этомъ раздумывать: вспугнешь очарованье минуты, и той не будетъ. А она паяетъ разрозненные по жизненной дорогѣ силы души. Силь же надо много...

Будетъ завтра и послѣ завтра... и много еще дней, мучительныхъ, сѣрыхъ и загаженныхъ. Сейчасъ — примкнуть къ безпредѣльности и отдыхать на ея груди!

Григорьевъ поднялся съ своего мѣста и, не чувствуя обычнаго для него состоянія застѣнчивости, началъ:

„О, учитель! О, служитель далекаго!

Ты не можешь больше ждать,

Внутренній огонь не перестаетъ обжигать

И уста твои струпьями жажды покрывать,

А влага тамъ — въ далекомъ, гдѣ...“

Поднявъ голову, Григорьевъ увидѣлъ, какъ стѣна въ одномъ мѣстѣ слегка покраснѣлась, — то безшумно открывъ дверь, за которой лежалъ освѣщенный электрической лампочкой коридоръ, вошла въ мастерскую племянница Березняка съ кофе на подносѣ, — и показалося ему, что въ легкомъ облачкѣ явилось ему видѣнье, — онъ на полусловъ остановился и сталъ глядѣть.

— Далекое... да есть ли оно? — заползъ въ воцарившуюся тишину едва слышный вопросъ Бенардаки.

Никто не отвѣтилъ.

Только эхомъ отозвалось въ сердцѣ cadaго:

— Далекое... да есть ли оно?

ГЛАВА VII.

Григорьевъ недоумѣвающе поднялъ глаза на своего собесѣдника: — Ничего не понимаю, Андрей Павловичъ! И не только сію минуту, давно уже тебѣ

собирался сказать, что я со дня твоего приѣзда потерялъ обычную ясность и опредѣленность своего отношенія къ окружающему. Ты давишь меня, мои мысли. Понимаешь, это не то присоединеніе къ твоимъ взглядамъ, которое я наблюдалъ, когда еще мы жили въ городишкѣ. Нѣтъ и нѣтъ! Тогда моя мысль легко, безъ принужденій, параллельно, можно сказать, шла за твоей мыслью, какъ за старшей руководительницей. Я самъ тогда, подтолкни меня только, могъ придти къ твоимъ воззрѣніямъ, но теперь .. теперь твои слова только муть дѣлаютъ въ потокѣ моихъ думъ. Будто бы ты тотъ же, а тебя я не понимаю. Одинаково съ тобой мы осудили жизнь, одинаково хотѣли искать примиренья съ ней... и вотъ пять лѣтъ прошло, — сошлись, какъ на перекресткѣ: у каждого свой путь. Странно: работаютъ два мозга надъ рѣшеніемъ одной и той же задачи, исходя изъ однихъ и тѣхъ же основаній, и расходятся.

— Для тебя не будетъ вопроса, если ты добавишь, что мозги работаютъ въ различныхъ условіяхъ. Тѣло созрѣвающей мысли питается соками изъ окружающей человѣка среды.

— Ты хочешь сказать, что я не могу понять тебя: вѣдь пять лѣтъ въ мой мозгъ лились ощущенья, отличныя отъ твоихъ. Но, если понять я не могу, то хоть договориться то мы могли бы до соглашенія. Вотъ сегодня. Говоримъ по частному вопросу — о школѣ, а мнѣ не ясны, — нѣтъ, не то, не убѣдительны твои доводы. Напримѣръ, сколько разъ мнѣ приходилось слышать отъ тебя, что школы у насъ въ истинномъ смыслѣ этого слова нѣтъ и при настоящихъ условіяхъ быть не можетъ.

— Да, это такъ!

— Но разъ нѣтъ школы... то позволь, позволь! Ты же не отрицаешь, что кое-что въ сферѣ народнаго просвѣщенія осуществляется. Такъ какъ же?

— Школы не существуетъ. И очень просто почему. Она сейчасъ невозможна. Этимъ утвержденіемъ я не хочу поддерживать распространеннаго въ обществѣ взгляда о фактическомъ отсутствіи школы изъ-за отсталости педагоговъ и дурного веденія ими дѣла. О, нѣтъ! Корпорация русскихъ учителей ны-

нѣшняго поколѣнія, какъ я нахожу, одна изъ первыхъ по своей работоспособности среди корпорацій другихъ интеллигентныхъ профессій. Погляди, сколько книгъ по педагогикѣ выбрасывается на книжный рынокъ. Значить, есть спросъ... И не родители же учениковъ читаютъ эти книги? Конечно, есть еще въ жизни учительства достаточно тѣневыхъ сторонъ: казенная гимназія еще достаточная твердыня для проникновенія за ея стѣны свѣжей струи. Зато въ школахъ, создаваемыхъ частной инициативой... да ты самъ знаешь, какіе есть работники! Развѣ я не вижу, какъ ты весь съ головой ушелъ въ дѣло. Какой чиновникъ, инженеръ столько читаетъ, какъ ты? Какой докторъ столько работаетъ накануне операціи, сколько ты накануне урока?

— Превозносить работниковъ и отрицать ихъ дѣло. Это — парадоксъ.

— Позволь же мнѣ договорить. Дѣло въ томъ, что эти работники не создаютъ настоящей педагоги, какъ астрологи не создали астрономію, алхимики химию. Теперешніе педагоги лишь предтечи. Ихъ работа не пропадаетъ даромъ, какъ не пропали труды искавшихъ философскій камень: они для будущаго оставляютъ рецепты лучшихъ методовъ преподаванія, свой многообразный опытъ.

— Погоди, искусство, промышленность, наука... ты не отрицаешь, что это достояніе современнаго общества, почему же школа по твоему...

— Да потому, что обществу школа, настоящая школа не нужна.

— Вспомни призывъ Пирогова: „человѣка дайте!“

— Эхъ-ма, если одинъ изъ милліона томится по человѣкѣ, такъ это не значитъ, что всему милліону нуженъ человѣкъ. Это — во-первыхъ. Затѣмъ, конечно, ты мнѣ укажешь на знамя культуры, на которое интеллигенція начертала идеи гуманности. Тогда я спрошу тебя: зачѣмъ человѣчество изобрѣло фиговый листъ? И отвѣчу, чтобы прикрыть то, чего оно стыдится. Замѣть, вопросъ идетъ о томъ только, чтобы прикрыть... Знамя культуры тотъ же фиговый листъ. Школа была и есть то, что мы хотимъ. А подъ этимъ *мы* скрываются господа положенія. Бюро-

кратія требуетъ автомата — чиновника и обывателя, у насъ — классическая школа. Погляди на за-границу. Школа, построенная на принципѣ индивидуализаціи. Думаешь, Европа лелѣетъ личность, ха, ха, ха! Капиталь — хозяинъ положенія и выискиваетъ нужныхъ себѣ талантовъ, отменяя все неспособное, тихое... не въ человѣкѣ тамъ дѣло. Поднимаетъ голову новая сила: социализмъ! Создается рабочая трудовая школа... Но и она лишь преддверіе настоящей.

— Но что же такое она, настоящая школа?

— Она совокупность всего, что будетъ дѣлать освобожденное человечество для своего потомства. Школа — поле, гдѣ незамѣтно чуткіе и знающіе люди будутъ способствовать произрастанію прекраснѣйшаго растенія -- дитяти. Она будетъ готовить къ тому единственному занятію, про которое мы знаемъ, что для него предназначенъ ребенокъ отъ рожденія, — къ занятію „человѣка“. Она дастъ ребенку возможность въ будущемъ исполнить свою миссію съ наибольшимъ счастьемъ для себя и для другихъ. И какъ она отлична отъ той школы, въ которой мы служимъ, школы... — Не окончивъ фразы, онъ сдѣлалъ отрицательный знакъ рукой, видимо, не находя достаточно сильныхъ словъ, чтобы выразить то, что онъ хотѣлъ сказать.

Медленно, какъ бы что-то соображая, Григорьевъ спросилъ:

— По твоему, моя настоящая работа никчемна?

— Да.

— Прости меня, зачѣмъ же ты самъ учительствуешь?

— Учусь.

— Чему?

— Постановкѣ дѣла. Второй годъ уже странствую по учебнымъ заведеніямъ, тамъ одно подмѣчу, тамъ другое.

— Чтобы потомъ быть хорошимъ учителемъ?

— Совершенно вѣрно.

— Зачѣмъ же это, когда учить бесплодно и...

— Можешь не продолжать, я знаю, что ты хочешь сказать. Развѣ я сказалъ тебѣ, что я настоя-

цій педагогъ? Я живу въ этомъ мірѣ и, какъ всѣ люди, подчиненъ, помимо другихъ законовъ, закону соціальному, который требуетъ, чтобы я сейчасъ въ опредѣленныхъ мнѣ рамкахъ выполнилъ свою жизнь. И я выполняю эту задачу, какъ могу. Я борюсь за новый міръ и желаю воспитать себѣ замѣстителей.

— Ты, стало быть, собираешь, какъ пчела цвѣточную пыль, все хорошее, чтобы примѣнить это... — запнулся Григорьевъ, не зная, какое ему употребить слово.

— Да ты не бойся, — одинъ разъ можно и обмолвиться въ школь...

— Какой?

— Нашей. Той, которую создаетъ пролетаріатъ, если онъ придетъ къ власти при моей жизни...

Помѣшалъ Булавичъ, вошедшій въ комнату съ Катей:

— Да остановитесь, анафемы! Милліонъ сто двадцать тысячъ разъ повторялъ и буду повторять, что омерзительнѣе умныхъ разговоровъ на именинахъ ничего нѣтъ. Идемте пить чай.

Въ день своего ангела Катя забрала обѣденный столъ изъ комнаты мужчинъ въ свою спальню. Здѣсь отъ всего: отъ бѣлыхъ прозрачныхъ занавѣсокъ на окнахъ, отъ прислонившейся кровати къ углу съ кружевными накидочками на подушкахъ вѣяло строгостью и дѣвственностью.

Черезъ нѣсколько минутъ компанія пополнилась двумя студентами и Катиной товаркой по высшей школѣ. Булавичъ началъ сыпать своими тяжелыми остротами.

Подъ всхлипыванье самовара и шумный говоръ окружающихъ плавно выростала у Григорьева цѣпь умозаключеній и ясно доказывала, что въ словахъ Щастнаго заключается лишь одна часть истины. И, мысленно заглянувъ на дно человѣческой исторіи и начавъ съ ея животнаго періода, поднимался по ступенькамъ эволюціи все выше и выше, сживаясь съ тѣмъ далекимъ, чувствуя его, какъ свое собственное. Да, да, несомнѣнно, животное безкорыстно, то есть, безъ непосредственнаго отношенія къ его физическому аппетиту, можетъ радоваться игрѣ яркихъ солнечныхъ

лучей, зачаровываться гармоніей мелодій, распѣваемыхъ столѣтнимъ лѣсомъ вмѣстѣ съ его травами и птицами: такимъ образомъ, даже у животного не все лежитъ въ рамкахъ борьбы за существованіе. Совсѣмъ же невозможно допустить, чтобы человѣкъ, слѣдующая фаза въ эволюціи, не находился хотя бы въ такомъ положеніи, а тогда... тогда... какъ же можно рѣшиться утверждать, что не всѣ малыши одинаковы, что есть такіе, въ душѣ которыхъ нелѣзя разбудить тяготѣнія къ пламенѣющей красотѣ? И несомнѣннымъ становилось, что дѣти вездѣ дѣти, и нѣтъ основаній нѣ-которую часть ихъ оставлять безъ вниманія, тѣмъ самымъ сокращая число чаемыхъ лучшихъ дней. Глядѣлъ благодарнымъ взглядомъ на снимокъ съ символической картины, изображающей насквозь просвѣчивающую фигуру Великаго Старца на фонѣ невинно-величественныхъ цвѣтущихъ яблонь, что висѣлъ на стѣнѣ, недалеко отъ кровати сестры: этотъ человѣкъ ранѣе его оправдалъ въ себѣ и вынесъ міру правду о побѣдѣ добра при помощи моральнаго переворота. Всѣ сомнѣнія одно за другимъ откатились за грани сознательныхъ сферъ ума, остался лишь одинъ неразрѣшимый вопросъ: какъ можетъ Андрей, его другъ, такой проникновенный, думать иначе.

Сильный хохотъ нарушилъ уютъ уединенности Григорьева и заставилъ его вспомнить объ окружающихъ.

— Ха, ха, ха, — не унимался Булавичъ: — я зналъ одну дѣвицу, такъ она, запаха мужского не переносила, что, положимъ, вполне объяснилось физиогноміей этой дѣвицы, подобной осени мокрой. А вотъ почему вы...

— Хотите третейскій судъ?... а такъ я васъ больше не слушаю. Судьей выберемъ Андрея Павловича.

— Неопытенъ, — махнулъ рукой Булавичъ. — Онъ въ амурахъ, какъ цурикъ въ бенедиктиникѣ, смыслить... куда же ему разобратъся въ женскомъ вопросѣ!

— Фи, и сравненія же! Должно быть, въ дни вашей молодости, барышни отъ васъ бѣгали, какъ отъ одержимаго...

— Ого! Бѣгали не отъ, а къ... сіе долженъ засвидѣтельствовать. Каждый май въ гимназическіе и студенческіе годы исходилъ слюной, объясняясь въ любви по темнымъ угламъ.

— Невозможный человѣкъ! Заткните папироской что-ли свои гадости. Андрей Павловичъ, будьте добрымъ, засудите этого сатира...

— Засудить? — задумчиво полуспросилъ Щастный и, слегка прищурившись, послѣ нѣкотораго колебанія заговорилъ: — извольте! По-моему, человѣкъ нераздѣлимъ, и если онъ хочетъ оставаться таковымъ, т. е. человѣкомъ, онъ долженъ изжить себя во всѣхъ смыслахъ. Онъ долженъ нести трудъ, онъ долженъ витать духомъ въ горнихъ мечтахъ, онъ долженъ брать радости. И ласка, понимаемая, какъ...

— Ге, ге, ге... — уже прямо гоготалъ Булавичъ, — да нашъ судья не промахъ. Быть гармонически цѣлой натурой — это счастье. А пути аскетовъ, пути суфразистовъ, пути эпикурейцевъ — это однобокость. Можетъ быть, это необходимая переходная ступень, не спорю, но отнюдь — это не идеаль. Я думаю, что полнота жизни, если бы человѣкъ имѣлъ ее, умножила бы его пріобрѣтенія, его научныя открытія, его искусство, его борьбу за лучшее будущее.

У Кати, все время слѣдившей за игрой глазъ Щастнаго, сорвалось:

— А если не приходитъ полнота?

— Да, это трудный случай. Впрочемъ, противъ того, что обыкновенно наблюдается, будетъ не хуже. Не будетъ полноты... ну что-жь, человѣкъ будетъ служить одному, какъ и до сихъ поръ служилъ.

Загадочно улыбулась Катя:

— Просто, а я не подумала.

Ставъ посрединѣ комнаты съ видомъ просящаго милостыню, Булавичъ занылъ:

— Взопрѣлъ отъ преній, ей Богу! Въ отставкѣ, съ двумя орденами, безъ пенсіи, но при готовой женѣ и двухъ младенцахъ, катарръ желудка и прочемъ... положенье прескверное... прошу милостыни: не отравляйте вечеръ философіей. А я пѣсенку спою, только бы Екатерина Романовна проаккомпаниро-

вала... Я гитарочку самъ со стѣночки сниму и настрою.

— Мы вамъ милостыню подадимъ, а вы ужъ не пойте... и такъ очень нравитесь! — съязвила курсистка.

— Оно того, прямо въ бровь. А бывало .. соловьемъ разливался... май... открою окно и пою... а подъ окномъ шеренга гимназистокъ. Теперь бы такъ, да дырявый зубъ присвистъ даетъ и портитъ піано. — Взявъ гитару со стѣны, подаль ее Катѣ и зарычалъ дѣланымъ трагическимъ голосомъ на Щастнаго: — Андрей Павловичъ, поорите-ка вы, счастливый соперникъ. Что дѣлать: суфражистки теноровъ не любятъ.

— Что поете? — наклонилась Катя къ Щастному — рыбацкую? — И взяла первые аккорды съ закрытыми глазами, ясно представляя себѣ: рокочетъ море... она съ Андреемъ на берегу, и онъ рассказываетъ ей о своемъ дѣтствѣ, какъ совсѣмъ еще мальчонкой ходилъ съ отцомъ и братьями рыбаками въ море, помогалъ имъ готовить снасти, кашу варилъ.

Несется припѣвъ пѣсни:

„Непогода и туманъ,
Шибко хлещетъ за кормой,
Ломить парусъ ураганъ, —
Эй, смотри, братъ, рулевой!“

И чудится Катѣ, что она съ Андреемъ въ рыбацкой лодкѣ, и сталь его голоса впивается въ вой бурана и глубоко пронзаетъ необозримый просторъ бушующихъ водъ. Но гложетъ голосъ въ громкихъ аккордахъ гитары, подражающей всплескамъ волнъ о бортъ баркаса.

Щастный окончилъ послѣднія слова строфы безъ аккомпанимента. Мелкой дрожью прошелъ безпричинный страхъ по пальцамъ Кати, и они отказались захватывать струны; Катя заметалась съ нѣмымъ вопросомъ предъ мракомъ, вдругъ заставшимъ ея сердце, какъ метались жены рыбаковъ передъ загадочными далями темной ночи, держащей въ своей власти судьбы ихъ отцовъ, мужей...

— Хорошо, — промолвилъ Григорьевъ, пресѣкая воцарившуюся тишь минуты. — Море хочется видѣть...

— Въ кинематографъ пойдемте, гдѣ показываютъ море... — предложила курсистка.

Булавичъ колючкомъ сложилъ руку и подошелъ къ ней. За нимъ поднялись и остальные.

Сумятица подлѣ кинематографа раздѣлила компанію. Катя только издали услышала голосъ Щастнаго:

— До свиданія! Экая досада, я забылъ, что сегодня въ семь часовъ обѣщалъ быть въ одномъ мѣстѣ. Домой къ вашему приходу буду.

Катя успѣла замѣтить, что Щастный заговорилъ съ какой-то дамой, несмотря на то, что быстро толпа растворила его въ себѣ. Легкое головокруженіе заставило ее поддаться назадъ.

— Что съ вами! — спросилъ Булавичъ, принужденный поддержать ее.

Катя не отвѣтила. Страшное чувство оторванности охватило ее. Она машинально прошла за другими въ кинематографъ и заняла мѣсто. Глаза ея не слѣдили за смѣной картинъ на экранѣ.

„Ахъ, что это вошло въ мою жизнь? Что это?“ — И одинъ за другимъ раскрывались передъ ней уголки давней жизни. Вотъ юркая Катя, которая на край города бѣгала по праздникамъ въ школьный садъ таскать яблоки — скороспѣлки. Ловко взбирается на заборъ и оттуда показываетъ языкъ учителю, Андрею Павловичу, когда тотъ, заставъ ее на мѣстѣ преступленія, пытается поймать.

А вотъ уже въ длинномъ платьѣ та же Катя пробирается вечерней порой густымъ вишнякомъ, спотыкаясь о каменья и царапая ноги о колючки; дальше бѣжитъ черезъ кладбище, залитое невѣрнымъ свѣтомъ луны, дрожитъ, вспоминая всякіе ужасы, слышанные въ дѣтствѣ. И, Боже мой, какъ замирало сердце у нея, когда она стояла у желаннаго окна и видѣла черезъ него на стѣнѣ огромную тѣнь. Стукнетъ Катя, — задвигается тѣнь, вытянется, исчезнетъ; мигъ, распаивается окно и протягиваетъ руку Андрей Павловичъ: „Стрыбай дивчина“. А потомъ уроки... сначала Андрей Павловичъ училъ, а потомъ вдвоемъ учились, готовились на аттестатъ зрѣлости, кото-

рый и получили въ одинъ и тотъ же годъ. А сколько радости было въ думахъ о большемъ, такомъ заманчивомъ и милѣ желанномъ. Сколько слезъ послѣ отказа отца отпустить учиться дальше...

Недоумѣніемъ и болью наполнилась грудь: „Отчего же теперь такъ безрадостно и сѣро? И отчего такъ въ прошломъ... все дорого? Что тамъ было? Ругань отца да стоны вѣчно больной полуслѣпой матери. Неужели все это дѣлало милымъ мечты... о чемъ? Мечта учиться дальше, достигать возможности быть полезной народу: это все, къ чему такъ и тянулась я тогда, — это вѣдь все, что заставляло меня бѣжать къ Андрею, моей помогѣ; и это все приобрѣло плоть и кровь. Отчего же такъ безрадостно, такъ уныло?“

Домой возвращались усталые. Лишь Булавичъ безъ конца сыпалъ остроты, никого, кромѣ него, уже не смѣшившія.

Дома Катя принялась за уборку. Потомъ медленно раздѣвалась, долго расчесывала черныя, съ отливомъ вороньяго крыла, длинные косы. При каждомъ стукѣ вздрагивала: не идетъ ли? Мелькнуло: „это въ первый разъ я такъ жду Андрея“. И хотѣла подавить въ себѣ тревогу, но не могла. „Гдѣ же онъ? — и стыдила себя: — онъ свободный человѣкъ, что тебѣ за дѣло? — но опять поддавалась слабости: — онъ никогда такъ не говорилъ, какъ сегодня, — и тутъ же успокаивала себя: — и понятно, мы никогда не говорили на такія темы“.

Изъ сосѣдней комнаты неслось мѣрное дыханіе брата. Часы показывали четверть второго. Задула свѣчу. И опять объяло волненіе: „Гдѣ онъ? Почему его такъ долго нѣтъ?“

ГЛАВА VIII.

Полуосвѣщенная большая комната; двѣ стѣны заставлены американскими полками, заполненными книгами; посрединѣ огромный, чуть ли не въ четверть комнаты, письменный столъ, заставленный, какъ и подоконники, тетрадами, бумагами и газетами.

Хозяинъ комнаты вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ расположились въ единственномъ здѣсь уютномъ уголкѣ на тахтѣ, разсматривая чертежи, набросанные въ безпорядкѣ на стоявшемъ возлѣ тахты столикѣ.

На стѣнѣ подъ портретомъ Нитше ерзаютъ странныя тѣни: яркій свѣтъ внизъ отъ электрической лампы рисуетъ рѣзко темные силуэты туловищъ, а очертанія ихъ головъ расплывчаты и сѣры отъ мягкихъ, поглощенныхъ зеленымъ матомъ абажура лучей.

Петръ Бернгардовичъ Шпанъ—такъ звали гимназическаго врача—колючимъ взглядомъ слѣдитъ за указательнымъ пальцемъ Штромберга, по временамъ расправляя свою мускулистую фигуру, военную выправку которой тщетно пытается скрыть статскій сюртукъ.

— Направо отъ моей квартиры, за вестибюлемъ, пріемная, канцелярія и актовъ залъ. А вотъ планъ второго этажа. — И подъ непрерывное почти поддакиваніе доктора онъ показывалъ все далѣе планъ своего дома, сопровождая это поясненіями мотивовъ, заставившихъ его принять тотъ или иной варіантъ въ исполненіи деталей плана.

— Ты строишь, конечно, въ кредитъ.

— Какъ тебѣ сказать... фундаментъ вывелъ на свои, потомъ заложилъ его въ банкъ и на полученныя деньги построилъ стѣны, осталась отдѣлка зданія, вѣроятно, придется сдѣлать вторую закладную...

— А если помѣщеніе останется пустымъ, какъ будешь платить проценты?

— Гимназія Данемана сниметъ мой домъ.

— Какъ? Это большой вопросъ...

— И рѣшенный.

— Когда и кѣмъ?

— Тобой и мной.

— Что? Я...

— Да, ты. У тебя четверть паевъ гимназій, у меня тоже, итого половина. На слѣдующемъ совѣтѣ пайщиковъ мое предложеніе должно пройти: для этого необходимъ маленькій перевѣсъ... ну, а развѣ Иванъ Ивановичъ не имѣетъ никого на своей сторонѣ?

— Это гениально, — развелъ руками докторъ. —

Одного я не ожидалъ, что наша дружба тоже одна изъ твоихъ безчисленныхъ комбинацій.

— Петръ, — укоризненно произнесъ Штромбергъ, — холодный ты человекъ! Дружба — это первичное чувство, единственнымъ источникомъ котораго является желание распылить свое одиночество, а не комбинація! Ты — предохранительный клапанъ... понимаешь, безъ тебя, не знаю, шла ли бы такъ моя жизнь, какъ она идетъ. Маска иллюзій, маска лжи — необходимое условіе человѣческаго успѣха, безъ которой теряется весь человекъ въ глазахъ другихъ людей, — тяжелая вещь. Какъ устаешь вѣчно лгать.

— А ты возьми и перестань лгать! Этимъ добавокъ ты еще достигаешь того, что освободишься отъ меня. Вѣдь самъ-то ты говоришь, что худшая изъ зависимостей — зависимость отъ другого человека, прикрѣпляющая его къ послѣднему нитями душевныхъ необходимостей.

— Не лгать? Нѣтъ, теперь поздно. Мой мозгъ не можетъ смотрѣть на происходящее „наивно“, мое чувство къ „власти“, къ „дѣятельности“ не смирится. Я хочу быть надъ жизнью, а не слабымъ и жалкимъ послѣдышемъ ея. Ложь — орудіе сильнаго. И если я хочу стать въ переднихъ рядахъ жизни, — я долженъ принять законъ лжи, единственный законъ, которому должны подчиняться господа на землѣ. Пожалуй, тяжесть этого закона будетъ побольше тяжести всѣхъ тѣхъ законовъ, подъ которыми ходитъ простой смертный. Этотъ законъ никто и ничто не охраняетъ... и тѣмъ ужаснѣе его нарушение.

На лицѣ доктора, безстрастномъ и холодномъ, временами ложилась тѣнь загадочной гримасы отъ кривившихся уголковъ губъ. Онъ терпѣливо внималъ потоку обычно плавно — связанныхъ и красиво — построенныхъ словъ Штромберга, а теперь корявыхъ и необузданныхъ, свидѣтельствовавшихъ о потерѣ послѣднимъ чувства контроля надъ самимъ собой. Пробило восемь часовъ.

— Иванъ, намъ пора!..

— Это къ повѣренному того маньяка?...

— Угу!

— Слушай, комбинація, — притянулъ Штромбергъ

къ себѣ доктора за пуговицу скюртука и заговорилъ пониженнымъ голосомъ: — Понимаешь... отчего мнѣ не сойти за подпольнаго человѣка? Сфабрикуемъ расписочку съ печатью революціоннаго комитета, получимъ денежки и тутъ же подѣлимъ. Ну, а литературныя упражненія твоего полоумнаго пріятеля куда-нибудь въ воду свалимъ. Съ одной стороны, подаримъ маньяку минуты счастливаго сознанія, что Россія зачитывается его воззваніями и бреднями; вѣдь онъ-то иностранецъ, и, вѣроятно, Россія ему такъ же близка, знакома, какъ и рыбное царство Сѣвернаго моря; съ другой стороны... ну, это ясно. Такимъ образомъ, кромѣ положительнаго для той и другой стороны, такая операція ничего не принесетъ.

— Это невозможно. Онъ набилъ руку на устройствѣ революціи, наострился... ну вотъ, какъ наостряются любители-коллекціонеры въ своемъ старѣи разбираться. Отъ тебя потребуютъ факты, а у тебя только обрывки старыхъ свѣдѣній, самъ же ты говорилъ, что даже въ тѣ времена, когда красные считали тебя своимъ, ты и то въ самую гущу не попалъ. А затѣмъ, чѣмъ мы будемъ гарантированы, что онъ не пошлетъ за нами слѣдить, какъ мы будемъ исполнять его предписанія, вѣдь денегъ то у него и на такую штуку хватитъ.

Штромбергъ, немного подумавъ, спросилъ:

— Петръ, а почему ты не взялся за это дѣло самъ?

Вопросъ своей неожиданностью смутилъ доктора, и онъ не сумѣлъ выдержать отвѣтъ въ медлительномъ спокойствіи обычной своей рѣчи:

— Я—баронъ. Мнѣ „запахнуть“ революціей труднѣе, чѣмъ богатому въ рай попасть. Пока я заведу нужныя знакомства, мой пріятель можетъ уйти къ праотцамъ.

Штромбергъ возился надъ пристегиваньемъ воротничка къ рубашкѣ, что ему все не удавалось; уставъ, онъ остановился и, скорѣе отвѣчая своимъ мыслямъ, нежели обращаясь къ доктору, промолвилъ:

— Что я могу получить за мое посредничество?

— Подъ закладную тысячу сто безъ оплаты про-

центовъ на нѣсколько лѣтъ... какъ разъ бы на окончаніе дома хватило.

Штрюмбергъ даже застоналъ:

— Спасибо, Петръ, что не забылъ меня. Если это вѣрно, что можно выкачать изъ кармановъ твоего иностранца нѣсколько милліоновъ... такъ на такіа деньжищи не то, что представленіе, а можно устроить... самое настоящее... — Въ голосъ его зазвучали торжественныя ноты. — Вы понимаете, Петръ Бернгардовичъ... это у меня сейчасъ мелькнуло... я могу свое имя въ исторію внести. Это я, Штрюмбергъ, орошу плодоноснымъ иломъ море жизни. . Пусть не мои, чужія деньги, но направленіе имъ даю-то я. И когда меня волна революціи вознесетъ на гребни, я не забуду о тебѣ.

Въ передней столкнулись съ раздѣвающимся тамъ Щастнымъ. Обмѣнялись тамъ незначительными фразами.

На лѣстницѣ докторъ, наклонившись къ уху Штрюмберга, прошепталъ:

— Щастный...

— Да, я тоже подумалъ, о немъ писалъ мнѣ крупный дѣятель, я Щастнаго давно знавалъ, и тогда еще онъ пользовался вліяніемъ.

— Угу?

— Угу, — въ тонъ отвѣтилъ Штрюмбергъ, понявъ значеніе вопроса. — Ну и нюхъ у тебя! — Громко крикнулъ извозчика и, когда подкатила пролетка, попросилъ: — Скажи, куда ѣхать.

— Европейская, извозчикъ!

—

У порога столовой остановился Щастный и замеръ, глядя впередъ. Мягкость свѣта отъ матовыхъ лампочекъ у потолка баюкала въ неясныхъ очертаньяхъ фигуру Натальи Михайловны; и надъ ея головой, въ красивѣйшихъ сплетеньяхъ волосъ, чудилось, улыбалось солнце, какъ оно улыбается лѣтними утрами надъ колосьями дозрѣвающей ржи. И вся она, казалось, свѣтлый призракъ среди безформенныхъ массъ черноты, идущей отъ темныхъ обоевъ комнаты.

Онъ глядѣлъ, какъ привороженный. Такъ съ нимъ бывало въ степи: иной разъ вскинеть взглядъ вдоль дороги—повсюду впереди раскинулась степь, надъ ней небо, а въ немъ чудеснѣйшіе переливы цвѣтныхъ вуалей; повернется кругомъ—и все то же; ослѣпленные глаза опускаются къ землѣ, а та—въ цвѣтахъ; все тогда туманится... и нѣтъ неба... и нѣтъ степи... и нѣтъ созерцанія... только одно есть—бесконечность. И теперь онъ переживалъ подобныя минуты, минуты, которыя знаютъ лишь люди степей!

Наталія Михайловна позвала его, а онъ, словно только что проснувшійся, еще не вполне понимающій, твердилъ:

— Эхъ, славно!... земля просторливая, степь роднющая!..

— О комъ это вы?

— Такъ!

— Ну, — прикрикнула Наталія Михайловна, — говорите!

— О степи... глядѣлъ на васъ и вспомнилъ степь!

— А она красива? Я—лѣсная—никогда ее не видала!

— Безумно красива!

— Поэзія. Не пристало это къ вамъ, Андрей Павловичъ.

— Да развѣ это поэзія? Поэзія—слова, ритмъ, созданное человѣкомъ... а это... понимаете... это—степь... степь.

— Ну, степь... а дальше что?

— Какъ вамъ сказать? Вѣдь вы не видѣли... а ее нужно видѣть, чтобы...

— Пойдемте! — и съ улыбкой повлекла его за руку Наталія Михайловна. — Я расскажу вамъ, какъ я чувствую степь... какъ-то, послѣ вашего описанія степи, я грезилъ о ней.

Странно замечтался Щастный на креслѣ въ углу гостиной, откуда за свѣтлыми параллелограммами, положенными уличнымъ электрическимъ фонаремъ на полу сквозь отверстія оконъ, едва была видна Наталія Михайловна за роялемъ.

Глубоко и остро вникая въ связь звуковъ, онъ словно читаль, что они говорили, вѣрнѣе, что онъ хотѣлъ, чтобы они говорили. То казалось, что шелъ рассказъ о прогулкахъ въ морозные вечера по затихшимъ улицамъ; о біеніи сердца, сливающимся съ стукомъ шаговъ объ обмерзлый тротуаръ; о прикосновеньи къ теплой нѣжной рукѣ. То казалось, что рояль поеть повѣсть ея жизни до встрѣчи съ нимъ... и онъ принималъ къ звукамъ еще болѣе жадно, и угадывалъ, и переживалъ эту чужую жизнь и такую страшно-близкую. То казалось, что гармонія звала его въ безвѣстный край, гдѣ онъ встрѣтитъ ее, чтобы не разставаться; и мерещилась волнистая гладь травъ, замыкаемая бирюзой далей, по которой они идутъ, вдыхая нѣжное благоуханье ковыля, мяты и душистаго горошка.

И оттого для него показалось незамѣтнымъ воцарившееся надолго молчаніе и неожиданно быстрой смѣна давно замолкнувшей мелодіи вопросамъ:

— Вы давно женаты?

— Знаете и это?

— Какъ видите. Сегодня у кинематографа вы шли съ женой?

— Да.

Молчаніе. И немного погодя еще вопросъ:

— А дѣти у васъ были?

— Откуда же? У меня, собственно говоря, нѣтъ жены...

— То есть, какъ это?

— Это было давно, Наташа, — и не замѣчая, что называетъ такъ фамиліарно свою собесѣдницу, онъ продолжалъ говорить. — Въ глухомъ городишкѣ, гдѣ мнѣ довелось служить въ приходской школѣ учителемъ, я встрѣтился съ подросткомъ-дѣвочкой. Я разбудилъ въ ней тягу къ знанью; вмѣстѣ съ ней готовились къ экзаменамъ за гимназію... и послѣ, когда я ѣхалъ учиться въ университетъ, она прибѣжала ко мнѣ со слезами: отецъ не пускалъ ее въ большой городъ. Разсудили: былъ одинъ выходъ для нея, и мы перевѣнчались. Приняли поздравленія,

погуляли, а вечеромъ сѣли въ поѣздъ... и въ ту же ночь на узловой станціи разъѣхались въ разныя стороны: она въ Медицинскій Институтъ, въ Петербургъ, а я въ одинъ изъ южныхъ провинціальныхъ университетовъ...

— Андрей Павловичъ, идемте чай пить, — не дослушавъ Щастнаго, поднялась Наталія Михайловна: донесшійся звонъ чайной посуды и хохотъ вывелъ ее изъ состоянія забытья и заставилъ подумать о томъ, что изъ столовой могутъ замѣтить, что гостиная не освѣщена.

При входѣ въ столовую Щастнаго, сидѣвшіе за столомъ пансіонеры Штромберга, ученики выпускного класса, почтительно привстали, а мать самого Штромберга изъ-за самовара жеманно поклонилась. Щастный бѣгло оглядѣлъ старуху. Необычайная по величинѣ фигура послѣдней, тщетно уменьшаемая корсетомъ, наглое, хорошо сохранившееся лицо съ безобразно широкимъ ртомъ, парикъ съ модной прической, вызвали чувство отвращенія, и онъ отвелъ глаза въ сторону. Старуха засыпала его вопросами, и онъ, несмотря на радость отъ присутствія вблизи Наталіи Михайловны, почувствовалъ себя довольно затруднительно: былъ разсѣянъ и отвѣчалъ невпопадъ.

Не выручилъ Щастнаго и приходъ Штромберга, который своей предупредительностью и любезнымъ радушіемъ поставилъ его въ такое тягостное положеніе, что онъ рѣшилъ сразу выйти изъ него: поднялся и, радостно думая о томъ, какъ останется наединѣ самъ съ собой, сталъ прощаться.

— Погодите! Я еще хотѣлъ съ вами потолковать,—задержалъ его руку въ своей Штромбергъ.

— Право, я усталъ...

— Зайдемте ко мнѣ въ кабинетъ...

Щастный случайно поглядѣлъ въ глаза Наталіи Михайловны, и тамъ увидѣлъ то же удивленіе передъ выказываемымъ ему вниманіемъ со стороны ея мужа, какое самъ испытывалъ.

„Неудобно отказаться... словно только изъ-за Наташи пришелъ“,—подумалъ онъ и, скрѣпя сердце, пошелъ за Штромбергомъ.

ГЛАВА IX.

Заткнувъ пальцами уши, сидѣлъ на окнѣ и зубрилъ что-то Соколовъ. Возня его товарищей по училищу и пансіону у Штромберга, Вольфа и Теръ-Мохоробельянца, наконецъ, вывела его изъ терпѣнія и онъ крикнулъ:

— Баронъ, несли бы тебя черти въ бильярдную, что ли!

— Брось зудить, какъ не стыдно!

— Хорошо тебѣ, баронскую шкуру отъ рожденія имѣешь: подашь твой аттестатъ въ инженерное училище, анъ въ аттестатѣ мѣста троекъ позаймутъ твои родственнички, а каждый изъ нихъ съ вѣсомъ, самое малое „четверку“ тянетъ. А мнѣ, братъ, кузнецкому сыну надо зубъ начесывать—медаля нужна!

Карапетъ приподнялъ голову отъ полу и, чихнувъ нѣсколько разъ, глубокомысленно изрекъ:

— Во всякомъ случаѣ зачѣмъ для Ивантія зудишь? Вѣдь ты у него на квартирѣ.

— Теперь нельзя! Ивантій на взводѣ.

— Ой,—испуганно вырвалось у Вольфа. — Я два дня не былъ въ училищѣ — ничего не знаю. Съ чего это онъ на рельсу сталъ.

— Я думаю, что это пошло съ урока космографіи. Ивантій рассказывалъ о вращеніи земли, вдругъ—стопъ машина... Затерло. Я на лбу у него потъ видѣлъ, когда онъ, закончивъ объясненіе, сѣлъ на кафедру записать урокъ. Тутъ Комовъ поднимается и спрашиваетъ: „Какъ прикажете, Иванъ Ивановичъ, выучить по записи ваши объясненія или по книгѣ? Дѣло-то въ томъ, что въ книгѣ сказано о вращеніи земли вокругъ солнца, а изъ вашего объясненія вытекаетъ какъ разъ обратное!“ „Что-съ? Что-съ? вспыхнулъ Ивантій; просто вы не разобрались... Садитесь!“

— Ишь, скотина, — съ чувствомъ удовлетворенія вымолвилъ Теръ. — Позавчера я былъ въ циркѣ, а онъ въ театрѣ, оба не подчитали съ вечера. Хорошо... а на утро онъ чохохъ-били вмѣсто космографіи дѣлаетъ... да... а мнѣ... есть ли совѣсть?... колъ ставить...

— Ну, положимъ, Карапетъ, твой чохохъ-били прямо въ блевотину гналъ.

— Баронъ, свидѣтель будь! — принялся оправдываться Теръ. — Я немного невѣрно говорилъ. Но развѣ нельзя прощать, если человѣкъ свои книжки вторую недѣлю къ букинисту таскалъ. Называй ему, какіе оптическіе приборы бываютъ? Отвѣтилъ: „Трубка Галилея, бинокль“. Опять мало. Скажи, для чего бинокль употребляется. Нажалъ педалью на голову, увѣренно говорю: „чтобы вверхъ ногами свѣтила на небѣ ставить“. И за это погналъ и колъ! Не свинство-ли? Вчера отецъ ему по почтѣ кахетинскаго прислалъ.

— Эхъ, армянинъ, ишакъ ты, а не человѣкъ, какъ это неоднократно изволила высказывать француженка.

— Коли я ишакъ, такъ кто же тогда будутъ французы? — довольно сердито буркнулъ Теръ.

— Какъ такъ?

— Да ты почитай нашу французскую хрестоматію, какія тамъ вещи пишутъ. Сегодня меня mademoiselle заставила переводить: „Дикій кабанъ, въ порывѣ бѣшенства, разорвалъ кусокъ бѣлоснѣжнаго чепчика нашей слѣпорожденной бабушки“. Этого, милый, армянинъ тебѣ не скажетъ: кабаны животы порятъ, не бабушкины чепчики.

Вольфъ, смотрѣвшій въ окно, вскрикнулъ:

— Смотрите, Комовъ къ намъ идетъ... Вотъ исторія! Карапетъ, поди открой двери, горничной дома нѣтъ... да зови его сюда.

Когда Карапетъ вышелъ за дверь, Вольфъ приблизился къ Соколову.

— Ну, не зѣвай! Полюбезнѣе нужно съ нимъ! Ты вѣдь знаешь, что онъ отъ кружка „Саморазвитія“ прошелъ въ предсѣдатели бальной комиссіи на гимназическій вечеръ.

— Тебѣ онъ нуженъ, ты сосись съ нимъ, — недовольно отозвался Соколовъ, не любившій Комова за его вліяніе на сотоварищей, на которое онъ самъ претендовалъ. Это было старое соперничество, съ самаго основанія кружка „Саморазвитія“, съ того дня, какъ всѣ покорились простотѣ, знаніямъ, организаторскому таланту Комова.

— Нельзя же так!.. у тебя личные счета, а ты изъ-за нихъ разстраииваешь общественное дѣло, — тономъ укоризны Вольфъ замѣтилъ Соколову.

— Баронъ, выражайтесь поосторожнѣе! Здѣсь не всѣ бѣлоручки, чтобы воровство общественнымъ дѣломъ называть.

— Да ты, Ваня, бѣлены обѣлся, что ли! Ты же самъ со мной планъ дѣла разрабатывалъ и говорилъ, что безъ Комова нельзя обойтись. Отъ него зависитъ назначеніе кассира, продавцовъ въ кіоскъ съ цѣвѣтами, — продолжалъ урезонивать товарища Вольфъ. — Ты подумай, что насъ ждетъ на Рождество. Мы все, что можно, уже профершпилили.

Въ комнату вошелъ Теръ съ Комовымъ, къ которому съ объятіями кинулся Вольфъ.

— Дорогой, какъ мы рады! Мы слышали о вашемъ успѣхѣ. Ваше послѣднее выступленіе въ классѣ сдѣлало васъ нашимъ гимназическимъ героемъ.

Комовъ отъ этихъ словъ густо покраснѣлъ. Дѣло въ томъ, что онъ пришелъ къ самому Штромбергу съ покаянной по настоянію своей сестры, запуганной Штромбергомъ тѣмъ, что ея братъ не окончитъ курса, если не будетъ братъ у него уроки. Послѣднее же Штромбергъ обставилъ такимъ образомъ, что для Комова онъ будетъ заниматься безвозмездно, якобы изъ желанія поддержать хорошаго юношу, на самомъ же дѣлѣ гонораръ будетъ выплачиваться сестрой тайкомъ отъ брата. Комовъ согласился съ увѣщаніями сестры только изъ-за своей большой любви къ ней, еще болѣе разогрѣваемой очень рѣдкими съ ней свиданіями, — сестра служила компаньонкой, какъ онъ зналъ, у очень богатой дамы, которая почему-то не позволяла ни посѣщать на дому сестру, ни часто отлучаться послѣдней.

— Спасибо вамъ, Гаврикъ, что не забыли насъ, вспомнили барона Вольфа. Повѣрьте, какъ цѣню я вашу любезность! О, я не буду ее эксплуатировать. Я не заставляю васъ просить, о, нѣтъ! Я уже даю согласіе! Неправда ли, вы предлагаете мнѣ завѣдывать на балу кіосками?...

Комову было свыше силъ сознаться, что ему пришлось идти на поклонъ къ Штромбергу, и потому

онъ предпочелъ принять предложеніе Вольфа. Послѣдній же, едва увидѣвъ молчаливое согласіе въ наклонѣ головы Комова, принялся, словно взбѣсившись, тормозить Карапета. Шумъ дошелъ до кабинета Штромберга—оттуда раздался окрикъ:

— Что за танцевальный вечеръ? А уроки приготовлены?

— Уроковъ, Иванъ Ивановичъ, не приготовили; но какъ намъ не танцевать, когда у насъ въ гостяхъ самъ предсѣдатель бальной комиссіи, — игриво отвѣтилъ Вольфъ и началъ напѣвать бравурный мотивъ.

— Кто?

— Комовъ!

— Ну, ну... занимайтесь! Комовъ пусть идетъ ко мнѣ.

Комовъ не ожидалъ, что такъ просто произойдетъ его встрѣча съ Штромбергомъ внѣ стѣнъ школы. Онъ только что собирался вымолвить слова извиненія, внушенные ему сестрой, за свое поведеніе на урокъ, какъ Штромбергъ взялъ его подъ руку, повелъ къ столу у тахты:

— Садитесь, — предложилъ Штромбергъ и заглянулъ глубоко въ глаза Комову. — Я тогда на урокъ... помните, путался... я замѣтилъ, какъ ни болѣла у меня голова... устаешь, а надо давать урокъ, что подѣлаешь!.. понялъ, что вы не заурядный юноша! И мнѣ захотѣлось помочь вамъ, чѣмъ я могу... вамъ, вѣроятно, сестра говорила объ этомъ. Я думаю, что мы, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, примемся за занятія. Вотъ порѣшайте задачи — я для васъ подобралъ. Сегодня мнѣ нужно къ засѣданію совѣта подготовиться, а потому поработайте сами... Неправда ли, самое лучшее, если мы будемъ заниматься, словно къ конкурснымъ экзаменамъ готовимся.

Комовъ ожидалъ нотаціи, быть можетъ, нервного повышеннаго тона, а встрѣтилъ такое предупредительное отношеніе къ себѣ и даже больше—такое благородное, такъ казалось, по крайней мѣрѣ, ему, пониманіе происшедшаго недоразумѣнія, а потому сразу смягчился, сердце его растопилось въ мягкихъ и спокойныхъ ударахъ довѣрія, и онъ принялся съ усердіемъ за рѣшеніе предложенныхъ задачъ.

Штромбергъ, пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ, сѣлъ за письменный столъ и погрузился въ разборку лежавшей тамъ кипы бумагъ.

Онъ уже нѣсколько дней замѣщаль директора, уѣхавшаго на родину по какимъ-то экстреннымъ дѣламъ. Создавалось положеніе, которое было бы глупо не использовать. Когда же, какъ не теперь, подчеркнуть разницу межъ тѣмъ, какъ дѣло идетъ при Данеманѣ, и тѣмъ, какъ оно можетъ вестись единолично Штромбергомъ. Твердо помня о своей собственной людямъ слабости судить обо всемъ въ большинствѣ случаевъ по внѣшнему виду, онъ усиленно принялся, по его собственному выраженію: „наводить лоскъ для обработки общественнаго мнѣнія“. Руководился онъ простымъ соображеніемъ, что директоръ на часъ, какимъ являлся онъ въ данное время, можетъ всецѣло отдаться гимназіи и рѣшиться на нововведенія, которыя лично ему не только не интересны, но даже, пожалуй, и неудобны. Чѣмъ онъ рискуетъ? Развѣ его будутъ винить, что начатое имъ заглохнетъ въ рукахъ Данемана? А послѣдній по подсказкѣ скачетъ—вернется по старому, только пожелай этого. Цѣлыми днями и вечерами просиживалъ онъ въ гимназіи. И даже оппозиція, косо смотрѣвшая на него, не могла не признать, что при его руководствѣ все какъ-то налаживается, и работать въ школѣ становится неизмѣримо легче, чѣмъ при обычномъ положеніи вещей.

Единственнымъ удовольствіемъ, которое разрѣшалъ теперь себѣ Штромбергъ, было, ложась на ночь въ кровать, мысленно предаваться тщательному разсмотрѣнію всѣхъ обстоятельствъ своего настоящаго положенія и всего, что отсюда вытекало. Это его такъ захватило, что онъ мало-по-малу привыкъ объ этомъ думать во всякую свободную минуту. Вотъ и сейчасъ, разыскивая нужную бумагу по ящикамъ, онъ не смогъ отказать себѣ, чтобы не помечтать о своемъ будущемъ, когда онъ сосредоточитъ въ своихъ рукахъ крупный капиталъ.

Ему особенно нравилась формула научнаго социализма, что новый строй долженъ придти на землю такъ же неизбѣжно, какъ солнце послѣ ночи должно

взойти. Она позволяла сложить съ себя заботу о будущемъ человѣчества. Оставалась забота о самомъ себѣ, о своей жизни. Онъ искалъ то, что можетъ дать въ нашу эпоху — эпоху капитализма — максимумъ счастья для личности, и пришелъ къ заключенію о необходимости свободного распоряженія деньгами. Безъ денегъ—вся энергія, вся жгучая потребность дѣятельности—тягчайшія оковы. И, незамѣтно для самого себя, онъ сталъ пѣвцомъ капитала, и если не создавалъ страстныхъ строфъ, то только потому, что лучшія поэмы поэтами капитала пишутся не на бѣлой бумагѣ чернилами, а на черномъ фонѣ жизни людской кровью. Единственнымъ мѣриломъ при выборѣ средствъ на пути къ милліонамъ для него оставалась необходимость личной безопасности передъ судомъ формальной буквы наказующаго закона, соединенная съ необходимостью сохраненія своего престижа въ глазахъ окружающихъ.

Перебирая папки, вынимаемая имъ изъ ящиковъ стола въ поискахъ куда-то завалившейся бумаги, нужной для совѣта, онъ высчитывалъ, сколько ежедневной ренты принесетъ ему новый проектъ о введеніи обязательныхъ горячихъ завтраковъ, если такой пройдетъ въ сегодняшнемъ собраніи родителей.

Наслажденію результатами выкладки помѣшалъ Комовъ, попросившій провѣрить его работу. Съ обаятельною нѣжностью, такъ почувствовалось Комову, похлопалъ его Штромбергъ по плечу и, указавъ на часы, съ миной чистосердечнаго сожалѣнія развелъ руками:

— Должень уже идти на совѣтъ. Оставьте тетрадку, я сегодня вечеромъ послѣ занятій прогляжу. А пока прощайте! — И вслѣдъ уходящему Комову радостно закивалъ головой, думая: „и съ тебя для моего милліонишка клочекъ шерсти пошелъ...“

ГЛАВА X.

На совѣтѣ Штромбергъ, какъ ни старался вслушиваться въ доклады наставниковъ о состояніи ихъ классовъ, не могъ преодолѣть манящей соблазнитель-

ности своихъ мечтаній. Въ его воображенія рисовался Данеманъ, повисшій надъ пропастью.

„Когда его столкну? Когда придетъ этотъ желанный моментъ? — И, представляя себѣ жизнь шахматной доской, а людей-фигурками, онъ, какъ искусный игрокъ, высчитывалъ, сколько еще нужно сдѣлать ходовъ, чтобы сдѣлать тому, кто игралъ волею судебъ противъ него, шахъ и матъ. — Поле игры, собственно говоря, въ моихъ рукахъ. Денегъ для внутренняго оборудованія дома достаю, безъ процентовъ и, главное, на долгій срокъ; съ Щастнымъ условлено — ловко сшито: деньги беретъ на себя для передачи по назначенію, — отчего не принять даръ богатаго, почувствовавшего укору совѣсти и жертвующаго для народа, желая оставаться неизвѣстнымъ? И поѣдетъ за оружіемъ и литературой, — отчего не взять дружеской помощи, протягиваемой изъ чужой земли отъ тѣхъ, что борятся за то же дѣло всѣхъ обездоленныхъ? Что такое нація, когда есть еще большая спайка — международная солидарность? Собраніе пайщиковъ запротоколило: „снять домъ Штромберга на пять лѣтъ.“ На очереди закупка паевъ отъ Березняка, чтобы въ моихъ рукахъ сосредоточить большее количество паевъ. Въ министерствѣ свои люди есть... черезъ доктора связи. Самъ же Данеманъ въ кулакѣ... еще мѣсяцъ и въ моемъ карманѣ очутится такой документикъ, что стоитъ его доставить къ прокурору, какъ отъ Данемана останется пустое мѣсто. Итакъ, поднять руку... но, раньше надо покончить съ государственными экзаменами, чтобы получить дипломъ, безъ котораго во вѣкъ не сдѣлаться ему директоромъ...

Тѣмъ временемъ совѣтъ окончился. Штромбергъ успокоилъ наскоро пришедшимъ рѣшеніемъ: „займусь... весной обязательно буду держать экзамены.“ И черезъ минуту сталъ разговорчивый, веселый, обаятельный.

На родительскомъ собраніи, онъ выступилъ съ рѣчью о рождественскихъ развлеченияхъ, законченной имъ съ такимъ нервнымъ огонькомъ, что среди родителей послышались слезливыя сморканія... вмѣстѣ съ носовыми платками появились и кошельки: и поло-

женная самимъ Штромбергомъ со словами: „лепта бѣднаго педагога“ — золотая монета собрала вокругъ себя на тарелкѣ довольно внушительную кучу серебра и кредитокъ; впрочемъ, золотая монета, выполнивъ эту миссію, вернулась при подсчетѣ собраннаго въ карманъ хозяина.

Предложеніе объ обязательномъ завтракѣ для всѣхъ учениковъ прошло, и сіяющій Штромбергъ поставилъ на очередь вопросъ о дѣтскомъ спектаклѣ. Улыбкой и лестью преграждая путь къ отказу, Штромбергъ обращался къ заранѣе намѣченнымъ имъ лицамъ съ просьбой помочь въ устройствѣ спектакля.

Выбранныхъ такъ устроителей шумно привѣтствовали. Въ числѣ ихъ оказался Григорьевъ, какъ авторъ дѣтской пьесы, предположенной къ постановкѣ, Березнякъ, какъ режиссеръ, и Булавичъ, какъ суфлеръ.

Пока происходилъ обмѣнъ мнѣній между устроителями вечера, Штромбергъ быстро заносилъ въ свою записную книжку:

„Къ проспекту о гимназіи на будущій годъ. Не забыть сдѣлать фотографію спектакля“. Замѣтка въ прессу: *Заботясь о подъемѣ эстетическаго чувства учениковъ и желая съ дѣтства прививать его, гимназія устраиваетъ спектакли, руководителями которыхъ являются извѣстные въ педагогическомъ и художественномъ мірѣ лица, такъ, напримѣръ, въ прошломъ году и т. д. . . .*“

Улыбка, расплывшаяся на лицѣ Штромберга по прочтеніи имъ своей записи, улыбка, данная ему природой отъ рожденія и сообщающая его лицу выраженіе безконечной ласковости, не ускользнула отъ кое-кого изъ родителей:

— Воплощенная любовь къ дѣтямъ!

Передъ закрытіемъ собранія Штромбергъ попросилъ слова:

— Извиняюсь, что займу на нѣсколько минутъ глубокоуважаемое собраніе. Дѣло въ слѣдующемъ: уходитъ одинъ изъ нашихъ преподавателей, Иванъ Германовичъ Вагневичъ. Всѣмъ извѣстна его чуткость, съ которой онъ несъ педагогическую работу. Когда

я просилъ педагоговъ придти на сегодняшнее родительское засѣданіе для собесѣдованія по вопросу о праздникахъ, я еще имѣлъ въ виду воспользоваться возможностью обратиться одновременно къ представителямъ школы и семьи устроить прощальный обѣдъ уходящему. Гимназія предоставитъ охотно для этой цѣли свои стѣны. Можно будетъ по подпискѣ поднести какой-нибудь пустячокъ. Надѣюсь, что всѣ будутъ согласны со мной.

Никто не возражалъ.

— Молчаніе — знакъ согласія, началъ было говорить Штрюмбергъ, какъ вдругъ услышалъ предложеніе, исходившее отъ оппозиціи, заставившее его сжать отъ злобы зубы, а преподавателей многозначительно переглянуться между собой.

Въ началѣ учебнаго года изъ гимназіи, благодаря столкновенію съ Штрюмбергомъ, принужденъ былъ уйти преподаватель Петровъ. Чествовать послѣдняго вмѣстѣ съ Вагневичемъ и предложила оппозиція.

Застигнутый врасплохъ Штрюмбергъ кисло согласился:

— Конечно, конечно... я самъ только что собирався предложить это, — а про себя рѣшилъ: „надо на эту компанію обратить вниманіе — концертъ портятъ“. И, стараясь затушевать свое отношеніе къ разыгравшемуся инциденту, оживленно заговорилъ съ стоявшими возлѣ него.

Булавичъ выходилъ изъ себя. Окруженный оппозиціей онъ, злобно размахивая руками, говорилъ:

— Вагневичъ членъ нашей семьи? Никогда съ нами не то, что разговаривалъ, но даже и не оставался, чтобы посмотреть на насъ. На совѣтъ то хоть онъ бывалъ? Въ рожу, ей Богу, не знаю!

— А что онъ у насъ преподаетъ? Закономѣдніе, что-ли? — спросилъ Бенардаки.

На защиту Вагневича выступилъ стоявшій не вдалекѣ приватъ-доцентъ фонъ-Стейнень, примѣчательный своимъ отношеніемъ къ учебному дѣлу: онъ совершенно не зналъ въ лицо своихъ учениковъ, занимаясь на урокахъ своими дѣлами, напримѣръ, исправленіемъ корректурныхъ листовъ своей диссертациі,

долгіе годы странствовавшей изъ университета въ университетъ, въ поискахъ докторскаго званія для ея автора.

— Почему Вагневичъ уходитъ?

— Получилъ крупное назначеніе по министерству финансовъ, — разъяснилъ фонъ-Стейнень.

— То-то — подмигнулъ глазомъ такъ, чтобы всѣ это видѣли, Булавичъ: — Государственный банкъ будетъ учитывать векселя солидныхъ педагоговъ нашей школы.

Обиженный фонъ-Стейнень, не зная, какъ ему отвѣтить на выходку Булавича, такъ какъ ни для кого не былъ секретъ — большое число векселей, выданныхъ фонъ-Стейненомъ — отошелъ въ сторону.

ГЛАВА XI.

Проводы Вагневича Штромбергъ постарался обставить наивозможно торжественнѣе.

Самъ, воплощенная любезность, Штромбергъ перебѣгалъ отъ одного изъ присутствующихъ родителей къ другому, разсыпаясь въ тонкомъ угодиществѣ. Самъ усаживалъ съ прибаутками за ужины, слѣдя за тѣмъ, чтобы у каждаго былъ подходящій сосѣдь. Возлѣ себя, за средній столъ, онъ посадилъ направо предсѣдателя родительскаго комитета, а налѣво виновника торжества—Вагневича; напротивъ себя за столомъ помѣстилъ наиболѣе богатыхъ родителей. Матюлькина, куриного короля, —ражаго мужика съ раздыривленными оспой ушами, нажившаго миллионы на скупкѣ и оптовой продажѣ битой птицы; Теръ-Мохоробельянца—богатаго нефтепромышленника, тучнаго, едва помѣщающагося на стулѣ, съ совершенно голымъ черепомъ и лицомъ, словно въ возмѣщеніе послѣдняго обросшаго густѣйшей растительностью такъ, что отъ нея не былъ свободенъ даже огромный крючкообразный носъ.

Первый тостъ, былъ предложенъ предсѣдателемъ родительскаго комитета—профессоромъ университета, длиннымъ и непомѣрно худымъ человекомъ.

Съ бокалами, наполненными шампанскимъ, всѣ потянулись къ чествуемому чокаться.

По окончаніи этой церемоніи поднялся изъ-за стола гимназическій батюшка, держа въ рукахъ раскрытые футляры со словами:

— Тѣ дорогіе, что оставляете насъ, примите то, что позволили принести вамъ наше слабое воображеніе и таковыя же ресурсы.

Вагневичъ заглянувъ въ переданную ему коробку и, сдѣлавъ разочарованную мину, кисло произнесъ нѣсколько словъ благодарности.

Отвѣтъ Петрова, маленькаго, невидной наружности чловѣка былъ тоже не длинень:

— Спасибо... вотъ... даромъ слова не обладаю, чтобы выразить все... что говорить! не ожидалъ... такъ тронуть, не могу... слезы...

Поднялся Штромбергъ.

— Господа! Всякое разставанье печально, конечно. Но позвольте мнѣ подчеркнуть, почему особенно печально должно быть настоящее разставанье. На дняхъ я встрѣтилъ извѣстнаго писателя-педагога. Я спросилъ у него: „что вы считаете наиболѣе важнымъ изъ того, что вы сдѣлали?“ На это я получилъ такой отвѣтъ: „Это то, чтобы, переходя порогъ школы, что бы ни было со мной, какъ бы ни было худо у меня на сердцѣ, я улыбался“. Теперь возвращусь къ нашему случаю. Отъ насъ какъ разъ уходитъ чловѣкъ, котораго я всегда видѣлъ улыбающимся въ нашей школѣ. И школѣ, господа, грустно. Она проситъ васъ вмѣстѣ со мной, въ память уходящей улыбки дорогаго Ивана Германовича, не скупиться и побольше улыбаться въ школѣ“.

Родители горячо зааплодировали.

— Посади меня законовѣдніе преподавать: ни тебѣ экзамена, ни тебѣ путной программы, — болтай турысы на колесахъ, лишь бы они не косили влѣво; дай въ придачу теплое мѣстечко въ казенномъ учрежденіи, ей Богу, за милую душу буду ходить къ Штромбергу дуться въ преферансъ, а въ гимназіи рыло буду раздирать отъ улыбки. Попробоваль бы провѣрять тетради, на исправленіе ятей въ которыхъ чер-

нила идуть фунтами: хвостъ те въ гриву!—заругался Булавичъ.

— Забоеву слово! — закричалъ лѣвый столъ.

Огромная фигура грузно поднялась и, раскачиваясь, повернулась къ Петрову:

— Знаете, товарищъ, какую надпись я проектировалъ на вашей вещицѣ и которую отвергло большинство. Надпись, предложенная мною, такова: „Отъ Великія и Малыя Кухни“. Кухня Малая—это тамъ, гдѣ мы чаще всего встрѣчались; тамъ—въ учительской, въ помѣщеніи младшихъ классовъ,—не только сторожика готовила себѣ обѣдъ, тамъ мы сходились, объединенные желаньемъ приготовить лучшую пищу для дѣтскаго ума и тамъ вы были первѣйшій поваръ. Кухня—я говорю это съ гордостью—это нашъ символъ. А помните, вы, господинъ поваръ, какую кашу затѣяли, когда попали въ нижніе этажи—въ удобное свѣтлое помѣщеніе, куда пускаютъ не только учениковъ и учителей, но и родителей. Чумазый и пропахшій дымомъ, вы пришли не по вкусу этимъ чистенькимъ стѣночкамъ. Съ вами пришелъ этотъ... знаете... душокъ настоящей, не показной работы. Поднимаю бокалъ за васъ, за Великія и особенно за Малыя кухни, учрежденные почтеннымъ Данеманомъ и возлелѣанныя идеальнѣйшимъ Иванъ Ивановичемъ.

Предсѣдатель родительскаго комитета тихо спросилъ Штромберга:

— Я не вполне уяснилъ себѣ... извините меня, я никогда не былъ въ помѣщеніи младшихъ классовъ и не знаю... но неужели у насъ такой недостатокъ въ помѣщеніи, что въ кухнѣ приходится устраивать учительскую... или это неудачный символъ оратора?

— Да, — неопредѣленно протянулъ Штромбергъ, съ досадой замѣчая создавшуюся заминку въ покойномъ теченіи торжества.

— Ахъ, такъ это не буквально.

— Конечно же... — не зная, что отвѣтить, прожевалъ отвѣтъ Штромбергъ, думая про себя: „хамье... портятъ все“.—И было у него такое чувство, словно чужія злобныя руки съ хохотомъ цинично раздѣвали его при всѣхъ.

Нѣмецъ Фохтъ, пылающій желаніемъ сказать что-нибудь пріятное Ивану Ивановичу, предложилъ:

— При дѣланіи кушанья, т. е. дрессированіи мальчикъ, очень важна должность толкатель дровъ для печи. И это дѣлаетъ у насъ любезный Иванъ Ивановичъ. Ich bitte zu trinken für кочегаръ Иванъ Ивановичъ.

Всѣ покатались со смѣху.

— Есть смѣшно? — испуганно вырвалось у Фохта. — Ошибка? Извините, — и торопливо, желая исправить показавшееся ему неправильнымъ, безпомощно обведя глазами присутствующихъ, спросилъ: — я забылъ, какъ по-русски называется... человѣкъ... дрова таскать.

Булавичъ подсказалъ:

— Дворникъ!

— Ай, ай... сейчасъ, — обрадовался Фохтъ! — Господа, будемъ выпивать за нашъ главный дворникъ Иванъ Ивановичъ!

Булавичъ бросилъ Фохту довольно громко:

— Валяй по-нѣмецки, можетъ, умнѣ скажешь!

У Штромберга тѣмъ временемъ уже былъ готовъ отвѣтъ на рѣчь Забоева.

— Господа! Я не согласенъ съ тѣмъ, что школу сравниваютъ съ кухней. Въ послѣдней готовится физическая пища. Этотъ символъ слишкомъ приниженный, онъ характеризуетъ только ту часть работы, которую мы несемъ на потребу тѣлеснаго развитія дитяти. По-моему, господа, школа это храмъ, гдѣ ежедневно идетъ служба великому человѣческому духу. Я предлагаю поднять бокалы за нашъ свѣтлый храмъ, за нашу школу!

Дружное ура покрыло рѣчь и критикующіе возгласы оппозиціи.

Среди столовъ бѣжалъ уже смѣшокъ, тотъ, ничѣмъ не обоснованный смѣшокъ, которому отдаются люди, когда они перестаютъ вполне владѣть собой подъ вліяніемъ выпитаго.

Стулья сдвинулись. За учительскимъ столомъ затянули „Gaudeamus“; Григорьевъ увидѣлъ морщинистое доброе лицо запѣвалы Ласкова, и дребезжащій старческій тенорокъ наполнилъ его умиленіемъ и

заставилъ еще больше пожалѣть, что Щастный, въ виду отъѣзда, не присутствуетъ на ужинѣ.

Межъ тѣмъ одинъ за другимъ уходили присутствующіе, незамѣтно пробираясь въ раздѣвальню. Уходили не только родители, но и педагоги, большинство которыхъ, привыкнувъ отдавать свой отдыхъ, начинающійся во многихъ случаяхъ послѣ частныхъ уроковъ и занятій на вечернихъ курсахъ въ одиннадцатомъ часу ночи, книгѣ, тяготились необычайнымъ способомъ времяпрепровожденія.

Вдоволь напѣвшійся, Ласковъ взобрался на стулъ и обратился къ собравшимся возлѣ него съ призывомъ:

— Нельзя же такъ! Всѣ имѣютъ мѣсто, гдѣ можно собраться, потолковать, отдохнуть. Адвокаты, врачи... рабочіе, и только мы, педагоги, все живемъ еще, какъ кроты. Наша работа требуетъ, какъ ничья, объединенія. Безъ него, господа, никогда у насъ не будетъ школы—улыбки.

Кто-то спросилъ:

— Гдѣ же мы будемъ собираться?

Ласковъ отвѣтилъ:

— А въ гимназіи.

— Въ гимназіи! Въ гимназіи! Просить Ивана Ивановича! — закричали со всѣхъ сторонъ, оборачиваясь къ Ивану Ивановичу.

Тотъ, стоя у стѣны, едва-едва замѣтно передернулся, но голосъ, съ какимъ онъ началъ отвѣчать, былъ спокоенъ и ровенъ:

— Пріятно слышать, что наша школа дѣло живыхъ людей. Прекрасная мысль—единеніе. Приступая же къ осуществленію послѣдняго, по моему мнѣнію, слѣдуетъ... — Параллельно съ этими, ясно отчеканиваемыми словами, шла глухая и упорная работа его мысли: „Показали мнѣ сегодня единеніе, довольной! По одиночкѣ, въ случаѣ чего... а мало ли что можетъ быть, когда пробьетъ часъ перехода гимназіи въ мои руки... шею вамъ легче будетъ сворачивать“. И онъ продолжалъ тянуть рядъ красивыхъ и въ то же время пустыхъ фразъ, пока не пришелъ въ голову нужный для отказа благовидный предлогъ. — По

всей вѣроятности, въ самомъ непродолжительномъ времени гимназія перейдетъ въ специально-отстроенный для нея домъ. Тогда нашъ вопросъ, вопросъ помѣщенія разрѣшается, такъ сказать, автоматически. А пока придется подождать.

Сильный ударъ кулакомъ о столъ привлекъ къ себѣ вниманіе, — то пожелалъ говорить еле стоявшій на ногахъ родитель Матюшкинъ:

— Емназія, такъ емназія!.. а ежели ты восхотѣлъ, господинъ учитель, по клубамъ рыскать, такъ и рыщи .. клубіевъ непочатое дно въ городѣ. Тебѣ купецкое есть, аглицкое... али дворянское... не пушаютъ, вали въ общественное, тамъ всякую рвань пушаютъ. .. клубіевъ, какъ грибовъ...

Много еще подобныхъ разсужденій разводилъ Матюшкинъ, но голосъ его послѣ первыхъ громовыхъ нотъ сѣлъ и сталъ настолько глухъ, что ничего нельзя было разобрать, кромѣ хрипа и сюсюкающаго клокотанья. Впрочемъ, никто и не пытался разбирать его словъ.

Во время этой рѣчи къ Григорьеву подошелъ Березнякъ:

— Идемте, что же смотрѣть на пьяныхъ!

— Какъ пьяныхъ?

— Да вы спите, что-ли?

— Нѣтъ, я думалъ о многомъ. Неправда-ли, какой это чудный образъ: школа улыбки?

— Идемте... не мѣсто теперь говорить объ этомъ, — сурово сказалъ Березнякъ.

— Иду, — покорно проговорилъ Григорьевъ и пошелъ за Березнякомъ.

Оставшіеся въ залѣ были всѣ подвыпивши.

Теръ-Мохоробельянцъ, пыхтя и фыркая, какъ свинья, переворачивающаяся съ боку на бокъ въ лужѣ, не стерпѣлъ и пустился въ опасное для него плаваніе по морю краснорѣчія.

— Милый людэ! Моя хочыть тожи съ душамъ говорыть на сына, про Карапѣтка... этотъ болочій нарыва на родытѣльскій сѣрдца... эта мальчишка хужы эта пробка, — и, всплывъ при этихъ словахъ,

онъ запустилъ пивную пробку; пробка попала въ Фохта, отчего тотъ пришелъ въ ярость и, вынувъ свою записную книжку изъ кармана, помахалъ ею въ воздухъ, невнятно пробормотавъ: „пробка нисколько не виноватъ за вашъ тупой сынъ, а ви сами, передавъ ему свой попорченный наслѣдственность.“

Мохоробельянцъ отъ этого комплимента побурѣлъ и неудержимо страстно обрушился на Фохта:

— Имынно... я тебѣ платилъ дѣньги... за что ты бралъ? Говоры... ты... мой наслѣдственность выгоналъ изъ мой дуракъ? А почѣму онъ вонючій дыня ишакъ? Потому плохой твой наслѣдственность, а не мой. Мохоръ съ обязаной хадылъ, а тѣперь миллионы имѣемъ, а ты молодой уныверситѣтъ ходылъ и пива наливалъ животъ, а тѣперь ты ничѣго не имѣешь, ты взятки берешь.

— Взятки? — взвизгнулъ Фохтъ.

— Ничѣго, я тебѣ еще будемъ давать, ты успокойся, — неожиданно смягчился Мохоробельянцъ. — Понимаешь, даемъ, сколько берешь, потому мой Карапѣтка послѣдній классъ... Га-га-га... это родытельскій сѣрдца вѣсэлится. Я казенная рыгальная училища дырѣкторъ давалъ чытырѣ тыщы, а она учылы мой сынъ за это чытырѣ годы въ одной классъ, а потомъ выгоняла. Ну, ны надо гадкій дѣло вспоминать. Слава Богу, и здѣсь Карапѣтка очень хорошо учытся. Идѣмъ, всѣ это, идѣмъ. Мы завсѣгда хорошій людѣ, какъ Иванъ Ивановичъ угощаѣмъ... Идѣмъ... я знаю вѣсѣлый мѣсто.

Со всѣхъ сторонъ поднялся крикъ. Сильнѣе всѣхъ дебоширилъ Матюлькинъ:

— Чаво? пить... валяй! Дѣньги... на, съ нашимъ почтеніемъ и начинкой.

Рѣзкій голосъ Штромберга покрылъ гамъ:

— Какъ предсѣдатель, объявляю торжество законченнымъ. До свиданья!

Теръ-Мохоробельянцъ заревѣлъ вслѣдъ Штромбергу, направляющемуся къ дверямъ.

— Ны одна собака нѣ пускаю, всѣ идѣмъ! Иванъ Ивановичъ тпр... ру.

Докторъ нагналъ Штромберга въ коридорѣ:

— Ну, такъ какъ?

— Неудобно!

— Передъ кѣмъ? Одна пьяная публика и то свои...

— Булавичъ тамъ и еще...

— Пустое... одинаковость положенія роднитъ людей. Повѣрь, и молчать будутъ, и послѣ, когда вытрезвятся, будутъ лучше думать о тебѣ, чѣмъ до совмѣстнаго кутежа думали.

— До жены дойдетъ!

— Да ты подъ башмакомъ, что-ли?

— Не то... но что она станетъ думать обо мнѣ!

— Да тебѣ то что! Пылакая любовь...

— Я педантъ. Быть для другихъ тѣмъ, чѣмъ я кажусь... И я не могу допустить, чтобы у меня дома могли бы обо мнѣ думать иначе...

— Ха, ха, ха... ну и теорія! Этакъ ты въ святыя попадешь... Но, однако, я тебя знаю близко, и кажется...

Пріятели дошли до раздѣвальни, когда туда за ними влетѣлъ Мохоробельянцъ и, грозя имъ кулакомъ, закричалъ:

— Садысь мой автомобиль!... Живо, ны то рѣзать буду... Живо!

Садясь на стулъ и протягивая ноги швейцару, чтобы тотъ одѣлъ ему калоши, Мохоробельянцъ вдругъ замѣтилъ что кто-то скользнулъ мимо него:

— Мазурикъ... держи его... хочэтъ удирать!

Подбѣжавшіе на этотъ крикъ Булавичъ и Бенардаки увидѣли въ армянскихъ объятыхъ Григорьева, который задержался въ раздѣвальнѣ, разыскивая свою завалившую шапку.

— Меня ждетъ на улицѣ Березнякъ...

— Домой? Нѣтъ, младенецъ, еще время дѣтское... Гулять поѣдемъ.

И Григорьевъ почувствовалъ, какъ связали башлыкомъ ему ноги, заткнули какой-то тряпкой ротъ и потащили на улицу.

ГЛАВА XII.

Съ грохотомъ подкатилъ автомобиль къ ярко освѣщенному подъѣзду. Распахнулись дверицы.

Концертъ окончился?

— Нѣтъ, еще идетъ!

— Стащите этого заднимъ коридоромъ... да не развязывать, пока окончательно не придетъ въ себя...

— Освѣжать ихъ прикажете?

— Сельтерской съ нашатыремъ...

Григорьева на рукахъ пронесли по какому-то темному помѣщенію съ затхлымъ и специфически острымъ запахомъ, подняли по очень крутой лѣсенкѣ. Въ кабинетѣ положили на диванъ, не снявъ пальто.

Перебои въ сердцѣ; мурашки въ крови и безумная усталость привели къ изнеможенію. Глаза сами собой закрылись, и пришло забытье.

Когда Григорьевъ очнулся, то ноги и ротъ его были уже свободны, но, несмотря на это, онъ не поднялся, какая-то пріятная истома удержала его на диванѣ, и оттуда онъ принялся наблюдать за происходящимъ.

Приватъ-доцентъ фонъ-Стейненъ бренчить заухабистый мотивъ на роялѣ, на крышкѣ котораго стоитъ Вагневичъ на колѣняхъ, безъ сюртука, подлѣ лежащей тамъ-же женщины въ нижнемъ кружевномъ бѣльѣ, и декламируетъ:

„О, нимфа, загорись дерзостью и безстыдствомъ желаній. О, пойми, трепеть новыхъ неизвѣданныхъ пучинъ, что обѣщаетъ намъ сладкозвучная крышка клавиорды.

Кругомъ раскраснѣвшіяся лица, масло въ глазахъ:

— Гы-ы, гы-гы, гы-гы...

Приватъ-доцентъ, не жалѣя рукъ, барабанить по клавишамъ, то и дѣло подзадаривая Вагневича.

— Позабористѣе, collega! Щелкните вашу мамзельку... вонъ тамъ... въ пупъ земли, ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха!... Гы-ы, гы-гы-гы!...

— А я не знаю, гдѣ пупъ то, — пьяно недоумѣвающе признался Вагневичъ. Это географы — знаютъ! А мы, юристы, граждане античнаго міра, мы

знаемъ лишь образцы чистой красоты... — И обратился къ своей сосѣдкѣ на роялѣ, съ пафосомъ выкрикивая: — Слышишь, Венера! Мы твои, Венера.

Типичнымъ для алкоголички голосомъ женщина, неожиданно сплюнувъ, сердито отвѣтила:

— Чего путаешь! Не Венера я, а Генріетта... и потомъ, что за невѣжливость? Хоть бы глотокъ женщинѣ предложилъ... шампанскаго или мятнаго ликера со льдомъ, а еще ухажеръ!

Вагневичъ провозгласилъ:

— О, слуги Олимпа! Подайте Волоокой нектаръ!

Матюлькинъ, сидѣвшій невдалекѣ отъ рояля, цинично выругавшись, проговорилъ:

— Велика шкура.. хай жретъ три звѣздочки. Къ чертямъ... не признаю твоей марки... къ чертямъ катаръ твой учительскій!

— Нектаръ — не учительскій это, а божественный напитокъ, — поправилъ купца Бенардаки.

— Не учи, сами знаемъ... въ Рассеи тебѣ не греки, а живетъ патріотъ, самый первый сортъ, а потому... къ чертямъ катаръ... и заораль: — Человѣкъ, графинчикъ .. очищенной... сминовской! — И путаясь и заикаясь, накинулся на Мохоробельянца:

— Сикимъ башка, когда твои султанши заявятся?

— Погоды нѣмножки, они танцуютъ своя номера: какъ кончаютъ, такъ рыжиссерка ихъ присылаетъ къ намъ.

— Ждать! Надоѣло...

Бенардаки, прислушивавшійся къ разговору, крикнулъ:

— Булавичъ, вываливай за дѣвку сюда... а то, вона, дяденьку Матюлькина зависть беретъ: онъ того гляди у Вагневича его нимфу отберетъ...

— Ладно, отстань, — огрызнулся Булавичъ, забавлявшій въ другомъ углу кабинета столпившуюся возлѣ него компанію. — Эй, ты интервьюеръ! — ораль онъ подъ ухомъ спавшаго, заваляясь за кресло, представителя печати: — записывай. Для фельетончика... ха, ха, ха!... „Въ непроходимыхъ дебряхъ російскаго просвѣщенія,“ ха, ха, ха!...

— Булавичъ, да иди! Ну...

— Сейчасъ, сейчасъ... И, схвативъ со стола скатерть, Булавичъ закутался въ нее, подбѣжалъ къ Матюлькину и усѣлся къ нему на колѣни, обхватывая одной рукой за шею, а другую приставляя къ губамъ Матюлькина.

— Здравствуй, папашенька! Кхи, хи-хи!

— Тѣфу ты, дуракъ!

Матюлькинь поднялся съ кресла и взметнулъ высоко вверхъ тѣдешное тѣло Булавича, отчего тотъ завизжалъ. Отъ болѣе непріятныхъ сюрпризовъ Булавича спасло появленіе давно-жданныхъ султаншъ: десятка хористокъ, пришедшихъ прямо со сцены, гдѣ онѣ только что исполняли восточные танцы.

Хористки были одѣты турчанками, лица же ихъ были закрыты густой вуалью. По заранѣ выработанному Мохоробельянцемъ, при посредствѣ режиссера кафе-шантана, плану каждый изъ присутствующихъ выбиралъ любую изъ султаншъ, не видя ея лица, послѣ чего выбранная хористка поднимала вуаль подъ общій хохотъ, крики одобренія или насмѣшекъ.

„Сонъ, — неслось въ сознаніи Григорьева. — Не можетъ быть! Галлюцинація... игра усталыхъ нервовъ.“ Сцена разгула сама по себѣ, — будучи для него первымъ и такимъ далекимъ отъ всей его мирной жизни откровеніемъ, — возмутила его, но то, что участниками ея были родители и педагоги, тѣ люди, съ которыми онѣ работалъ рука объ руку, и чьихъ дѣтей онѣ училъ, окончательно потрясло его. Высокій женскій голосъ, прозвучавшій среди гама, приковалъ его вниманіе еще болѣе къ тому, что происходило въ кабинетѣ.

Хористка, на которой остановилъ свой выборъ фонъ-Стейнень, заупрямилась и категорически отказалась показать свое лицо и, ссылаясь на болѣзненное состояніе, просила отпустить ее. Мохоробельянцъ, преградивъ ей дорогу, заперъ дверь и ключъ положилъ себѣ въ карманъ, а фонъ-Стейнень, подскочивъ къ хористкѣ, силой захотѣлъ сорвать вуаль, раззадориваемый замѣчаніями окружающихъ.

— Больно... что вы дѣлаете? Будьте добрымъ, оставьте меня.

Въ вискахъ Григорьева стучало. Онъ поднялся съ дивана и заговорилъ:

— Слушайте! Это невозможно! Нѣтъ, это невозможно! Не-правда ли, шутка это, господа?

Никто даже не обернулся на его слова.

Безмолвными, но жгучими слезами рыдало что-то въ немъ, пораженное зрѣлищемъ паденія человѣческой личности. И темный кошмаръ готовъ былъ поглотить его умъ, какъ изъ подсознательнаго міра пролился пучекъ лучей. „Свѣтлое — не самообманъ, не только красивыя слова на показъ. Если бы его не было, то я бы сейчасъ не страдалъ при видѣ того, что происходитъ здѣсь. Боль въ душѣ, жуть — это голосъ, зовущій меня выступить во имя Свѣтлаго!“

— Пустите... если у васъ есть что святое! Именемъ дѣтей!...

И грозный, негодующій, однимъ прыжкомъ очутился онъ у приватъ-доцента и оттѣснилъ его отъ женщины:

— Это же гадко, пошло!... Это недостойно!...

— Не мѣшайте въ чужое дѣло.

— Не смѣйте! Я не позволю больше!

— Берегись!

— Вы оставите въ покоѣ...

— Мозглякъ! — и толстый кулакъ Матюлькина свалился на голову Григорьева.

Кругомъ все завертѣлось. Во рту ощутился желѣзный вкусъ чего-то тепло-соленого. Удары сыпались. Но вскорѣ тѣло перестало содрогаться отъ побоевъ.

Ухо Григорьева, касавшееся пола, явственно слышало, какъ гурьбой выходили въ другую комнату, Бенардаки, споткнувшись о Григорьева, остановился и участливо бросилъ: — Миленькій, нализался. Такъ рано? И ужинать не идешь!

Григорьевъ попытался открыть ротъ, но отъ боли въ скулахъ не могъ этого сдѣлать.

Щелкнулъ выключатель. Погасло электричество.

Долго лежалъ Григорьевъ, смотря на слабую

полоску свѣта, падающую изъ-за полуоткрытой двери. Бродили безсвязныя мысли.

Шуршанье... скользнула тѣнь. Теплая рука коснулась лица и положила на лобъ платокъ, смоченный водой.

Медленно закружило что-то красное въ глазахъ, наполнило мозгъ и начало сжимать его, какъ тисками.

ГЛАВА XIII.

Каминъ догоралъ. Желтые языки усталаго пламени долизывали тускло свѣтящіяся головешки.

Наталя Михайловна, хотя и сидѣла вблизи камина, но не замѣчала этого. Она не могла разстаться съ только что-то ушедшимъ за грань настоящаго временемъ и продолжала въ сознаниі жить иной, чѣмъ окружающая ее сейчасъ, дѣйствительностью. Для нея столовая была все еще такой, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ; и чудилось, что въ каминѣ, шипя, разгораются дрова, и отъ колеблющагося огня плаваешь отсвѣтъ на лицѣ Андрея Павловича, сидящаго совсѣмъ близко отъ нея.

Счастье было здѣсь и уже стучалось въ двери ея сердца. Она не открыла ихъ и не произнесла: „войди!“ Она не могла сказать, что ей помѣшало это сдѣлать: слабость ли ея воли, отравленной цѣпью предразсудковъ, сковывающихъ жизнь ея предковъ, чувство ли уваженія къ мужу, которымъ она была опутана, какъ тончайшею сѣтью, слѣпой ли инстинктъ материнской любви, напоминавшей о сынѣ, лежащемъ сейчасъ больнымъ въ своей кроваткѣ? Но силъ не хватило, чтобы противустоять искушенью выслушать посулы настоящаго!

— Наташа, каждое мгновенье жизни есть часть непрерывнаго цѣлаго, оно существуетъ, какъ необходимое звено для перехода къ будущему. А потому отдавать мгновенье копанью въ прошлое — смерть! Наташа, черезъ часъ поѣздъ меня увезетъ туда, откуда, быть можетъ, я никогда не вернусь. И отдавать эту

минуту, что я провожу сейчасъ съ вами, прошлому — безуміе. Бросьте задумываться о томъ, что было.

Въ сладкой дремѣ приникала она къ этимъ словамъ.

— Жизнь—коротка. Всѣ мы только идемъ къ будущему, но никогда не доходимъ. Есть одно средство пройти какъ можно дальше по этому пути — это никогда не оборачиваться. Обернешься и, можетъ быть, пройдешь нѣсколько шаговъ обратно, вмѣсто того, чтобы пройти ихъ впередъ.

— Но нужно же отдыхать.

— Да, отдыхъ въ пути необходимъ. Этотъ отдыхъ—настоящее человѣка. Онъ идетъ къ будущему, а живетъ настоящимъ. Мое настоящее—это вы!

— Ваше настоящее...

— Больше, чѣмъ настоящее... Я хотѣлъ бы идти съ вами вмѣстѣ къ будущему... я хотѣлъ бы...

И ужъ протянула было ему руку, но остановилась:

— Мнѣ нельзя идти съ вами. Я не умѣю отрѣшиться отъ прошлаго.

Долго молчали.

Блеснулъ циферблатъ часовъ.

— Мнѣ пора!

— До свиданья!

Шаги въ коридорѣ стихли: будто бы Андрей остановился. Не собирается ли вернуться?

Но хлопнула дверь, и словно настоящее и будущее оставило домъ, гдѣ она жила. И теперь съ ней было лишь прошлое.

Въ передней шумъ. Явственно доносится скрипъ двери. „Нѣтъ сомнѣнія, вернулся... Андрей“. Она вскакиваетъ со стула и бѣжитъ въ переднюю. По коридору движется, ковыляя, чья-то фигура. Она спѣшитъ за ней, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, останавливается озадаченная: „Боже мой, такъ грезить! Такъ долго грезить! Вѣдь это Иванъ Ивановичъ... возвращается съ проводовъ Вагневича. Стало быть очень поздно. Да, но зачѣмъ онъ туда идетъ? Своерачиваетъ. Въ комнату Каролины Карловны“. Прислушалась!

Тѣмъ временемъ Штромбергъ, держась за стѣну, за шкафъ, пробрался къ кровати матери. Врядъ ли что сознавая, кромѣ желанія сна, онъ дернулъ покры-

вало. Зацѣпилъ съ послѣднимъ чьи-то волосы. Знакомый голосъ завизжалъ отъ боли.

— Ты что это на моей кровати валяешься, Карпетъ? — игриво заворчалъ Штромбергъ. — Тутъ же озлился и, схвативъ за ноги и сбросивъ своего пансіонера съ кровати, самъ повалился на нее, какъ пласть.

И сразу же почувствовалъ, что кто-то его ударилъ, вѣрнѣе, услышалъ звукъ пощечины у уха.

— За что это, Наташа? Какая ты темпераментная, а я и не зналъ!

— Съ ума сошелъ: это я—мать твоя! — внушительно просипѣлъ придавленный голосъ Каролины Карловны.

— Но...

— Каролина Карловна перебила его:

— Это ни на что не похоже... Дождешься наслѣдства!

Упоминаніе о послѣднемъ возымѣло магическое дѣйствіе, и Иванъ Ивановичъ далъ себя покорно вытолкать за дверь, гдѣ онъ столкнулся съ Натальей Михайловной, такъ и не сдвинувшейся съ мѣста, на которомъ она остановилась, увидѣвъ мужа.

— Ната... представь: въ домѣ милая интрижка,—и, приблизившись къ женѣ, прижалъ ее къ себѣ: — кошечка моя, — потянулъ къ себѣ въ кабинетъ: — милочка... кошечка моя...

Наталья Михайловна не вѣрила себѣ.

Она привыкла видѣть своего мужа корректнымъ и серьезнымъ. Ихъ бракъ былъ полудружескій союзъ. Еще барышней, посѣщая въ одной изъ гимназій примѣрные уроки Штромберга, какъ готовившаяся къ педагогической дѣятельности, она увлеклась его красивой манерой вести преподаваніе; и, какъ-то мало задумываясь, отдала ему самое себя со своими деньгами, рѣшивъ, что болѣе умно не устроить свою жизнь: вѣдь этимъ она спасала одну идейную школу, какъ онъ говорилъ ей, а съ другой стороны—получала возможность жить и работать подъ одной кровлей съ талантомъ, который бы и въ ней вырастилъ полезную единицу для школы. Оттого же, что это рѣшеніе вынесла она во время его горячаго разбора прочитанной книги въ кружкѣ педагогическѣ, которымъ

онъ руководилъ, и оттого, что тогда такъ сладко замирало сердце при видѣ, какъ десятки глазъ смотрѣли на него, она приняла это за рожденіе любви. Прошло семь лѣтъ ихъ совмѣстной жизни, любви не было, но этого она не чувствовала, все по-прежнему ей нравились его рѣчи на совѣтахъ и та идейная настроенность, которой, какъ ей казалось, была наполнена его душа. Порой въ сумрачные часы безпричинная тоска мучила ее, и иногда по ея щекамъ скапывались слезинки, но это она приписывала своему худому характеру. Явившійся на четвертомъ году замужества ребенокъ занялъ почти цѣликомъ всю ее, не хватало уже времени для гимназіи, гдѣ она давала уроки, не то что для размышлений.

— Ната! почему ты вырываешься?

— Иванъ Ивановичъ, не кричите... Боря худо себя чувствуетъ... Съ вечера ему страшно нездоровилось, я даже хотѣла послать за вами, да пришелъ Андрей Павловичъ... онъ за докторомъ съѣздилъ.

Обдавая ее виннымъ угаромъ, онъ впилился въ ея губы.

— Оставьте меня! — отстранилась она отъ него съ нескрываемымъ чувствомъ отвращенія, только теперь сознавъ все, какъ слѣдуетъ.

— Но почему? почему? кутнулъ немножко... моя милая женка лучше всѣхъ другихъ...

— Вы противны... вы грязны...

Сколько было силъ въ ея хрупкомъ тѣлѣ она напряглась и выскользнула изъ рукъ мужа; тотъ же, потерявъ равновѣсіе, упалъ на тахту и, барахтаясь тамъ и въ то же время придерживая жену за юбку, принялся ругаться и, словно въ награду себѣ за долгіе годы притворства, маску котораго онъ носилъ передъ женой, какъ и передъ другими людьми, онъ позволилъ языку своему раскрывать самые сокровенные извивы своихъ мыслей:

— Такъ вотъ оно что... я то рожу любящаго мужа корчилъ... а она меня не устаиваетъ своихъ ласкъ. Иди, иди сюда же!..

Стыдъ и обида жгли Наталью Михайловну. Горько усмѣхнулась она жалу правды, коснувшемуся раскаленнымъ своимъ концомъ ея души:

„Такъ вотъ оно первое искреннее слово мужа... запоздало очень!“

— Иди на тахту!

„Онъ имѣетъ право ласкать, — бѣжало въ ея мозгу. — Его собственность—таковъ ужасный законъ брака... и никто меня не защититъ, никто... кромѣ меня самой“. — И это заставило тѣло ея трепетать отъ гадливости и оскорбляло ее больше, чѣмъ невинную дѣвушку первое грубое прикосновеніе мужчины. Свое сердце, всю себя она могла отдать только тому, кто, свѣтлый, недавно вошелъ въ ея жизнь и зажегъ въ ней чистое, безбрежное пламя радости. Она навсегда только того, кто даже не поцѣловалъ ея руки.

— Натка, не изображай монашку!

Какъ хлыстомъ ударило ее это приказанье. Воздухъ ей показался нестерпимо смраднымъ. Она рванулась и, оставляя въ его рукахъ кусокъ матеріи отъ юбки, выбѣжала въ коридоръ. Подкосились ноги. — Свалилась у стѣны.

Вдругъ донесся тихій плачъ.

Она подняла голову, насторожилась.

— Крошка моя свѣтлоголовенькая, больненькая! — И, вскочивъ, побѣжала въ дѣтскую!

За ней по коридору гнался жестокий своей циничной правдой пьяный сумбуръ чужого для нея чело-вѣка — Ивана Ивановича Штромберга:

— Гордись... ты жена жреца человѣчества, какъ величаетъ меня этотъ старый идиотъ Березнякъ... ты знаешь, онъ только расписывается въ полученіи жалованья... Иди сюда! Скорѣе!

ГЛАВА XIV.

Заботливый и умѣлый уходъ сестры быстро становилъ здоровье Григорьева; черезъ недѣлю онъ смогъ принять пришедшаго провѣдать его Березняка уже не въ постели. Послѣ его ухода разыскалъ свой дневникъ. И долго заполнялъ листы его косыми мелкими строчками, пока ноющая боль не подошла къ тѣлу, и онъ не ощутилъ приступа лихорадочнаго

озноба. Чтобы избавиться отъ этого состоянія, онъ закутался въ одѣяло и принялся за чтеніе научной книги, но вскорѣ послѣдняя вывалилась изъ его рукъ, и онъ, опершись на спинку кресла, сталъ смотрѣть въ окно. Отяжелѣвшіе глаза представили себѣ за темнѣющими кружевами, наплетенными на стеклахъ морозомъ, наступленіе сумеречнаго часа, въ который онъ такъ любилъ безцѣльно бродить по улицамъ. Затѣмъ все стало расплывчатымъ, мелкали въ его мозгу сѣрыя пятна, штришки, какъ на попорченной фильмѣ. И только послѣ нѣсколькихъ минутъ напряженной сосредоточенности снова вернулась къ нему ясность. Въ сознаніи его повторилось все до мелочей, что происходило, когда онъ очнулся послѣ памятной ночи, закончившей педагогическій праздникъ.

„... Придя въ себя, я увидѣлъ склоненный у моего изголовья будто точеный изъ мрамора профиль лица и глаза съ невѣрнымъ блескомъ, какъ у перемѣнныхъ звѣздъ.

— Гдѣ я?

— Не узнаете?

— Нѣтъ. Кто вы?

— Меня зовутъ Аріадна.

Хотѣлъ приподняться:

— Скажите мнѣ...

— Тссъ... докторъ наказалъ молчать. Вотъ лучше примите лекарство... и лежите спокойно.

— Но я хотѣлъ бы узнать...

— Потомъ, потомъ... когда оправитесь, я вамъ все расскажу. А пока прошу васъ...

Покорно проглотивъ поданную Аріадной облатку и прекративъ разпросы, я началъ внимательно приглядываться вокругъ себя: къ портьерамъ на дверяхъ, къ пологу, полузакрывающему кровать, къ ковру въ пятнахъ, отъ которыхъ шелъ острый спиртной духъ, смѣшивавшійся съ мускусомъ, пропитавшимъ комнату, въ тошнотворно-сладкій запахъ. И всюду въ складочкахъ матерій, въ углахъ комнатъ инстинктъ подсказывалъ мнѣ, что я нахожусь за порогомъ особаго міра, чѣмъ тотъ, въ которомъ я живу“.

Память подсказала ему, какъ послѣ этого онъ уснулъ, и послѣ долгаго сна, съ удовольствіемъ выпивъ

стаканъ чая, слушалъ Аріаднинъ разсказъ о томъ, какъ ей удалось взять его избитаго изъ шантана къ себѣ домой. Потомъ онъ почувствовалъ приливъ силъ, поднялся и хотѣлъ идти домой. И та сцена, что разыгралась далѣе, встала съ такой отчетливостью передъ его умственнымъ взоромъ, что онъ опять, какъ и тогда у Аріадны, отъ внутренняго волненія чувствовалъ спазмы въ горлѣ.

— Куда? — встревожилась Аріадна.

— Домой.

— Останьтесь... еще немножко...

— Не могу... Сестра будетъ беспокоиться.

— Да вѣдь ей послано письмо. Она завтра пріѣдетъ за вами. Это же лучше: вы за ночь еще болѣе подкрѣпитесь.

— Это неудобно.

— Но вѣдь вы уже спали здѣсь.

— Да, но тогда я былъ въ безчувствіи... а теперь...

— Что теперь?

— Мнѣ стыдно.

При послѣднихъ словахъ комната огласилась рыданьями.

— Всѣ такъ... всѣ... тѣ возьмутъ твое тѣло, и бѣгутъ... имъ стыдно побыть, когда уляжется страсть, возлѣ проститутки. А вы... вы взяли душу мою и убѣгаете... къ вамъ вернулось сознаніе—и вамъ уже стыдно быть здѣсь.

— Что вы... стыдно не здѣсь быть, но вотъ въ одной комнатѣ, ночью... Это же неудобно вамъ — встревоженно отвѣтилъ я, и въ груди зашевелилось смутное чувство, будто бы и я виноватъ въ части тѣхъ обидъ, отъ которыхъ плакала Аріадна.—Я побуду еще... успокойтесь.

— Сядь... здѣсь, — улыбаясь и всхлипывая въ одно и то же время, потянула Аріадна меня на диванъ и, когда я сѣлъ, положила мнѣ на колѣни голову, примостившись у моихъ ногъ.

Долго молчали. За стѣной хлопнула пробка откупориваемой бутылки, и мужской голосъ цинично выругался подъ хохотъ женщины.

— Ты о чемъ думаешь? Ты плохо думаешь обо мнѣ?

— Нѣтъ.

— Я знаю твои мысли. Всѣ такіе, какъ ты, хорошіе... думаютъ: влечетъ легкій заработокъ, наряды... Нѣтъ, это тяжелый путь... И сойти съ него трудно. Я думаю, не съ такой ли бы охотою конторщикъ ушелъ отъ своей конторки, какъ я отъ безсонныхъ ночей. А многіе конторщики уходятъ съ своихъ мѣстъ? Видишь ли, у меня есть братъ гимназистъ... я его учу на свой счетъ... вѣрнѣе, учила, а теперь помогаю... онъ кое-что зарабатываетъ себѣ уроками. Этотъ братъ—мой жизненный маякъ, моя надежда. Но... эта надежда, угрожая мнѣ своимъ исчезновеніемъ, заставила еще не одну ступеньку ниже упасть. Меня призвали въ гимназію и сказали, что если я хочу, чтобы мой братъ окончилъ курсъ, нужно ему брать уроки. И это стоитъ двѣсти рублей. Подумай надъ этимъ! Двѣсти рублей! Я была здѣсь простой килицей, ну, а теперь влѣзла въ кабалу... теперь послѣ варьете, если тамъ не найду гостя, я уличная дѣвка... вотъ какъ сосѣдка за этой дверью. Это, почище, чѣмъ съ твоими компаньонами по кутежу валандаться, тамъ отъ анекдотовъ душу вывернетъ... а здѣсь, на улицѣ—промерзнешь, и...

— Но кто же васъ, разъ вы этого не хотите, можетъ заставить терпѣть? Отработаете, отдадите долгъ...

Въ дверь постучали. Недовольный рѣзкій голосъ позвалъ Аріадну:

— Второй день ничего... пора за дѣло...

— Видишь,—проговорила Аріадна, отходя отъ дверей, къ которымъ она подбѣжала: — и выговоръ. И спасибо сказать нужно. Въ другомъ бы мѣстѣ просто вытолкали на улицу. У меня хозяйка—добрая женщина, живетъ она нѣбожно... голубиная христіанка... секта такая есть.

— Но какъ же соединить это?..

— У нея двѣ дочери. Нужно же имъ жить какъ-нибудь... Какъ мать и хорошая женщина, она, естественно, хочетъ уберечь дочерей отъ улицы. Это и объясняетъ ея выборъ: лучше другія, все равно

же онѣ уличныя, чѣмъ свои. Меньшее зло лучше большаго.

И то, какъ безъ злости, просто, словно все понятнѣй понятнаго, было это сказано, наполнило меня удивленіемъ, и мнѣ захотѣлось заглянуть въ горнило, гдѣ въ страданьяхъ могъ выковаться такой спокойный взглядъ на вещи.

— Вы учились гдѣ-нибудь?

— Да, до шестого класса гимназіи. Я была способная дѣвочка и въ то же время—на свое несчастье—недурненькая. — Углубилась она въ прошлое... — Какъ сейчасъ помню: полутемный кабинетъ... разъ въ дождливый вечеръ пришла раньше другихъ... на собраніе молодежи, устраиваемое въ квартирѣ одного инженера и ушла не одна...—по ея лицу покатались слезинка за слезинкой, перехватило дыханье... и забилась въ истеричномъ припадкѣ:—вдвоемъ... съ ребеночкомъ... „гдѣ онъ?“ спросите... его вытравили... отецъ жениться не могъ, онъ общественный работникъ... и потомъ... свободная... любовь... цѣпей не признаетъ!

Пришлось попасть къ акушеркѣ... привезъ въ другой городъ инженеръ. Въ родномъ городѣ огласка, скандалъ... какъ туда возвращаться? Денегъ не было, вида на жительство тоже. Вотъ такъ началась моя теперешняя жизнь. Потомъ братъ меня разыскалъ — оказывается, родители умерли. Онъ и теперь не знаетъ моей профессіи. Я къ нему иногда по праздникамъ хожу. Совсѣмъ у меня посвѣтлѣло: стала жить для него, ждать — окончить ученье, возьметъ меня къ себѣ... Ты знаешь, отчего я не хотѣла открыть покрывала въ вашей компаніи... Тамъ былъ этотъ братнинъ учитель.

— А откуда вы знаете его?

— Да такъ... видѣла разъ, — уклончиво отвѣтила Аріадна.

— А какъ зовутъ вашего брата?

— Сережа...

— Вы сестра Комова? — спросилъ я потрясенный, и, не дождавшись отвѣта, съ трудомъ привсталъ. — Аріадна, позвольте мнѣ идти... все, что я узналъ, давить меня... я захлебнусь въ мути... я ничего не

могу сообразить. — И выросло внезапное рѣшеніе, которое я поспѣшилъ высказать: — но я приду за вами... совсѣмъ... взять васъ...

— Милый! — бросилась къ нему Аріадна, но черезъ мигъ потухла ея радость. — А долги?

— Мы это устроимъ, — вырвалось у меня, хотя въ этотъ моментъ я не зналъ еще, какъ это устроить. — Не сердитесь, я пойду...

Издалека по коридору прошелъ протяжный напѣвъ:

„Всѣ къ труду! Всѣ къ труду,
сауги Господа силъ!
Въ путь пойдемъ, что Спаситель
намъ Самъ проложилъ.“

— Это хозяйка съ дочками поютъ... молятся... они всегда въ полночь, — прошептала Аріадна.

„Что же это такое: Свѣтлое и темное — другъ возлѣ друга! Не двѣ ли стороны одной и той же сущности?“ — пришло мнѣ на умъ, но я погналъ отъ себя эту мысль, показавшуюся мнѣ кощунствомъ.

— До завтра, Аріадна.

— До завтра.

По всѣмъ угламъ сырой загаженной квартиры трепетали и звенѣли нѣжные голоса:

„Всѣ къ труду! Всѣ къ труду, слуги Господа силъ!“

И казалось, что измазанные обои вытянулись въ стройные ряды колоннъ. Все вокругъ загорѣлось дивнымъ сіяньемъ, исходящимъ изъ нашихъ душъ. Съ нами было Свѣтлое...“

Здѣсь развертывающуюся ленту воспоминаній Григорьева обрѣзали ножницы подкравшейся дремы.

ГЛАВА XV.

— Убирать! Живѣ! Черезъ пять минутъ чтобы былъ очищенъ залъ, — распоряжался Штромбергъ. — Передъ началомъ бала для взрослыхъ, въ девять часовъ, подмести залъ и провѣтрить! — Отдавъ еще кой-какія распоряженія убравшимъ декораціи сторо-

жамъ, онъ подошелъ къ Григорьеву и принялся расхваливать пьесу послѣдняго, поздравляя съ успѣхомъ.

— Какой тамъ успѣхъ... на половинѣ пьесу прервали.

— Ничего, никто не замѣтилъ — расчудесно вышло. И потомъ, это же дѣтская вещица, пустячекъ, не все ли равно, гдѣ остановиться и...

— Смыслъ то весь исказился.

Безъ дальнѣйшихъ обиняковъ Штромбергъ приступилъ къ цѣли своего разговора.

— Ну, кто станетъ искать смыслъ? Дѣти? Смотрѣли сейчасъ и черезъ минуту все забыли. Полно вамъ огорчаться! — И обнялъ Григорьева за талію. — Вотъ что, голубчикъ, идите въ мой кабинетъ... тамъ я заготовилъ чистой бумаги... напишите отзывъ о вашей пьесѣ... экземпляровъ шесть, чтобы различались въ деталяхъ. Да поживѣ! Нужно въ редакцію доставить къ десяти вечера, чтобы завтра въ газетахъ появились замѣтки.

— Я не понимаю... написать отзывъ о пьесѣ? О своей пьесѣ?

— Ну, да.

— Это же неудобно...

— Очень просто все: это же реклама. Кто же станетъ писать о какой-то тамъ дѣтской вещицѣ. Вотъ и напишите сами, а я устрою въ газетѣ — это вѣдь реклама и для гимназіи.

— Если это серьезно...

Штромбергъ, увидѣвъ, что Григорьевъ собирается довольно остро реагировать на его предложеніе, сразу же перемѣнилъ тонъ своего обращенія съ нимъ на мягкій и вкрадчивый. — Ну, полно горячиться... я пошутилъ: хотѣлъ испытать васъ. Вы съ честью вышли. . позвольте пожать руку. Я собственно пришелъ вамъ сказать, что въ числѣ публики былъ одинъ изъ газетныхъ работниковъ, ему понравилась ваша пьеса, и онъ мнѣ сказалъ, что обязательно похвалитъ васъ въ печати. — Отходя отъ Григорьева, пробормоталъ про себя: — Чортъ возьми! Самому придется сочинять рецензію.

Широкой лентой, толкая другъ друга и угощая пинками, потянулась по коридорамъ мелюзга. Ученики

старшихъ классовъ, расположившись вдоль стѣны, съ снисходительной улыбкой взрослыхъ людей смотрѣли на проходящихъ. Составъ шеренги у стѣны постоянно мѣнялся: пользуясь тѣмъ, что преподаватели были заняты, бѣгали курнуть въ швейцарской. Въ распорядительской комнатѣ толпились по преимуществу ученики выпускного класса.

Баронъ Вольфъ торжественно совѣщался съ Соколовымъ, занимавшимся нарѣзкой контрамарокъ:

— Ну, понялъ ты, наконецъ, зачѣмъ я Галкина просилъ сбить Карапета отъ маманъ Ивантія?

— Конечно, Карапета ты хочешь пристроить къ симпатіи Комова. Но развѣ это рѣшаетъ вопросъ?

— *Cherchez la femme*, — съ усмѣшкой, прищелкивая языкомъ, замѣтилъ Вольфъ. — Какъ только мы возбудимъ въ сердцѣ Комова змѣю ревности, такъ, братъ, касса освободится отъ присмотра. Онъ, если не уйдетъ, то раскиснетъ. Я этакъ пару-другую антимоію про любовь разведу, а ты въ это время тяпай. Запомниль операціи съ контрамарками... кажись, вчера на испытаніи чисто выходило, смотри не спутай.

— Ну, идемъ! Галкинъ куда-то отправляется... какъ бы не въ буфетъ: доберется до напитковъ — лопнетъ дѣло.

Соколовъ и Вольфъ догнали Галкина у входа въ залъ. Онъ тянулся въ хвостъ „Королевскаго двора“ — такъ называлась группа прихлебателей у самаго богатаго ученика въ классѣ, всегда располагавшаго крупными деньгами и не жалѣвшаго бросать ихъ на угощеніе, Ярмонкина. Послѣдній шелъ впереди, одѣтый въ щегольскую визитку съ видомъ старѣющаго жуира, и картавя, сквозь зубы ронялъ слова, которыя почти на лету ловила свита:

— Чертовски везло всѣмъ праздники. На балу у князей Куракинскихъ во время танцевъ два объясненія амурнаго характера: графиня, тридцать лѣтъ — бурный возрастъ, бюстъ — закачаешься; и молоденькое очаровательное существо, румянькая дѣвочка... кузина князя Рѣпкина.

— И вы, конечно, остановили свой выборъ на первой? — завистливо спросилъ горбатый, чрезвы-

чайно низенькій гимназистъ Фирлинскій, въ воротничкѣ до того высокомъ, что владѣлецъ послѣдняго могъ глядѣть не ниже направленія карнизовъ.

— Нѣтъ, принцъ Фирлей, представьте себѣ, нѣтъ! Вы плохой знатокъ женщинъ, а потому вамъ, можетъ быть, и непонятны причины, которыя заставили меня предпочесть бутонъ невинности.

Фирлинскій, носившій среди учениковъ громкій титулъ принца Фирлея Прекраснаго за свое крайне высокое мнѣніе о своей наружности, обидчиво развелъ руками:

— Стоитъ ли знать женщинъ! Всѣ женщины, которыхъ доводилось мнѣ встрѣчать, были ничтожества, — а мало ли я ихъ встрѣчалъ?

— Извѣстный волокита! — изрекъ гимназическій піита Ивановъ, безъ эпиграммъ котораго не обходилась ни одна попойка.

— Т-съ, Карапетушка торжественно шествуетъ съ дамой своего сердца...

— Орангъ-утангъ крашенный! — хихикнулъ кто-то изъ свиты.

— Не женщина, а бочка сорокаведерная! — надѣвая монокль, пробурчалъ Ярмонкинъ.

И когда съ компаніей поравнялся молодой Мохоробельянецъ, шедшій подъ руку съ матерью Штромберга, Соколовъ ловко сдѣлалъ ему подъ ножку.

Споткнувшійся Мохоробельянецъ оцетинился:

— Что ты ноги на семь верстъ раскладываешь!

— На минуточку, Карапетъ, — позвалъ Вольфъ.

— Я не одинъ.

— Позволь тебя на время замѣнить, — предложилъ Галкинъ.

Каролина Карловна, услышавъ эту фразу, осмотрѣла съ ногъ до головы Галкина, съ видимымъ удовольствіемъ задержавшись взглядомъ на развитомъ торсѣ послѣдняго.

— Что дѣлать, Карапетъ! Товарищи прежде всего. Проводите меня только къ Ивану Ивановичу и тогда можете оставить меня.

— Зачѣмъ оставлять? — началъ было Карапетъ возражать, но Галкинъ галантно поклонился. — Раз-

рѣшите побыть вашимъ кавалеромъ. Радъ услужить вамъ и Карапету.

— Вы очень любезны, — кокетливо отвѣтила Каролина Карловна.

Карапетъ пытался послѣдовать за Каролиной Карловной, отошедшей отъ компаніи съ Галкинымъ, но его задержали.

— Карапетъ! Тебя надо лечить и серьезно: такъ влюбиться!

— А вамъ что за дѣло! Ну — влюбленъ.

Піита Ивановъ, сощутивъ свои маленькіе глаза, продекламировалъ:

„Что нравится, пылкій сынъ Кавказа,
Тебѣ у дѣвы, коей Каролина имя:
Румянецъ — краска, растертая у глаза,
Иль большее, чѣмъ коровы, вымя?“

— Все въ кучѣ упоительно, — стыдливо пролепеталъ Карапетъ.

— Розоперстая Аврора, а не женщина. Да, Карапетушка, нѣтъ ли папироски?

Мохоробельянецъ, наклонившись къ Иванову, сантиментально проговорилъ: „Безконечное влюбленіе... ты знаешь: теперь я цѣлыми днями не вижу Кары. Безпредѣльное влюбленіе... отъ шейки до каблучковъ...“

Тянувшіеся со всѣхъ сторонъ къ портсигару Карапета дико захохотали.

— Ны надо. Я по душѣ, а вы скверно смѣялся!

— Что ты, вольный сынъ эфира! — потрепалъ его по плечу Ивановъ, — смѣемся отъ радости, веселить твоя судьба, счастливцевъ! Понимаешь? Такая любовь, какъ у тебя, случается разъ въ тысячелѣтіе.

Вольфъ вкрадчиво замѣтилъ Мохоробельянцу:

— Карапетушка, уныніе совсѣмъ не къ твоему лицу. Сегодня... вотъ когда мы спускались въ шинельную, я услышалъ, что одна барышня спросила о тебѣ: „кто этотъ красавецъ?“

— Барышня?

— Да, и такая хорошенькая. Если ты съ нею пройдешь, такъ твоя Каролина отъ злости и ревности сама не своя станетъ. Ну, и, конечно, твое дѣло въ шляпѣ... это лучшее средство вернуть женское благоположеніе.

— Я иду! Давай мнѣ барышню! — рѣшительно заявилъ Мохоробельянецъ.

— Фирлей, — попросилъ Вольфъ, — проводи Карапетушку, покажи ему барышню, помнишь ту у дверей. — И крикнулъ вслѣдъ уходившему Карапету: — Ты не стѣсняйся. И не отходи отъ нея. Женщины любятъ поломаться. Помни, она безъ ума отъ тебя.

Соколовъ, съ любопытствомъ слѣдившій за происходившимъ, подошелъ къ Вольфу.

— Я хотѣлъ поговорить съ тобой объ одной комбинаціи, пришедшей мнѣ въ голову. Пройдемъ въ бильярдную.

— Это не хорошо, — закричалъ Ярмонкинъ, увидѣвъ, что Вольфъ и Соколовъ направились къ выходу. — Баронъ, въ самый интересный моментъ моего разсказа вы уходите.

— Мы въ „Лебедь“!

— Погодите... я съ вами. Я непременно хочу сообщить вамъ... свои интересныя наблюденія... какую я открылъ ножку!

Ивановъ, скрутивъ тетрадку въ трубку и поставивъ ее ко рту, прокричалъ:

— Его амурное величество изволить отбыть въ тошниловку. Всѣмъ вѣрнымъ нашимъ кавалерамъ будетъ выставлено гроссъ пива, два фунта житныхъ сухариковъ съ солью. — И запѣлъ: „Плыви, о, лебедь мой!“

Весь „Королевскій дворъ“, подтягивая Иванову съ шумомъ и гикомъ, сталъ надѣвать шинели, натягивать галоши.

ГЛАВА XVI.

Реалисты, пробѣжавъ дворъ, остановились закурить подъ воротами. — Осторожнѣе, — посовѣтовалъ Фирленскій: — невдалекѣ слышалъ чихъ Холостяка.

— Плевать!

— У Холостяка — гипертрофія сердца.

Вольфъ обратился къ Соколову:

— Возьмемъ-ка Холостяка въ „Лебедь“.

— На кой чортъ! Платить за него надо, а ты знаешь, что пиво онъ сосетъ, какъ верблюдъ.

— А ты знаешь, чѣмъ пахнетъ, если... доберутся до нашей сегодняшней операціи. Что мы скажемъ? А то у насъ отговорка: пьяны были, какъ стелька... надзиратель свидѣтель. Это пьянство, а не подлоги и воровство. За пьянство выпускныхъ не погонять.

— Предусмотрительно! Запасаться заблаговременно alibi! Да это вѣдь надо родиться такимъ первостатейнымъ жуликомъ, баронъ! — И Соколовъ побѣждалъ къ длинной фигурѣ, шагавшей впереди по панели.

— Павелъ Ивановичъ, египетскихъ папиросъ!

— Проходите, господа.

— Павелъ Ивановичъ, не обижайте! Мы за милую душу! — продолжалъ подъѣзжать къ надзирателю Соколовъ. — Смотрите, какое холодище... Зашли бы съ нами погрѣться.

— Идите... идите... безобразіе.

— Ужъ и браниться! А знаете, Павелъ Ивановичъ, говорятъ, свѣжее мартовское привезли. Ой, ой! Идемте, по хорошему просимъ.

„А въ самомъ дѣлѣ, почему бы не такъ“ — подумалъ Гуковъ. — „По хорошему зовутъ. И вѣдь все равно пить будутъ и безъ меня“, и озябшій онъ съ удовольствіемъ представилъ себя въ тепломъ помѣщеніи за стаканомъ пѣнистаго пива.

Часа два онъ ходилъ взадъ и впередъ мимо воротъ. Не разъ, подходя къ термометру, висѣвшему у подъѣзда, отчитывалъ свою судьбу: „двадцать восьмой годъ надзирателемъ... и на термометръ — чортъ возьми — накачало 28°! Ну и служба! Назоветь директоръ начальства... а ты топчи тутъ землю. Тьфу ты пропасть! слѣди, чтобы не курили подлѣ гимназій. Начальство тоже обалдѣло: эка невидаль — курить гимназистъ. Да ты самъ небось въ пять лѣтъ набивалъ газетную бумагу сухими листьями и фукалъ, а теперь... Прости Господи, блюстители нравственности!“

— Павелъ Ивановичъ, сегодня нашъ день — вечеръ выпускныхъ и все прочее, — подхватили его подъ руки ученики...

— Тише... тссъ. Пойду! Ну, что съ вами подѣлаешь? — И обратился къ Иванову, ведшему его: — новое мартовское получили, пробоваль?

— „Не для меня придетъ весна...“ — пропѣлъ въ отвѣтъ Ивановъ.

— Ха, ха, ха! — разсмѣялся Соколовъ. — Видно, что не для тебя... хрипишь, какъ спиртовой кофейникъ.

Ивановъ началъ оправдываться:

— Я простужень.

— Водку пиль безъ галошъ, — подтрунилъ кто-то сзади.

Въ трактиръ попали по черному ходу черезъ кухню. Дверь изъ кухни вела прямо въ биллиардную. Оттого въ послѣдней былъ смрадный воздухъ, и нестерпимо пахло лукомъ и кислятиной. Но новые гости съ наслажденіемъ втянули въ легкія привычную атмосферу, а у Павла Ивановича, у котораго разыгрался приступъ ишіаса отъ долгаго хожденія по холоду, даже вывалилось: „Боже мой, какъ мило и уютно!“

Посрединѣ биллиардной толпился народъ. Тамъ шло состязаніе между лучшими мѣстными игроками: Халдой, такую кличку носилъ одинъ изъ учениковъ гимназіи Данемана, и ученикомъ казенной гимназіи, по прозвищу — Загибалой.

Шары щелками. Попадая же въ бортъ биллиарда, издавали трескъ, схожій съ заглушеннымъ ружейнымъ выстрѣломъ. За игрой слѣдили въ молчаньи, охваченные азартомъ.

— Загибала! — пронеслось, какъ стонъ, изъ десятка грудей. Халда, не показывая вида, что волнуется, прошелъ къ столу, гдѣ возсѣдалъ „Королевскій дворъ“.

— Карапеть гдѣ?

— Остался на вечеръ, — отвѣтилъ Вольфъ. — Халда, какъ это ты сверзилъ?

— Загибала на фука залузилъ три шара. Фортуна! Ну, что дѣлать! Продулся только... пятерку ни за понюшку табаку. Да главное — послѣднюю.

— Ну, ничего. Дѣльце есть — поможешь, такъ взаймы получишь роликъ.

— Большой?

— Ну да, большой! Довольно съ тебя и пяти рублей.

— Безъ отдачи?

— Можно.

— Дѣло вѣрное?

— Аптечное. Но слушай, — отвелъ Вольфъ его въ уголь. — Ты въ контролѣ сидишь?

— Да.

— Ну, вотъ... у насъ все на мази... съ твоей стороны нужно... и вотъ тебѣ, — и началъ Вольфъ набрасывать планъ той помощи, которая требовалась отъ Халды, на что тотъ кратко отвѣчалъ: „гм“, „да“, „глаза не плошки-видятъ крошки“, „подсовывать контрамарки вмѣсто билетовъ?“ „могу“, „такъ, такъ“.

Немного погодя подошелъ Соколовъ, и они втроемъ стали выяснять детали выполненія задуманнаго ими мошенничества.

Павелъ Ивановичъ же, потягивая изъ стакана пиво, которое безпрестанно подливали ему, совсѣмъ размякъ:

— Ой, и подлець народъ былъ раньше — вашъ братъ! Бывало — я въ казенной гимназiи служилъ тогда — слона устроить и пруть, какъ ошалѣлые, по коридорамъ. Помню одного несуразнаго гимназиста, такой хилый, паршивенькій, тихоня; вѣчно у грека Урбана пары получалъ: не могъ читать правильно стихи. Товарищи издѣвались надъ нимъ; раздѣнуть передъ урокомъ и подъ парту положить и держать тамъ. Урбанъ вызываетъ. „Тутъ“, кто-нибудь отвѣчаетъ за Шашкина, такъ, кажется, была его фамилія. А нужно вамъ сказать, что Урбанъ терпѣть не могъ такого отвѣта, срывался съ кафедръ, крича: „не тутъ, а здѣсь!“ — „Я тутъ“, пищаль опять кто-нибудь. — „Шашкинъ, въ уголь!“ слѣдовалъ приказъ разсерженнаго преподавателя. Никто не поднимался. И когда уже показывалась пѣна на губахъ у Урбана, выталкивали изъ-подъ парты Шашкина на середину класса. Урбанъ оралъ: „Вонъ изъ класса!“ А ученики испуганно лежащему на полу Шашкину бросали штаны, куртку, ботинки, и тотъ подъ топотъ и ругань, къ общему удовольствію гимназистовъ, одѣвался.

Появленіе Карапета помѣшало разглагольствіямъ Павла Ивановича.

Поднялись шумные возгласы:

— Побѣдитель! Подайте кубокъ Несравненному!

И почти насильно заставили Мохоробельянца проглотить пива, въ который Ивановъ потихоньку влилъ водки.

— Ничего не вышло, — сердито заявилъ Мохоробельянцъ.

— Какъ? — ошеломленно спросилъ Вольфъ.

— Фирлуша мэнэ показывалъ барышнэ. Я ходылъ, ходылъ... и усы щипалъ, и пѣлъ... и нычыго.

— Еще кубокъ этому Эфіопу!

Вольфъ знакомъ пригласилъ къ себѣ Соколова:

— Что ты скажешь? Срывается комбинація... — и, пылая желаніемъ сорвать на комъ-нибудь душившее его чувство злобы, выбралъ мишенью для себя Мохоробельянца. Повернулся къ послѣднему, и въ упоръ въ лицо выпалилъ: — Сердись—не сердись, Карапетъ, а твое дѣло пропащее. Галкинъ—парень не промахъ, спуска не дастъ, не надѣйся. Прошли твои золотые денечки...

— Золотые денечки... пропало, — растерянно повторилъ Мохоробельянцъ и вдругъ, словно что надумавъ, схватилъ услужливо поданный ему бокалъ и съ жадностью осушилъ его содержимое.

— Чего тамъ, Карапетъ! Не тужи! Не найдешь другой что-ли? И подумаешь, что ты потерялъ, — принялся кто-то утѣшать Мохоробельянца.

Вольфъ съ тонкимъ расчетомъ на опредѣленный эффектъ, какъ могъ, громко произнесъ:

— Что скрывать, съ кѣмъ только твоя зазнобушка вола не вертѣла.

— Вола вертѣла?! Врешь! Я первый! — сверкнулъ глазами Мохоробельянцъ.

— Что тебѣ шестерню въ башку что ли ввернули! — усмѣхнулся Фирлинскій. — Эхъ, эта кавказская любовь идіотами васъ дѣлаетъ!...

— Самъ ты идіотъ!

— Погоди, Карапетъ! Прежде всего спокойствіе, — присталь Фирлинскій, — вотъ, Павелъ Ивановичъ—чело-

вѣкъ пожившій, безпристрастный... пусть онъ разсудитъ, кто изъ насъ правъ.

Окружающимъ понравилась затѣя Фирлинскаго.
— Просимъ! Павла Ивановича мировымъ! Просимъ!

— Въ чемъ дѣло? — отозвался Павелъ Ивановичъ.
Вольфъ вышелъ впередъ и сказалъ:

— Обстоятельства дѣла таковы: Карапетъ утверждаетъ, что Каролина Карловна, мамаша Штромберга, до встрѣчи съ нимъ была невинный ангелъ и...

— Молчи! — заревѣлъ Морохобельянцъ. — Не смѣть называть погаными губами ея имя... не надо мнѣ мировой судья!

Смѣсь, которой поили послѣдняго, оказала свое дѣйствіе — онъ умудрялся, совершенно этого не замѣчая, выдѣлывать замысловатые пируэты.

— Папаша у Штромберга нашелся! — запищаль фальцетомъ Фирлинскій.

— Сынъ на отца только не похожъ. Странный случай!

— Ха, ха, ха!.. го, го, го!

— Что мнѣ дѣлать? — заметался по билліардной Мохоробельянцъ. — Что мнѣ дѣлать? Я люблю... поймытѣ... люблю... сѣрдцѣ колотится, бѣгаетъ... я не могу... Я Галкынъ... дуэль... убью, какъ послѣдній собака!

— Гдѣ тебѣ, пьяная тетка! Безъ обѣда, смотри, не посидѣть бы!

Вольфъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи нанести еще ударъ самолюбію Мохоробельянца.

— На двери, гдѣ посадятъ Карапета, прибьемъ надпись: „здѣсь сидитъ рогатый ишакъ!“

— Рогатый? — дико осмотрѣлся Карапетъ и неожиданно для всѣхъ бросился къ выходу, поваливъ стоявшихъ у него на дорогѣ. — Я тѣперь знаю... все... зна-а-а-а-ю...

За Мохоробельянцемъ высыпали на улицу и остальные.

— Вотъ бѣшенный!

— Надо приглядѣть за нимъ! Онъ невмѣняемъ!

— Пьянъ, какъ шпонька!

— Скорѣе! Догоняй! Ай-яй!

Вольфъ и Соколовъ на углу глухого переулка, ведшаго къ рѣкѣ, остановились, и, когда всѣ скрылись за поворотомъ, медленно направились къ гимназiи.

— Нечего зѣвать. Дѣло проморгаемъ! Поворачивай обратно въ гимназiю.

Морозный вечеръ величественно покоился подъ темно-синимъ, бездонно-прозрачнымъ небомъ. Длинные ряды фонарей смирно мерцали вдоль рѣки. Въ свѣтѣ отъ послѣднихъ по мостовой впереди догоняющихъ Мохоробельянца нелѣпо тянулось, временами мѣняя направленіе, огромное тѣневое изображеніе убѣгающаго.

Вдали зачернѣлъ мостъ.

— Скорѣе! Карапетъ сворачиваетъ!

Темная фигура, ставъ на перила, отчаянно взмахнула руками.

Въ воздухѣ надъ перилами подпрыгнуло черное и ринулось внизъ съ моста.

— Поднялся! Къ проруби лѣзетъ!

И столпились всѣ у барьера вдоль берега.

— Вдругъ потонетъ?

— Идіотъ!

— Я пользую, — твердо выговорилъ Павелъ Ивановичъ.

Десятки любопытныхъ глазъ, принадлежавшихъ товарищамъ Карапета, спокойно принялись наблюдать, какъ по обледенѣлымъ камнямъ, балансируя, двигался Павелъ Ивановичъ.

Черезъ мигъ увидѣли на убѣленномъ снѣгомъ льду второе черное пятно. И слышали прерывающійся отъ одышки крикъ Павла Ивановича:

— Карапэ-этъ де-ер-жи-и-сь!!!

ГЛАВА XVII.

Григорьеву по обязанности отвѣтственнаго распорядителя пришлось задержаться въ гимназiи послѣ окончанія бала. Когда онъ, наконецъ, освободился, было уже четыре часа ночи. Онъ рѣшилъ дожидаться

утра въ гимназiи. Ему не захотѣлось приходомъ домой ночью тревожить сонъ сестры, ставшей для него еще болѣе дорогой и близкой послѣ того, какъ содѣйствіе послѣдней помогло ему довести до конца планъ ухода Аріадны изъ притона; вѣдь она—сестра—сама первая предложила у себя пріютъ Аріаднѣ до той поры, пока та не найдетъ достаточно силъ самостоятельно зажить.

Онъ прошелъ въ пріемную и примостился на стоявшемъ тамъ диванѣ. Сразу же почувствовалъ звонъ, стоявшій въ головѣ,—безпокойный, игривый шумъ—отзвукъ бала.

Спать не хотѣлось, и онъ лежалъ съ открытыми глазами.

Вокругъ шла жизнь, обычно не замѣчаемая въ сутолокѣ дня. За стѣной длинный маятникъ училищныхъ часовъ повторяетъ безъ усталы:

— Тикъ-такъ, тикъ-такъ...

Слабо отзываются закоулки чутко спящихъ коридоровъ:

— Тиикъ-таакъ, тиикъ-таакъ...

Мягко, какъ ходъ вѣтерка по травѣ, шелестятъ скользящіе по стѣнѣ кусочки штукатурки, нѣтъ-нѣтъ срывающіеся; потрескиваютъ разсыхающіяся доски новыхъ шкафовъ; шуршитъ моль въ оконныхъ занавѣсахъ; скребется что-то, можетъ быть, мышь въ архивномъ сундукѣ. И все неясно и смутно.

Мысль настраиивается на особый ладъ и звучитъ легко въ полунамекахъ, въ полусловахъ, и гибкая сверкаетъ, какъ накаленное остріе, въ мозгу чертитъ тамъ образы, не заставляя ихъ застывать въ неподвижныхъ формахъ словъ; и подобно мотыльку, только что сбросившему личинку и порхающему надъ полями, носится эта мысль надъ безмѣрными глубинами, недоступными трезвому человѣческому сознанію.

Вдругъ явственно услышалъ, какъ кто-то потрогалъ дверную ручку, но онъ не придалъ этому значенія, полагая, что это ему чудится, такъ же, какъ и то, что предутреннія тѣни выдѣлили изъ себя бѣлесый призракъ, и онъ двигается къ дивану.

Крикнулъ только тогда, когда разслышалъ шорохъ въ двухъ-трехъ шагахъ отъ себя.

— Кто здѣсь?

Отвѣта не послѣдовало.

Привскочилъ съ дивана и повернулъ выключатель. Снопъ электрическаго свѣта упалъ на сидящаго вблизи дверей на корточкахъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ Данемана.

— O, mein Gott! — взмолился дрожащимъ голосомъ директоръ. — Тушите... тушите огонь...

Черезъ неплотно закрытую дверь въ пріемную донесся отдаленный шумъ. Въ молебѣ директоръ схватился за руки Григорьева.

— Они будутъ давать мнѣ удары... спасите меня! Скажите, что Данеманъ здѣсь отсутствуетъ. Идите же, скажите!

Не соображая, въ чемъ дѣло, но тронутый жалкимъ видомъ директора, Григорьевъ исполнилъ просьбу послѣдняго. Въ коридорѣ онъ почувствовалъ, какъ на него набросились какіе-то люди.

— Стой, мошенникъ! Довольно тебѣ надувать насъ!

— Деньги бралъ — соловьемъ пѣлъ, а отдавать — зайцемъ сталъ.

— Что вамъ угодно? — громко спросилъ Григорьевъ.

— Это не онъ, — разочарованно пробасилъ одинъ изъ державшихъ Григорьева и, все еще не вполнѣ вѣря въ ошибку, зажегъ спичку.

— Гдѣ же директоръ?

Вмѣшался Петръ и выручилъ Григорьева.

— Убѣжалъ.

— Черезъ черный ходъ, что ли?

Замѣтивъ, что неизвѣстные спустили тонъ послѣ встрѣчи съ Григорьевымъ, Петръ заговорилъ грубо:

— Нашъ дилектуръ пріемны часы имѣеть. А по ночамъ у гимназіи пріема нѣтъ. Уходите. Дворниковъ позову. — И, вытолкавъ пришедшихъ за дверь, заперъ ее.

Когда Григорьевъ возвратился въ пріемную, директоръ обратился къ нему со словами:

— Я не пойду спать въ свой кабинетъ. Позвольте сидѣть возлѣ васъ. — И Данеманъ нѣсколько разъ

пожалъ ему руку со словами благодарности, а потомъ, близко пододвинувшись, зашепталъ:

— Штромбергу, Бога ради, ни слова. Я вамъ откровенно буду высказывать, почему это я васъ прошу. — Его голосъ дрогнулъ на мгновеніе. — Для этого нужно знать мой печальный біографій съ самаго начала. — Увидѣвъ, что Григорьевъ зѣвнулъ, онъ испуганно спохватился. — Это — коротко. Я только дѣлаю разговоръ, что булъ я честный человекъ, — и остановился, ожидая, пока пройдетъ приступъ спазмъ въ горлѣ — и есть честный... только немножко съ маленькой запятой. Я честный... только долги не отдаю. Я тратилъ деньги много, но для себя ни одна копѣйка, я тратилъ на большое дѣло. Я хотѣлъ давать Россіи школу съ образцовый германскій порядокъ. Даже министръ просвѣщенія меня слушалъ и обѣщаль на казенный поддержаніе взять, но только онъ надувалъ меня — скоро умиралъ. А я вѣрилъ, глупый! Потомъ у меня булъ планъ сдѣлать изъ мой маленькій капиталъ, данный мнѣ изъ германскій банкъ для учебный просвѣщеніе Россіи, большой. Ожидая казенный субсидію, я пускалъ мой капиталъ на биржу. Я думалъ, когда буду выигрывать, буду устраивать большой образцовый школъ, такой же, какъ Петершуде. Я люблю русскій мальчишка и хотѣлъ ему давать настоящій нѣмецкій учитель для него. — Въ голосъ директора появилась томность. — Какъ було бы хорошо, когда русскій люди дѣлался бы чистый и аккуратный, учился быть услужливый начальству. Для этого я давалъ бы ученикамъ твердый и широкой знаній исторіи великой Германіи.

— Почему вы думаете, что русскимъ дѣтямъ нужна нѣмецкая школа?

— Наша нація самый цивилизованный, самый ученый. Не даромъ столько большихъ чиновниковъ въ Россіи имѣють германскій кровь, — самоувѣренно разъяснилъ директоръ. — А хорошо мой воспитаніе для русскихъ потому, что тогда они стали бы похожий на нашъ великій народъ... они тогда могли бы съ гордостью говорить: „мы, какъ германцы“. Да это даже выгодно було бы: въ Россіи, кто германецъ, кто даже касался германскій духъ, тотъ есть привилле-

гированный! Это надо понимать! — И опять обратился къ своей личной жизни. — Теперь я . . какъ бродяга . . . ночую, то гимназія, то гдѣ-нибудь . . .

— Неужели у васъ нѣтъ столько денегъ, чтобы снять комнату?

— Я боюсь въ одномъ мѣстѣ спать. Я надувалъ кредиторы, и они какъ гончіи собаки ищутъ меня. Жена, дѣти у меня есть, живутъ далеко въ Эстляндіи, и Данеманъ ихъ рѣдко видитъ — онъ звѣрь затравленный. И за что это? За мой благородный намѣреніе! Штромбергъ мнѣ не платитъ жалованье — вычитаетъ за долги. А кушать же я хочу? И какъ же я могу не взять иногда въ долгъ? А если не даютъ, у меня есть маленькій выходъ. Слава Богу, есть такой родитель, что мнѣ деньги за правоученіе на руки даетъ . . . подѣ мою подпись, я на нихъ и живу. — Спohватившись, что сказалъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, онъ принялся выворачиваться. — Я, для примѣра, сказалъ. Но если бы это былъ на самомъ дѣлѣ, то я это не считаю плохимъ, я имѣю право . . . У Данемана украли гимназію . . . онъ можетъ немножко взять денегъ, какъ плата за право ученія въ его гимназіи.

За окномъ брезжилъ свѣтъ, и можно было видѣть выраженіе ярости на лицѣ директора.

— Но я еще буду поднимать голову! Я буду имъ показывать! — грозилъ онъ кулакомъ.

Было свѣтло, а Данеманъ все не умолкалъ. Но Григорьевъ не слушалъ его. Ему вспоминались всѣ встрѣчи и наблюденія на его педагогическомъ пути. Больше, чѣмъ когда-либо, онъ понималъ ноющее брюзжаніе и тоску всѣхъ своихъ близкихъ и далекихъ коллегъ, задыхающихся въ знойной пустынѣ, гдѣ разгуливаютъ, какъ ураганы, засыпая оазисы, носители идей, такихъ же, какъ и у Данемана, или просто грубые безпринципные карьеристы, гдѣ насаждается сверху прочное гнѣздо убожества и формализма. И, казалось, передъ нимъ обнажился больной нервъ школы, и онъ, какъ врачъ, внимательно разсматривалъ картину болѣзни: „какая ужасная язва!

За дверями стучался Петръ:

— Чай готовъ. Треба грошей на булку.

— Деньги въ кабинетѣ, у меня на жилетъ, — откликнулся директоръ.

— Уже шукавъ... дуля съ масломъ тамъ.

Директоръ обратился къ Григорьеву:

— Мнѣ стыдно... но, быть можетъ, займете мнѣ копѣекъ тридцать. — И добавилъ по привычкѣ, какъ всегда прибавлялъ ко всѣмъ своимъ просьбамъ: — до вечера... всего лишь до вечера... понимаете, деньги дома забылъ.

Раскрывая кошелекъ, Григорьевъ обронилъ рубль; директоръ потянулся за монетой, какъ тянутся ребята къ блестящему предмету.

— Я рубль возьму, вечеромъ отдамъ. — Увидѣвъ, что Григорьевъ не возражаетъ, онъ поймалъ катающійся рубль.

Григорьевъ посмотрѣлъ на часы. Было восемь. И его потянуло домой.

— Куда вы? — остановилъ его Данеманъ. — Закусите со мной.

— Нѣтъ, я пойду. — Дома Григорьевъ засталъ сестру съ Аріадной за чаемъ.

— Эраня, гдѣ это ты такъ задержался?

— Сестра, боялся васъ потревожить... поздно окончился балъ.

— Ну, вотъ, боялся... а мы больше натревожились, ожидая тебя. Садись, вотъ чай тебѣ. Съ лимономъ хочешь?

— Да.

— Эрасть, а мы съ Аріадной обсудили... пока что, она будетъ готовиться за гимназію. Ты можешь?

— Конечно, конечно. Березнякъ вчера сказалъ, что для Аріадны мѣсто библіотекарши нашель. Я думаю, что это работа спокойная, отлично можно готовиться къ экзаменамъ.

Выслушавъ рассказъ брата о вчерашнемъ, Катя поднялась:

— Ну, мнѣ пора въ больницу!

Долго бесѣдовали, оставшись наединѣ, Аріадна съ Григорьевымъ. Наконецъ, послѣдній предложилъ:

— Ну, что же, начнемъ занятія? Съ сегодняшняго дня?

— Что же откладывать въ долгій ящикъ!

— Ну, вотъ и хорошо. — Онъ взялъ ее за руку.

— Такъ, Аріадна, начинаемъ путь, который, можетъ быть, поможетъ вамъ забыть прошлую грязь. Это самое лучшее, что вы можете дѣлать — стать учительницей. Не только уйти самой отъ грязи, но и увести міръ отъ нея. Дѣтскія сердца, Аріадна, чистыя. Они — залогъ новой жизни.

— А мы вмѣстѣ пойдемъ... съ вами вмѣстѣ по этой дорогѣ? — неожиданно спросила Аріадна.

— Да, конечно... — отвѣтилъ Григорьевъ, и самъ не зная отчего почувствовалъ ненужность только что произнесенныхъ словъ. „Отчего у нея такое спокойствіе и ясность въ глазахъ?“ подумалъ онъ. „Просвѣтленность души, нашедшей самое себя или...“ Но онъ не далъ сомнѣнію, вдругъ коснувшемуся его, войти въ сознаніе и поспѣшилъ заговорить съ Аріадной. — Съ чего же мы начнемъ наши занятія? Вы какъ справлялись съ математикой?

— Ой, плохо!

— Что-жъ, примемся за алгебру?

— А мнѣ все равно.

Пока Аріадна убирала чайную посуду, Григорьевъ разыскалъ тетрадку и задачникъ.

Черезъ часъ занятій Аріадна возстановила въ памяти первыя свѣдѣнія по алгебрѣ, и Григорьевъ далъ ей самостоятельную работу. Ожидая выполненія послѣдней, онъ почувствовалъ, какъ произвольно смыкаются глаза... казалось утомленіе безсонной ночи, тѣмъ болѣе сильное, что тѣло его все еще носило въ себѣ слѣды недавней болѣзни.

Нечаянно обернувшись, Аріадна увидѣла своего учителя спящимъ. Она окликнула, но онъ не проснулся; только въ легкой улыбкѣ приподнялись углы его рта. Не сумѣвъ сдержать своего порыва, она осторожно погладила его волосы:

— Какъ шелкъ... Милый... милый...

ГЛАВА XVIII.

— Насъ обкрадываютъ, господа пайщики! Вотъ часть изъ тѣхъ квитанцій, которыя выдавалъ нашъ директоръ, получивъ деньги за правоученье и припрятавъ ихъ въ свой карманъ. Какимъ то образомъ ему удалось стащить нѣсколько квитанціонныхъ книжекъ, и онъ систематически сталъ обвѣзжать родителей плохихъ учениковъ и, обвѣщая имъ свое содѣйствіе, просилъ не отказать во взносѣ платы за ученье. Откуда же знать родителямъ, что подпись директора на квитанціяхъ ничего не стоитъ. Тѣмъ болѣе, что нашъ директоръ не брезгалъ никакой суммой; онъ соглашался выдавать квитанцію въ сто рублей, получая четвертной билетъ. Ясно теперь, отчего такъ плохо поступала плата въ истекшемъ полугодіи... Вотъ эти квитанціи, — и Штромбергъ бросилъ на столъ пачку бумажекъ. — Мы пайщики гимназіи должны признать ихъ дѣйствительными, хотя мы и не получили по нимъ ни копѣйки, — иначе скандалъ!

Другъ другу передавая, разсматривали пайщики квитанціи. Большинство, возмущенное и потрясенное, требовало суда надъ Данеманомъ.

— Я знаю, что вы всѣ стоите на точкѣ зрѣнія интересовъ школы. Мнѣ же кажется, что эти интересы не согласуются съ услышаннымъ мною здѣсь мнѣніемъ о привлеченіи Данемана къ суду. Послѣднее будетъ такъ на руку начальству, — развѣ вы не знаете существующую тенденцію къ уменьшенію частной инициативы въ дѣлѣ просвѣщенія? прямой предлогъ прикрыть дверь еще у одной сравнительно свободной школы. У кого хватить рѣшимости сдѣлать это — голосуйте за привлеченіе къ суду.

Баллотировкой выяснилось единогласное рѣшеніе покончить все домашнимъ образомъ. Волненіе нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ при мысли, что въ виду такого рѣшенія вопроса приходится имъ служить подъ началомъ завѣдомаго вора, удалось успокоить Штромбергу.

— Господа! послѣ сегодняшняго засѣданія, если вы предоставите мнѣ выполнить намѣченный мною

планъ дѣйствій, директоръ будетъ въ рукахъ пайщиковъ, и они свободно, имѣя совершенно фиктивное начальство, будутъ управлять гимназіей на благо и процвѣтаніе ея. Директоръ—пустая оболочка, форма для сношеній съ округомъ, а мы—самоуправляющійся организмъ. Итакъ, если вы довѣряете мнѣ, то...

— Довѣряемъ, довѣряемъ! — раздались крики присутствовавшихъ.

Штромбергъ нажалъ кнопку электрическаго звонка. Въ дверяхъ появился Петръ.

— Ну, что?

— Пришелъ. Я посадилъ ихъ въ столовой, сказавъ, что вы одѣваетесь...

— Зови сюда!

Данеманъ еще въ дверяхъ, увидѣвъ пайщиковъ, повернулся и хотѣлъ уйти обратно, но ему преградили отступленіе. Тогда онъ проговорилъ:

— Я пришелъ къ Іоганъ Іогановичъ въ квартиру, а не на засѣданій. Если вы меня звали, Іоганъ Іогановичъ, по дѣлу гимназіи, то вы должно быть забыли, что я директоръ. Не я долженъ приходить, а вы въ мой служебный кабинетъ.

— Господинъ Данеманъ, потрудитесь сообщить, какимъ образомъ, — медленно и громко заговорилъ Штромбергъ, не обращая вниманія на директора, который при первыхъ словахъ послѣдняго подскочилъ къ нему и принялся быстро-быстро бормотать что-то по нѣмецки, — послушайте, господинъ Данеманъ, говорю не отъ себя, а отъ лица собравшихся. Если вамъ угодно что сказать, говорите вслухъ и по-русски.

Данеманъ вскипѣлъ:

— Когда со мной такъ говорятъ, я не желающій отвѣчать.

— Что-же, можно поговорить и другимъ манеромъ, — иронически бросилъ Штромбергъ и почти у самого носа Данемана замахалъ квитанціями. — Видите эти бумажки... а? Чья подпись на нихъ? А вы деньги по нимъ сдали въ кассу гимназіи? Я сейчасъ вамъ покажу еще письмо одного изъ родителей, гдѣ сообщается, что въ любую минуту могутъ подтвер-

дить, какъ господинъ Данеманъ иногда вымогаетъ деньги...

Данеманъ ухватилъ квитанціи за край, но вырвать ихъ ему не удалось.

— Зачѣмъ вамъ онѣ... вы видѣли ихъ? Я думаю, что гораздо интереснѣе показать эти квитанціи прокурорскому надзору.

— Я не понимаю васъ... я бралъ деньги, но я директоръ. А пайщикамъ уплачу. Это временный заемъ... Зачѣмъ прокуроръ? Что ему тутъ дѣлать?

— Это ужъ прокурору будетъ виднѣе.

— Но вы... вы... не можете это дѣлать. Я, какъ вашъ товарищъ, прошу... извиненіе... это глупый ошибка... я немного ошибался... у меня жена, дѣти... прошу...

Жалкій съ согбенной спиной, какъ будто бы подъ ударами плетью, стоялъ директоръ.

— Я могу помочь вамъ. Напишите намъ записочку.

— Не буду писать! Ничего!

— Мы васъ не заставляемъ. Не хотите, пожалуйста. Я только хотѣлъ васъ избавить отъ пріятной перспективы возсѣдать на скамьѣ подсудимыхъ.

— Что писать?

— Садитесь здѣсь.

Директоръ грузно опустился на указанный ему Штромбергомъ стулъ.

— Вотъ бумага... Взяли перо? Такъ. Слушайте. Поставьте, вотъ тутъ, надъ штемпелемъ гимназіи, годъ, число. Такъ. Я диктую. Съ новой строчки. „Я, нижеподписавшійся, симъ свидѣтельствую, что мною былъ совершенъ рядъ подлоговъ“, — увидя, что директоръ остановился, Штромбергъ повторилъ болѣе настойчивымъ тономъ: — „рядъ подлоговъ, а, именно“...

— Я не пишу, я не дѣлаю! — И вскочилъ со стула директоръ. — Это насиліе! Это...

— Не пишите, — хладнокровно сквозъ зубы процѣдилъ Штромбергъ, пожимая плечами.

— А если я буду писать, вы обѣщаете не трогать...

— Отчего же, можно и пообѣщать.

Опять закрипѣло перо въ невѣрной рукѣ.

Вмѣстѣ съ кляксой упала на бумагу слеза, когда ровный голосъ Штромберга зычно отчеканилъ:

— Подпись: „Исполняющій обязанности директора Юлій Христіановичъ Данеманъ“.

Штромбергъ взялъ изъ рукъ директора бумагу, приложилъ къ ней промокашку, и послѣ того, какъ внимательно перечелъ, холодно сказалъ, обращаясь къ продолжавшему тупо сидѣть у стола Данеману.

— Теперь вы не нужны и можете уходить...

— Но я, кажется, имѣю право присутствовать на засѣданіи...

— Право? Ха, ха, ха!..

— Смѣтается, — изумленно озираясь, произнесъ упавшимъ голосомъ Данеманъ и какъ-то бочкомъ прошелъ къ дверямъ, волоча ноги. Задержавшись тамъ, жалобно попросилъ: — Ich bitte... помогите... нервъ капризничаетъ подъ колѣнкомъ. — И, видимо пересиливъ боль, медленно выбрался за дверь.

Все происходящее, какъ въ туманѣ, пронеслось передъ Григорьевымъ, случайнымъ посѣтителемъ сегодняшняго засѣданія: заболѣвшій Березнякъ, принимая во вниманіе важность вопросовъ повѣстки засѣданія совѣта пайщиковъ гимназіи, просилъ замѣстить его на собраніи. Видъ трясущагося Данемана, его слезы и явно жестокое обращеніе съ нимъ дѣлали крайне тяжелымъ для него присутствіе въ кабинетѣ Штромберга. И сколько онъ ни успокаивалъ себя мыслью, что какъ-никакъ самъ директоръ въ большой степени былъ виновникомъ сегодняшней сцены, все же его существо невообразимо мучилось. Онъ и понималъ, что примѣняемое насиліе было неизбѣжнымъ, и не могъ съ этимъ мириться. И то, что онъ не могъ придумать какъ бы слѣдовало въ данномъ случаѣ поступить, согласно постоянному строю его душевныхъ устремленій, дѣлало еще болѣе противнымъ не только все окружающее его, но даже и самого себя.

Штромбергъ, принимая пожатія пайщиковъ, благодарившихъ за сдѣланныя разоблаченія, смиренно произносилъ:

— Ну что вы... такой пустякъ — и добавлялъ предупрежденіе: „соръ изъ избы не выносить“ — прошу помнить!

Когда очередь пожать руку Штромбергу дошла до Григорьева, онъ быстро выбѣжалъ прочь изъ кабинета. Только на лѣстницѣ онъ вспомнилъ, что, почти отклонивъ вчера предложеніе Березняка пойти на засѣданіе пайщиковъ, онъ пошелъ сегодня, побуждаемый къ этому просьбой Щастнаго отнести Натальѣ Михайловнѣ письмо, присланное послѣднимъ на его имя. Поднявшись вновь къ квартирѣ Штромберга, онъ позвонилъ. Отворилъ Петръ, а не горничная. И это сразу поставило Григорьева втупикъ, онъ недоумѣвалъ, что ему сдѣлать: Не идти же вновь на засѣданіе? А въ сосѣднихъ комнатахъ стояла тишина: повидимому, Натальи Михайловны не было дома. А какъ узнать объ этомъ у Петра?

— Хиба що потеряли? — спросилъ Петръ у остановившагося въ раздумьи въ передней Григорьева.

И этотъ, казалось, простой вопросъ заставилъ смутиться Григорьева — такъ не умѣлъ онъ обманывать, — и онъ показалъ Петру письмо, забывая о порученіи передать его непосредственно въ руки Натальи Михайловны. Все-жъ, хотя волна стыдливости залила все внутри него, онъ нашелъ въ себѣ силы пробормотать:

— Передайте... сейчасъ же... Натальѣ Михайловнѣ прямо въ руки, — и выбѣжалъ изъ квартиры весь красный, словно совершилъ что-то очень нехорошее, съ неопредѣленнымъ томящимъ чувствомъ недовольства собой.

Тусклый свѣтъ фонарей, сѣрый снѣгъ въ ихъ свѣтѣ, накупившееся небо, тоже сѣрое, занесли въ его душу еще большій гнетъ. вмѣсто того, чтобы идти домой, какъ то онъ рѣшилъ, спускаясь по лѣстницѣ отъ Штромберга, онъ машинально направился къ библіотекѣ, въ которой три дня тому назадъ Аріадна получила вмѣстѣ съ занятіями и пріютъ.

ГЛАВА XIX.

Штромбергъ закрывъ дверь своего кабинета за послѣднимъ изъ пайщиковъ, присутствовавшимъ на сегодняшнемъ совѣтѣ, припомнилъ, что, не ожидая

такого быстрого окончанія засѣданія, онъ не имѣлъ въ запасѣ занятій; въ смутной тревогѣ онъ взялся за книгу, но ее пришлось отложить — острая рѣзь въ глазахъ мѣшала читать. „Быть можетъ, рѣжетъ отъ табачнаго дыма“, подумалъ онъ и, открывъ форточку, чтобы освѣжить помѣщеніе, вышелъ въ сосѣднюю комнату, все еще надѣясь придумать, чѣмъ заполнить образовавшійся прорывъ въ дѣловомъ теченіи его жизни. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился. И вчера, и нѣсколько дней тому назадъ здѣсь было тихо, когда онъ проходилъ въ столовую пить чай, и онъ такъ же явственно слышалъ, обычно заглушаемое шумомъ, легкое поскрипываніе своихъ сапогъ. Но это не казалось ему такимъ страннымъ, какъ сегодня: вѣдь, такъ легко объяснялась тишь въ квартирѣ... Пансіонеры уѣхали по домамъ, покушеніе на самоубійство Карапета, обыкновенно жившаго безвыѣздно учебный годъ, окончилось горячкой, — теперь онъ лежалъ въ больницѣ; матери Штримберга, избѣгающей укусовъ и любопытства всеобнажающей молвы, пришлось уѣхать изъ города. Кому же шумѣть? Это все ясно понималъ его мозгъ, но тѣмъ не менѣе онъ не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго ощущенія зловѣщности, будто бы со всѣхъ сторонъ подстерегавшей его, и царящая вокругъ тишина воспринималась имъ, какъ невидимая холодная масса, медленно надвигающаяся на него. „Наталья бы вышла...“ возникло у него желаніе, но и сейчасъ же оборвалось „что съ женой?... ребенокъ болѣлъ и раньше, но такъ безвыходно она никогда не сидѣла.“ Въ ночь послѣ проводовъ Вагневича онъ былъ настолько пьянъ, что все происшедшее тогда не оставило слѣда въ его сознаніи. И оттого онъ теперь окончательно растерялся передъ такъ неожиданно установленнымъ фактомъ отчужденія жены. Его мыслительный аппаратъ напрасно напрягался, отыскивая поводы и причины: онъ посмотрѣлъ всю отъ начала до конца хитросплетенную цѣпь своей лжи и не открылъ въ ней ни одной зазубринки.

„Но, можетъ быть, я ошибаюсь?“ спросилъ онъ самъ себя, вспомнивъ, что, увлеченный ходомъ борьбы за положеніе въ жизни, онъ забросилъ самъ свою

жену. „Раньше тоже со мной бывало“, — пришло ему въ голову: „но жена сама находила минуты для разговора со мной, а теперь вѣдь мѣсяцъ почти я ее совсѣмъ не видѣлъ“, и успокоился на мысли: „должно быть, обидѣлась; въ самомъ дѣлѣ, малютка боленъ, а я не подумалъ даже зайти навѣстить его.“ И пошелъ къ дѣтской, но по дорогѣ подумалъ: „ловко ли такъ, не шель, не шель, а теперь... часъ не ранній, — какъ объяснишь свой приходъ?“ Пришла на выручку догадка: „Петръ для жены подалъ письмо, вотъ снесу ей,“ и довольный возвратился за письмомъ въ кабинетъ.

При взглядѣ на конвертъ, у него въ головѣ что то зашевелилось, слабое, едва слышное: „не здѣсь ли ключъ загадки?“ И онъ отдался голосу внушенія съ радостью, что, наконецъ, сможетъ стряхнуть удручающее его состояніе неопредѣленности.

На сѣромъ кускѣ бумаги, вытащенномъ изъ конверта, онъ прочелъ:

„Сегодня утромъ, чтобы освѣжиться, вышелъ на улицу. Незамѣтно для себя очутился за деревушкой. И знаешь, усталость отъ бессонной ночи, отданной обдумыванью того, какъ лучше выполнить взятое на себя порученіе, боль и чуткость во всѣхъ нервахъ, обычный спутникъ участія въ предпріятіи, въ которомъ рискуешь не только своей жизнью, — оставили меня. Кругомъ меня были только сосны, усыпанные снѣгомъ. Расправивъ свои наклонныя внизъ вѣтви, онѣ восторженно тянулись къ небу, подернутому бѣлизной исчезающаго тумана. Кругомъ было бѣлое да голубое. И тихо. Я не могу передать ощущеній, пережитыхъ мной. Но скажу: они такъ неотразимо вошли въ мое существо, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи попытаться сказать о нихъ тебѣ, моей радости. Сказать, что эта красота, разбросанная передо мной здѣсь... и та твоя, что живетъ въ моемъ воображеніи, сливаясь воедино, заполнили меня цѣликомъ... и я молился. Не такъ, какъ молятся люди... это не было стенанье, благодарность или мольба о подачкѣ. Вотъ моя молитва: „Мнѣ ничего не нужно. Прекрасное и чистое небо, глядящее на землю, одѣтую въ подвѣчный нарядъ — я пью тебя, счастливый! Пре-

красна твоя душа, далекий сейчас мне друг, неизвестная, но чувствуемая — я пью тебя! Пью, чтобы воспоминание о вас жило у меня всегда. Мало ли что будет? Придут дни несчастья, бурь — спрячут небо от земли. Но я влил в себя его красоту и властен оживить ее в воспоминаниях. Мало ли что будет? Придут дни горести, — твои глаза равнодушно будут глядеть на меня, или меж тобой и мной вырастет преградой тюремная стена. Но твоя красота живет во мне. Я молился без слов, и этот перевод на наш язык, на котором торгуются, на котором отдаются приказы вести на виселицу, конечно, лишь приблизителен и жалок. Выразить же всю красоту того, что я пережил, невозможно. Но ваше чутье сумеет по искажающему подлинник переводу воссоздать черты первого. Но... прерываю письмо. Через окно в комнату, где я пишу вам это, солнышко бросило луч, оно зовет меня. Надо идти — дело ждет. Весьма возможно, что меня убьют. Если это будет так, то этот срыв клочек пусть тебе расскажет, что я иду с надеждой в груди, что в последнюю минуту будет волею дуновение твоей души. Я позову чудо... и, неправда ли, ты будешь со мной, небо мое нѣжное, лазерное!"

Подписи не было, но по размахистому прямому почерку Штрюмберг, едва начав читать, уже знал, что письмо было от Щастного.

В первую минуту по прочтении он оцепенел от бешенства. Чуть было не бросился в дѣтскую с кулаками и злыми словами, в неудержимом потоке рождавшихся в мозгу. Но через миг желѣзная воля, выращенная годами упорных усилий, властвовала над ним, и он был в состоянии остановиться и обстоятельно все взвесить. Принялся с диким наслаждением копаться в своих отношениях к женѣ.

Любил ли Штрюмберг последнюю, он и сам этого не мог решить. Смѣло только мог сказать, что до последнего времени он не видѣл в ней ничего особенного женского, что бы неудержимо его влекло к себѣ, он всегда владел собой в ее

присутствіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ другой жены, лучшей, чѣмъ она, не желалъ, и онъ всегда помнилъ о той особенной умиленности, которую испытывалъ въ обществѣ жены послѣ какого-нибудь бурнаго утомительнаго приключенія. Словомъ, для него было очевидно, что жена для него была однимъ изъ необходимыхъ винтиковъ создаваемого имъ механизма своего счастья.

Безъ большихъ усилій онъ представилъ себѣ открытое лицо Щастнаго. „Уступить? Вѣдь по праву любви она принадлежитъ Щастному“, — мелькнуло у него, но съ безпощадной жестокостью задушилъ въ себѣ эту мысль. „Есть одно въ нашъ вѣкъ право, — право сильного. Хлѣбъ всѣмъ нуженъ, но стяжаютъ же сильные сверхъ того, что приходится на ихъ долю. А если я принялъ вѣру стяжателей, то нужно быть послѣдовательнымъ... Наталья Михайловна нужна мнѣ... и все тутъ, — задрожалъ отъ внутренняго призыва къ борьбѣ: „Посмотримъ — кто кого!“ и быстро началъ задръгивать конвертъ. „Читай, милая. Я достаточно культуренъ, чтобы лишать тебя этого невиннаго удовольствія. Теперь женщины берутъ не насиліемъ, а хитростью... это вѣрнѣй!“

Нажалъ кнопку.

— Закройте за мной дверь.. — отрывисто сказалъ онъ вошедшей горничной и, подавая ей письмо, приказалъ: — Вотъ... отнесите Натальѣ Михайловнѣ.

На улицѣ его охватила какая-то душевная лѣнь, и онъ сразу отказался отъ появившейся у него было мысли зайти къ кому-либо изъ своихъ знакомыхъ. „Какого чорта на людяхъ дѣлать... не въ настроеніи ломаться. Къ Шпану зашелъ бы—да, навѣрно, дома нѣтъ. Лучше спать завалиться,“ — рѣшилъ онъ и, повернувшись, быстро зашагалъ обратно домой.

Подойдя къ дверямъ своей квартиры, онъ услышалъ звуки рояля.

„Мечтаетъ... о немъ мечтаетъ, — пробѣжало у него, и страшный приливъ злобы охватилъ его, „пойти бы и расхохотаться ей въ лицо: письмецо получили... забывается въ сладкихъ звукахъ, ха, ха, ха!“ И онъ, можетъ быть, такъ и сдѣлалъ бы, если бы его не

плѣнила доносившаяся мелодія, пока онъ возился, отпирая дверь; музыку онъ любилъ съ дѣтства и хорошо зналъ, несмотря на то, что не занимался ею специально; музыка и работа наединѣ были двѣ сферы, наиболѣе любимыя имъ, — вѣдь въ нихъ онъ могъ позволить себѣ оставаться самимъ собой.

Приоткрывъ дверь, онъ остановился и слушалъ. Клавиши пѣли что-то знакомое, но что, онъ не могъ опредѣлить.

Въ треляхъ чуялся нѣжный трепетный лепетъ увидѣвшихъ свѣтозарье дня только что полуразвернувшихся лепестковъ. Къ нему присоединилось мягкое журчанье ручейка, съ высокихъ горъ несущаго талыя снѣжинки къ изумруднымъ долинамъ. Немного погодя, совсѣмъ слабо звучало эхо игриваго посвиста вѣтерка въ молодой листьѣ лѣсовъ.

Красивыя созвучья вспыхиваютъ, дрожатъ, расплываются...

Что за вещь играла жена, такъ и не могъ онъ узнать, но зато сдѣлалъ неожиданное для себя открытіе, что все, чѣмъ онъ жилъ въ послѣднее время, о чемъ думалъ и къ чему стремился, сейчасъ ему казалось такимъ, въ сущности, ненужнымъ и чужимъ.

Онъ тихо прошелъ, не раздѣваясь, въ кабинетъ... Облокотившись на столъ, сталъ глядѣть черезъ окно въ блѣдную синь неба... и ожила передъ глазами давно забытая, и, казалось, навсегда похороненная послѣ случайной встрѣчи въ дни юности улыбка... Милая улыбка той, что заронила въ него первый, еще дѣвственный зовъ къ любви. Проснулось неспокойное чувство и начало жалить мукой невозвратимости того, что миновало.

Что могъ онъ имѣть теперь? Лишь отраженіе этого минувшаго. А отраженіе даетъ лишь иллюзіи... Все какъ было, такъ и вспоминается... и не въ нашемъ распоряженіи измѣнить ходъ прошлыхъ минутъ... и тѣ ошибки, что были совершены, не исправятся... и по новому ничто не потечетъ, да и нѣтъ его, есть лишь призракъ, напрасно терзающее видѣнье! А тогда — не лучше ли отдѣлаться отъ послѣдняго? И онъ закрылъ глаза, чтобы отогнать думу о быломъ...

но милый складъ лица впервые любимой сталъ еще виднѣе и яснѣе...

Въ гостиной же угасаютъ красивыя созвучья... за ними тянутся едва слышныя плачущіе звуки. Это рыдаютъ бѣдныя цвѣты, примятыя ногами прохожихъ и тщетно приподнимающіе свои вѣнчики. Слабѣющіе, надломленные и измученные никнуть они къ землѣ. Какъ имъ не рыдать среди гимна весны, свѣтлой и чарующей:

„Та-ра-а-ри-ро-роомъ... Та-ата-ри-ты...“

Изнываемъ безвременно увядшіе цвѣты“.

Что-то сильное, имъ не сознаваемое, толкало его идти въ гостиную и говорить странныя и чудныя слова: „Ната, я пришелъ къ тебѣ, потому что хочется поговорить съ тобой, какъ человѣку съ одинокой душой... Я пришелъ не какъ мужчина и мужъ. Я хочу, чтобы ты могла почувствовать все, какъ я знаю тебя... Я пришелъ, чтобы побыть съ тобой до твоего красиваго и большаго завтра съ Андреемъ, подвести итогъ нашей жизни, вскрыть правду нашихъ отношеній... встрѣтиться разъ людьми, а не персонажами изъ той пьесы, которую мы разыгрывали... чтобы разойтись по хорошему...“

Но едва онъ показался въ гостиной, какъ стукнула крышка рояля.

— Ната, — протянулъ онъ впередъ руку.

Молчаніе, быстрый шумъ быстро удаляющихся шаговъ. И гдѣ то далеко закрылась со стукомъ дверь.

Онъ услышалъ, какъ щелкнула задвижка. И это отрезвило его. „Странно... что со мной“, — подумалъ онъ, потирая свой лобъ. — „Нервы? Переутомился, что-ли?“ — И быстро прошелъ въ кабинетъ, зажегъ свѣтъ, сбросилъ съ себя шубу. — „Чуть не попался, какъ муха на липучку. Своими руками толкнуть жену къ Щастному! И потомъ—подумать! Это же невозможно—игра въ разгарѣ, ставка не шуточная: директорство и своя школа. И все это проморгать изъ-за минуты безумія какого-то! Да, но какъ же съ женой быть? Она что-то задумываетъ, очевидно... Впрочемъ, не я, разсуждающій и спокойный, въ ея власти, а она у меня. А вотъ игра не ждетъ. Шахъ королю сдѣланъ... не улизулъ бы!“

ГЛАВА XX.

Въ комнату, гдѣ лежала больная Наталья Михайловна, несмотря на двойныя рамы, по ночамъ проникалъ тихій звенящій плачь стекла, ударяемаго дождемъ, и сторожилъ ея безсонныя ночи. Оттого, когда наступалъ сѣрый день, у нея было еще менѣе силъ, чѣмъ наканунѣ съ вечера, и еще чернѣе въ впадинахъ подъ глазами. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе изнашивалась жившая въ ней надежда оставить опротивѣвшую ей постель и безъ посторонней помощи выйти на улицу.

Послѣднее время она почти ужъ и не пыталась даже сидѣть въ кровати. Заслышавъ только разъ какъ-то подъ вечеръ въ доносившемся къ ней изъ столовой разговорѣ упоминаніе о томъ, съ мыслью о комъ незримо было спаяно каждое движеніе ея внутренней жизни, она собрала всѣ свои силы и, спустившись съ кровати, подползла къ дверямъ. Несмотря на свою безконечную усталъ, жадно ловила сотни словъ, произносимыхъ въ столовой, неинтересныхъ и чужихъ, боясь пропустить хоть намекъ на то, что касалось того, воспоминаніе о комъ было единственнымъ мотивомъ, заставлявшимъ ее бережно хвататься за тончайшую нить, прикрѣплявшую ее къ жизни.

— Такъ Щастный согласился прочесть рефератъ?

— Да, Иванъ Ивановичъ. Осталось назначить день, а это зависитъ отъ васъ.

— Отъ меня? Какимъ образомъ?

— Засѣданія нашего кружка, съ любезнаго разрѣшенія Натальи Михайловны, всегда, какъ вы знаете, устраивались въ вашей квартирѣ, а теперь, въ виду болѣзни Натальи Михайловны, мы лишены возможности обратиться лично къ ней, и намъ приходится просить васъ...

— Да, господа, но вѣдь рефератъ привлекаетъ, какъ вы говорите, много слушателей, и наша квартира будетъ тѣсна. Не лучше ли сдѣлать это въ помѣщеніи училища?

— Это вѣрно. Но... Юлій Христіановичъ отказалъ намъ въ этомъ на томъ основаніи, что въ обще-

ство „Саморазвитія“ входятъ не только ученики нашей гимназіи. . .

— Соколовъ, а почему не просить начальницу женской гимназіи Волоховой. . . вѣдь много ученицъ ходитъ въ кружокъ?

— Ай да, Карапетъ! Какъ это твоя башка могла выдумать такую умную вещь?

— Моя башка всегда думаетъ хорошо.

Среди общаго хохота, доносившагося изъ столовой, ухо Натальи Михайловны уловило брюжжаніе и визгъ матери мужа. Это напомнило ей жирную и потную руку послѣдней, которая касалась сегодня ея лица; и сразу напряженное вниманіе къ тому, что говорилось въ столовой, упало, и она вернулась въ кругъ своихъ думъ.

Представился большой залъ и тамъ, впереди, на возвышеніи Андрей. Всѣ бѣгутъ къ нему пожать руку. Еще въ ушахъ не остылъ будящій призывъ металла его голоса.

— Андрей! — рванулась она съ мѣста. Черезъ мигъ, очутившись на кровати, въ полусознаньи звала Андрея, и ей казалось, что чѣмъ быстрее она бѣжала къ возвышенію, съ котораго говорилъ Андрей, тѣмъ быстрее послѣднее мчалось отъ нея. . . и казалось, что даль поглощала образъ Андрея. . . Потомъ вынырнула жуткая картина смерти ребенка. . . Личико, застывшее въ гримасѣ полуулыбки и полуплача. Запахъ ладана. . . И внезапно мысль вернулась къ Щастному. „Андрей! Андрей! Почему же ты не отвѣчаешь на мои письма? Почему? Одно слово, хоть одно слово“. И спустилось къ ней состояніе оставленности.

Такъ лежала она долго.

За стѣной запѣла балалайка Карапетъ: что-то грустное. Одинъ аккордъ сочетался съ другимъ, какъ монотонный шумъ дождя надъ пустыми заброшенными полями въ ненастье ночей сочетается съ скорбнымъ скрипомъ оголенныхъ вѣтвей лозняка по обрывамъ, съ унылымъ крикомъ запоздало пролетающихъ птицъ.

И почудилось Натальѣ Михайловнѣ, что изнутри

ея, на зовъ этихъ больныхъ и ноющихъ звуковъ, потянулась вся тоска ея одиночества.

Вскорѣ умолкла балалайка Карапета, и воцарилась тишина. Заглушаемые мягкимъ ковромъ чьи-то шаги въ верхнемъ этажѣ рождали въ ея усталомъ мозгу иллюзію, что это ходитъ само ея больное сердце въ ожиданьи безсонныхъ часовъ подступающей къ ней ночи.

ГЛАВА ХХІ.

— Вы присмотритесь попристальнѣе, — говорилъ Щастный, шагая по комнатѣ: — среди обветшалыхъ громадъ, созданныхъ нашей цивилизаціей, не бросалась ли вамъ порой въ глаза необычная свѣжесть камней вновь заложенныхъ фундаментовъ; не останавливалъ ли ваше вниманіе въ пестрой сутолокѣ обыденной жизни непривычный поступокъ, странное слово, рѣзко диссонирующіе съ окружающимъ. Камень за камнемъ незамѣтно растетъ среди ветхихъ строеній новое, и, когда оно, это новое, почувствуетъ себя готовымъ самостоятельно расти, то безъ сожалѣнья сброситъ скорлупу, стѣсняющую свободу жизни. Вотъ основная мысль моей статьи. Стройте до разрушенія! — вотъ выводъ. Пускай темно сейчасъ и холодно. Зажгите фонари, и за работу—согрѣйтесь пока что! И нѣтъ, по моему, мѣста кислячему настроенію. Какъ же предаваться этому, когда дорога каждая минута! Строить и учиться строить—мало ли нужно для этого времени. Всѣ пришедшіе къ намъ—желанные друзья. Одинъ—архитекторъ, другой техникъ, третій—слесарь, четвертый учитель: всѣ нужны, для всѣхъ найдется дѣло. Кто ничего не умѣетъ, и тому будетъ дѣло, приходи! Покапаешь землю, поносишь кирпичи! „Сѣрое время“—вопятъ ваши газеты и толстые журналы. А я спрашиваю: „для кого оно сѣрое?“ И отвѣчаю: „антракты—роздыхъ для публики, а за кулисами кипитъ работа. Такъ и въ соціальной жизни!“

Катя, взобравшись съ ногами на диванчикъ, свер-

нулась на немъ калачикомъ. Ей было хорошо, по особенному.

„Снова Андрей ближе ко мнѣ. Да, да... такой, какъ прежде.. весь ушедшій въ дѣло, такой онъ больше мой, чѣмъ чей бы то ни было. — И зароилась робкая мысль:—если бы сталъ его сѣрыхъ глазъ почувствовать глубоко въ своихъ глазахъ! Приникнуть бы... — Это желаніе, одно появленіе котораго захлестнуло ее въ водоворотъ радостнаго волненія, отогнало ощущение словно совершеннаго кощунства. Но, тѣмъ не менѣе надъ ухомъ ея склонился незримый искушитель: — увѣрена ли ты, что онъ всегда будетъ такимъ, какъ теперь? — И слабо прислушиваясь къ словамъ Щастнаго, она унеслась думой къ истокамъ своей любви, мучительной и свѣтлой, и бродила тамъ окутанная такимъ туманомъ, что врядъ ли передъ самой собою могла въ этой любви признаться.

Григорьевъ сидѣлъ у письменнаго стола, склонившись надъ тетрадкой, заноса въ послѣднюю что-то, и нѣтъ-нѣтъ, не поворачивая головы, задавалъ вопросы Щастному:

— Вотъ я слышу отъ тебя — строить, строить. Все разрушается и все заново строится. Но тобой ни слова не сказано о томъ, что же будетъ воздвигнуто взамѣнъ разрушаемаго.

Вопросъ Григорьева остался безъ отвѣта.

Въ комнату вбѣжала стройная дѣвушка въ шубкѣ, изъ-подъ которой кокетливо выглядывали черныя прошивки гимназическаго передника. Прищуривъ глаза, дѣвушка съ любопытствомъ осмотрѣла комнату, и, подойдя къ Катѣ, представилась:

— Березнякъ, гимназистка педагогическаго класса гимназіи Волоховой, по дѣлу къ Андрею Павловичу, — и, обратившись къ Щастному, затораторила: — вашъ рефератъ мы просимъ читать въ субботу. Вы свободны? Да? Это хорошо. Начальница разрѣшила намъ воспользоваться помѣщеніемъ гимназіи...

— Раздѣвайтесь, — предложила Катя пришедшей, — мы скоро чай пить будемъ.

— Ой, нѣтъ... мнѣ нельзя. Къ завтраму нужно

сочиненіе окончить. Да и дядюшка одинъ... онъ то все болѣетъ у меня теперь... Я сейчасъ же иду. — И, подскочивъ къ Григорьеву, прошептала: — Вы если хотите меня проводить, то я вамъ разрѣшаю.

Григорьевъ началъ что-то говорить о томъ, что ему нужно еще работать, но гимназистка не стала его слушать, а, взявши за кончикъ уха, потянула въ переднюю.

— Пройдетесь, голова лучше будетъ работать. До свиданья, хозяева хорошіе!.. Я дяденьку Эрашу беру съ собой, скажите ему, что я его не съѣмъ... а то онъ того гляди расплачется. Ну, идите впередъ, Эрастъ Романычъ... да живѣе, увалень этакій.

Послѣ ухода Григорьева Щастный ушелъ къ себѣ и принялся за корректуру своей статьи, а Катя перелазала къ себѣ въ спаленку. Читалъ Щастный кое-какъ, пропуская ошибки, по временамъ откладывалъ корректурный листъ, задумывался и вздрагивалъ. Покончивъ съ работой, онъ долго сидѣлъ, зажавъ ладонями голову. Его осаждали думы, но не о книгахъ, не о томъ дѣлѣ, которому онъ отдавалъ свою жизнь.

Если бы Катя могла видѣть черезъ стѣну, она бы не нашла его такимъ, какимъ привыкла видѣть; и не стыдила бы свое сердце за неровное біеніе, если бы могла знать, что ея учитель и старшій товарищъ, вытаскивъ листикъ почтовой бумаги, набрасывалъ:

„Н а т а ш а !

Сегодня исполнилось три мѣсяца какъ не то, что не видѣлъ васъ, но даже и не знаю ничего о васъ. Вы больны... но какъ? Я писалъ—ни звука. Я стучался въ дверь вашего жилья—не велѣно принимать. Что дѣлать! Я больше не стану тревожить васъ... хочу только видѣть написанное вашей рукой слово разлуки. Пусть оно будетъ хоть такое краткое, какъ „нѣтъ“. Для васъ это—пустякъ, а для меня... простите за сравненіе... но, право, не придумаешь лучше, или, можетъ быть, я не такой тонкій... мнѣ кажется, что поглядѣть на вашъ почеркъ—уже счастье“.

ГЛАВА XXII.

Не вставая съ постели, принялся Штромбергъ за просмотръ газетъ. Вскорѣ все кругомъ закрылось измятыми и сѣрѣвшими при скудномъ утреннемъ освѣщеніи листами, среди которыхъ онъ и принялся торопливо одѣваться, по временамъ радостно потирая руки.

И было отчего! Несомнѣнно, онъ вырвалъ у судьбы крупный успѣхъ. Всѣ передовицы газетъ, казалось, сговорились кричать объ этомъ.

Каждая газета, правда, говорила на свой ладъ, но ни одна изъ нихъ не пропустила молчаніемъ арестъ группы учащихся изъ различныхъ учебныхъ заведеній города, собравшейся въ гимназій Волоховой. „Волна“ возмущалась тѣмъ, что кружокъ зеленой молодежи, занимавшійся совмѣстнымъ чтеніемъ произведеній русскихъ писателей, былъ отнесенъ къ числу опасныхъ для государства организацій. „День“ высмѣивалъ учебное начальство, обратившееся за помощью въ дѣлѣ педагогическаго воздѣйствія надъ своими питомцами въ полицію. „Время“ кричало о революціонномъ гнѣздѣ, свитомъ сосунками при благосклонномъ попустительствѣ педагогическаго персонала, развращеннаго идеями либерализма и даромъ жующаго казенную жвачку, а „Знамя“, не стѣсняясь, требовало каторгу для отцовъ, распустившихъ своихъ шестнадцатилѣтнихъ мальчишекъ и дѣвченокъ до чтенія скопомъ зловредныхъ писаній Андреева, Сологуба, Достоевскаго и прочей шайки головорѣзовъ литературы. И не удивительна была эта разногласица. Никто вѣдь, кромѣ Штромберга, толкомъ не зналъ, въ чемъ дѣло: ни учебное начальство, ни сыскное отдѣленіе, производившее арестъ, ни даже сами арестованные. И каждый игралъ оттого въ ту дудку, въ которую онъ привыкъ дуть обычно.

Два мѣсяца тому назадъ Петръ, зайдя подъ вечеръ къ Штромбергу, подалъ ему тетрадь, сшитую изъ листовъ большого формата, со словами:

— Поглядите... лежало въ дылехторскомъ столѣ. По ночамъ засверче лыстрычество и пишеть.

— Ты что же это? — прикрикнулъ на него

Штромбергъ. — Чѣмъ занимаешься? По столамъ чужимъ шарить?

— Виновать... Прошу послушать. Снился мнѣ сонъ: будто вы такой хмурый пришли и говорите: „я бѣ тебѣ, Петро, далъ трешню, коли бѣ ты выручилъ меня, стащивъ бумагу...“

— Цыцъ! глупые сны у тебя.

— Значить, обратно бумагу отнести?

— Ну, ужъ ладно, жалко тебя, мерзавца... поди разлакомился послѣ сна... ну, возьми вотъ. Но это просто такъ, понимаешь? И убирайся съ глазъ.

Не придавая особаго значенія принесенной тетради, Штромбергъ тѣмъ не менѣе изъ чувства простого любопытства просмотрѣлъ послѣ ухода Петра тетрадь. Каково же было удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что это была докладная записка о его дѣятельности учебному начальству! Изъ приложеннаго къ тетради письма онъ узналъ, что въ составленіи записки принималъ участіе, кромѣ директора, чиновникъ изъ учебнаго округа, вѣроятно, дѣлавшій это изъ мести за отказъ ему отъ занятій въ канцеляріи при гимназіи, требовавшихъ присутствія этого чиновника на службѣ лишь въ дни получки жалованья. А главное онъ узналъ, что ему собираются нанести ударъ.* И мало того — онъ узналъ направленіе удара.

Онъ принялъ, конечно, всѣ мѣры, чтобы отвести въ сторону этотъ ударъ. И это ему удалось. Директоръ доносилъ въ округъ о предосудительности собраній учащихся на его квартирѣ, а онъ, зная это, не допускалъ больше собраній у себя на квартирѣ — такъ кстати прихлась болѣзнь жены—и самъ донесъ въ сыскное отдѣленіе, отстраняя не только всякія подозрѣнія отъ себя, но даже утверждая еще большую свою благонамѣренность: собирать то у себя молодежи онъ если и позволялъ, то только потому, что хотѣлъ выслѣдить зарожденіе одной изъ ячеекъ революціонной гидры, дабы своевременно предать послѣднихъ въ руки правосудія. Объясненіе хоть куда — повѣрять тамъ, гдѣ это ему нужно. Онъ хорошо зналъ безобидность кружка „Саморазвитіе“, но придать ему опасный характеръ въ глазахъ властей входило въ его планы. Заодно съ отпариваніемъ удара ему

хотѣлось свести счеты и съ Щастнымъ. Послѣдній уже, такъ сказать, являлся использованнымъ послѣ его поѣздки за границу, и, оставаясь на свободѣ, съ одной стороны—мѣшалъ одной задуманной комбинаціи, а съ другой стороны—каждую минуту могъ отнять у него жену. Какъ же не воспользоваться удобнымъ случаемъ и не запрятать Щастнаго въ тюрьму?... тѣмъ болѣе, что это можно сдѣлать совершенно безопасно: не станетъ же тотъ болтать о дѣлѣ, связавшемъ его съ Штромбергомъ, выдавая этимъ и товарищей, и, что важнѣе, то дѣло, которому онъ—въ этомъ не сомнѣвался Штромбергъ—былъ безкорыстно преданъ!

Петру пришлось оказать еще неоцѣнимую услугу Штромбергу, причемъ ужъ при прямомъ указаніи послѣдняго. Отправленный въ гимназію Волоховой помочь разносить чай на рефератѣ, Петръ своевременно успѣлъ засунуть въ карманъ пальто Щастнаго пачку прокламацій къ учащейся молодежи съ печатью „Комитета революціонныхъ группъ средней школы“, сработанныхъ самимъ Штромбергомъ.

Мысль о приглашеніи Щастнаго для прочтенія реферата въ кружкѣ „Саморазвитія“ тоже была заброшена Штромбергомъ при посредствѣ его пансіонеровъ. А чтобы дѣйствовать навѣрняка, онъ назначилъ въ часъ, близкій къ времени начала реферата, урокъ Комову: это нужно было для того, чтобы Комовъ позвонилъ по телефону и узналъ бы, что Щастный явился.

По его же просьбѣ, послѣ переговоровъ по телефону съ женской гимназіей, Комовъ довольно охотно позвонилъ по телефону одного лицеиста, которому очень хотѣлось, по словамъ Штромберга, попасть на собраніе, сообщилъ этому лицеисту адресъ гимназіи и пообѣщалъ свою рекомендацію для входа. Данный Комову номеръ телефона и записанный послѣднимъ на обложкѣ задачника, принадлежалъ сыскному отдѣленію, чего, конечно, тотъ и не подозрѣвалъ.

Все вышло, какъ и ждалъ Штромбергъ. Объ его праздникѣ говорили теперь десятки газетъ, разбросанныя, какъ флаги удачи, въ кабинетѣ.

Оставалось нѣсколько минутъ до девяти часовъ, когда Штромбергъ окончилъ свой завтракъ. Несмотря

на то, что ему нужно было торопиться, чтобы не опоздать къ началу уроковъ, онъ пошелъ не по направлению къ передней, а свернулъ къ женѣ.

Наталья Михайловна лежала въ полузабытїи и не обернулась на шаги мужа. Только, когда его губы коснулись въ поцѣлуѣ къ ея волосамъ, она вздрогнула и подняла голову.

Штромбергъ подаль ей газету и указаль пальцемъ на одинъ изъ столбцовъ:

— Читай!

Она не сразу поняла, что отъ нея хотятъ. Ей показзлось, что попросту мужъ находитъ предлогъ, чтобы заговорить съ ней, и она отстранилась. Но онъ еще болѣе настойчиво поднесъ къ ея глазамъ газету и сказалъ:

— Читай! Щастный арестованъ.

Она такъ же молча, какъ сидѣла, зашаталась и упала, скатившись съ кровати.

Онъ впился глазами въ бѣлизну ея обнаживша-гося тѣла: хрупкое и стройное оно взволновало его своей красотой. Наклонился было поднять жену, но потомъ, что то подумавъ, быстро вышелъ изъ комнаты, крикнувъ горничной:

— Позовите сидѣлку! — И отправился на урокъ.

ГЛАВА XXIII.

Откуда выползла змѣя молвы о предательствѣ Комова—никто не зналъ, первое шипѣніе ея совпало съ освобожденіемъ изъ подъ ареста Макушинскаго и Соколова: на другой же день послѣ этого, гибкая и проворная вбѣжала она въ гимназію, и черезъ нѣсколько минутъ не было мѣста, гдѣ бы она не оставила своего липкаго слѣда.

Комовъ еще въ шинельной слышалъ, какъ нѣсколько разъ произносилась его фамилія, но не придалъ этому никакого значенія; смутно почувствовалъ онъ что-то недоброе, когда встрѣтился съ презрительными взглядами изъ толпы учениковъ у класса, но опять-таки, не обращая на это вниманія, спокойно

отнесъ книги въ парту, и подошелъ къ товарищамъ. Но то, какъ жали ему руку и пятились отъ него, и то, что слышалъ, какъ говорилъ его лучший другъ—Макушинскій, отвѣчая на чей то вопросъ, открыло ему глаза.

— Да, за четверть часа до появленія полиціи по телефону онъ справлялся: пришелъ ли Щастный. Слѣдуетъ ли отсюда дѣлаемый вами выводъ, я не могу взять на себя смѣлости утверждать. Но фактъ, этотъ фактъ былъ. И это тоже вѣрно, что онъ, никогда не пропускавшій нашихъ собраній, на этотъ разъ не пришелъ. И это тоже вѣрно, что насъ таскали по участкамъ, а онъ избѣгъ этого.

Осипшаго отъ волненія Макушинскаго смѣнилъ Соколовъ:

— Не упомянуть одинъ фактъ, имѣющій, по моему, весьма недвусмысленное объясненіе. На допросъ каждому изъ насъ говорили, что отъ одного изъ нашихъ товарищей все извѣстно. И, дѣйствительно, намъ называли фамиліи многихъ членовъ нашего кружка, дни нашихъ собраній, названіе рефератовъ. Освѣдомленность полная! И требовали отъ насъ сознанія въ какихъ-то красныхъ дѣлахъ, о которыхъ „нашъ товарищъ“ могъ только въ туманныхъ выраженіяхъ сказать, такъ какъ этимъ мы не занимались. А кто насъ тянулъ въ политику? А кто у насъ лучше всѣхъ знаетъ дѣла кружка „Саморазвитія“? я спрашиваю васъ?!

Съ страшною ясностью выросла передъ Комовымъ вся сила клеветы, взводимой на него: по его жиламъ пробѣжала дрожь отъ чувства неотвратимости нависшаго надъ нимъ; но въ то же время онъ нашелъ силы понять, что ему необходимо напречь всѣ силы для защиты себя и сейчасъ же, такъ какъ малѣйшимъ промедленіемъ онъ обречетъ себя на безповоротную гибель. Высокій лобъ его перерѣзала складка, и съ раскраснѣвшимся лицомъ, съ отвагой въ глазахъ онъ пошелъ навстрѣчу гнусному обвиненію.

— Говорите прямо, этотъ товарищъ—я. Сережа,—протянулъ онъ руку къ Макушинскому: — скажи имъ, что...

Кругомъ все задвигалось и зашумѣло:

— Ага, не выдержалъ!

— У кого что болить, тотъ про то и говорить.

— Самъ выдаетъ себя!

Макушинскій не принялъ руки Комова.

— Факты, опровергайте раньше факты! Откуда вы звонили ко мнѣ по телефону?

Толпа все увеличивалась; черная рѣка куртокъ, сжатая стѣнами коридора, протянулась почти до конца послѣдняго.

— Я бы могъ не отвѣчать вамъ,—крикнулъ съ силой Комовъ: но вы были для меня близкими, и во имя товарищества, отъ котораго вы теперь отказываетесь, я скажу: я звонилъ отъ Ивана Ивановича.

Посыпались крики и брань.

— Отъ Ивана Ивановича?

— Что за галиматья?

— Зачѣмъ вы тамъ были?

Блѣдный, съ безстрастной маской вмѣсто лица, онъ громко отрѣзалъ:

— Я занимаюсь съ Иваномъ Ивановичемъ по математикѣ.

— Вонъ откуда твои пятерки, заорали изъ одного угла коридора. — Ловкая бестія! Какъ намъ-то нагонялъ глянецъ!

— Не смѣй! Не смѣй марать имя Ивана Ивановича! — завопилъ „Королевскій дворъ“ и тѣ изъ учениковъ, которые свое благополучіе строили на не вполнѣ безкорыстномъ благоволеніи къ нимъ Штромберга. — Не смѣй его мѣшать съ своими подлостями!

— Тссъ,—потребовалъ молчанія Макушинскій. — Господа, мы должны быть справедливыми, а поэтому мы должны дать ему до конца оправдаться. Пусть онъ намъ докажетъ то, что онъ сказалъ.

— Если вы не вѣрите мнѣ, вамъ недостаточны мои слова... То вотъ спросите пансіонеровъ Ивана Ивановича, они не разъ меня видѣли въ квартирѣ Ивана Ивановича, — медленно выговорилъ среди воцарившагося затишья Комовъ.

— Ха, ха, ха! — дико захохоталъ Соколовъ. — Полюбуйся, Вольфъ, на этого господина, говорить, не сморгнувъ глазомъ. Ты видѣлъ его, Вольфъ, когда нибудь въ квартирѣ Ивана Ивановича?

— А развѣ онъ приходилъ хоть когда-нибудь туда? — съ напускнымъ удивленіемъ пожалъ плечами Вольфъ, глядя въ упоръ Комову прищуренными глазами и съ нескрываемой улыбкой торжества отъ сознанія, что вся репутація этого „чистюли Комова“, помѣшавшаго засунуть ему руку въ кассу благотворительнаго вечера, зависить сейчасъ отъ одного небрежно брошеннаго имъ слова. — Не помню что-то...

— Врете, врете!.. я вмѣстѣ съ вами съ нимъ разговаривалъ возлѣ кабинета Ивана Ивановича, — захлебываясь заговорилъ подскочившій къ Вольфу Мохоробельянецъ.

За поднявшимся шумомъ никто не обратилъ вниманія на слова послѣдняго: слишкомъ привыкли видѣть въ Карапетѣ только его смѣшныя стороны, тѣмъ болѣе, что, послѣ покушенія на самоубійство, онъ окончательно прослылъ за полоумнаго.

Звонокъ къ началу занятій разрѣдилъ толпу.

Не глядя ни на кого, быстрыми шагами прошелъ Комовъ къ своей партѣ и сѣлъ. Съ него слетѣла мгла возбужденія, и онъ замеръ, какъ челоуѣкъ, висящій на краю пропасти и боящійся cadaго движенія, какъ бы оно не сбросило его внизъ. И лишь гдѣ-то далеко внутри маячила совсѣмъ невидной точкой надежда, зароненная предложеніемъ Макушинскаго, донесшимся ему съ первыхъ рядовъ партъ.

— Первый урокъ Ивана Ивановича. Вотъ отъ него мы сможемъ узнать навѣрняка: занимался ли Комовъ съ нимъ или нѣтъ?

Какъ во снѣ, онъ видѣлъ взошедшаго на кафедру Штромберга и слышалъ обращенный со всѣхъ сторонъ къ нему шопотъ:

— Спрашивай! Спрашивай!

И окруженный волнами враждебности и недоуверія, о которыхъ давалъ ему знать его инстинктъ, поднялся онъ, но не находилъ словъ и со страхомъ и тоской смотрѣлъ впередъ.

— Что вамъ нужно?

Наконецъ, онъ промолвилъ:

— Неправда ли, что вы... — и запнулся.

Макушинскій рѣшилъ помочь своему бывшему товарищу:

— Видите ли, Иванъ Ивановичъ, — заговорилъ онъ, вставъ со своего мѣста, — на Комова упало подозрѣніе въ одномъ некрасивомъ поступкѣ, и онъ, желая установить свою непричастность къ этому, ссылается на то, что онъ бываетъ у васъ...

— О чемъ это вы? — сдвинулъ брови Штромбергъ. Для него такой вопросъ былъ непредвидѣнною неожиданностью, и онъ сразу не могъ рѣшить, какъ ему отвѣтить. Противъ Комова онъ лично ничего не имѣлъ, но сказать правду для него значило—дать возможность злымъ языкамъ лишній разъ покопаться въ его частныхъ взаимоотношеніяхъ съ учениками.

Выручило его вмѣшательство Мохоробельянца, съ откровенной грубостью вдругъ заявившаго:

— Соколовъ и Вольфъ рады ногу подставить Комову, оттого и отпираются, что видѣли, какъ онъ приходилъ къ вамъ заниматься. А что правда, то правда.

Благодаря этому Штромбергъ зналъ, что его пансіонеры постараются помочь ему скрыть фактъ его занятій съ Комовымъ, а потому онъ увѣренно заговорилъ:

— Успокойся, Карапетъ. Внѣ сомнѣнія, что твои товарищескія отношенія къ Комову похвальны, но, я думаю, что для спасенья чужой репутаціи, все же не дѣло прибѣгать ко лжи. А что касается Комова, то мнѣ кажется, что когда въ ближайшемъ будущемъ—у меня въ этомъ нѣтъ сомнѣній—выяснится его невинность, и онъ поуспокоится, то пойметъ, что ссылаться на занятія со мной, по крайней мѣрѣ, неудобно...

Какъ чтеніе приговора звучала эта рѣчь для Комова.

По окончаніи уроковъ состоялся Педагогическій Совѣтъ, экстренно созданный въ виду крайней остроты переживаемаго школой момента.

Ученики требовали удаленія Комова, угрожая массовымъ уходомъ изъ училища. И не было возможно ни отказать ученикамъ—слишкомъ сильно разгорѣлись страсти и можно было ждать какого-нибудь эксцесса съ ихъ стороны, ни удовлетворить желаніе учениковъ—официальное увольненіе Комова было недопустимо по формальнымъ основаніямъ.

Много было произнесено на совѣтъ жалкихъ словъ, какъ искреннихъ, такъ и ради краснорѣчія. Григорьевъ и Березнякъ старались, насколько это было въ ихъ силахъ, отстоять Комова—они настаивали, чтобы совѣтъ взялъ послѣдняго подъ свое покровительство и произвелъ самое строгое разслѣдованіе всего случившагося—за невозможность даже предположенія о виновности Комова они готовы были ручаться чѣмъ угодно—и лишь послѣ этого приступить къ рѣшенію участи Комова. Хотя къ нимъ и присоединились: Бенардаки, Булавичъ и Ласковъ, тѣмъ не менѣе, это предложеніе большинствомъ голосовъ было отвергнуто. Прошла кое-какъ сколоченная резолюція: не заносить преній въ протоколъ и постараться убѣдить Комова въ необходимости, въ его же интересахъ, оставить училище и поступить куда-нибудь въ другое мѣсто. Резолюція эта, — всѣ это понимали, — не давала никакого выхода: переходъ же Комова въ другое училище былъ невозможенъ—для окончанія частнаго учебнаго заведенія необходимо пробыть въ послѣднемъ не менѣе трехъ лѣтъ; въ казенную же гимназію въ восьмой классъ принимаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Но въ концѣ засѣданія стало извѣстно, что директору звонили по телефону изъ округа и предупредили, что на-дняхъ училище будетъ ревизоваться. И потому сама собой забылась неудача редакціи вынесеннаго постановленія.

Въ шинельной говорили только о предстоящей ревизіи.

— Никакъ сова! „Быть худу, быть бѣдамъ“, — продекламировалъ Бенардаки.

— Не каркай!—хмуро бросилъ Забоевъ.

— Господа, какъ вы думаете, какой носъ у ревизора? — громко спросилъ Булавичъ.

— Да ты гдѣ видѣлся съ нимъ что-ли?

— Отродясь его не видалъ—милліонъ сто двадцать тысячъ разъ повторялъ и буду повторять. Кровь въ жилахъ у него самая синяя, въ одномъ мѣстѣ багровѣетъ—на носу. На ухо позвольте сказать—алкоголикъ.

— Ха, ха, ха... вотъ такъ аттестація!

— Митроша, разъясни твою хиромантію? Не люблю загадокъ! — сумрачно съ оттѣнкомъ любопытства спросилъ Бенардаки.

— Вѣроятно, ты слышалъ, какъ Иванъ Ивановичъ распорядился купить ведро водки, — сказалъ Ласковъ.

— Не всякій, кто пьетъ водку—алкоголикъ, — вставилъ замѣчаніе Бенардаки.

— По себѣ знаетъ, — обронилъ Булавичъ въ сторону Бенардаки. — Водка не характерна для алкоголика. А я зналъ, что Иванъ Ивановичъ заказалъ для ревизора чарджуйскую дыню — вотъ это примѣта: смотри указанія въ карманной книжкѣ кавалеровъ Зеленаго Эмія на радикально отрезвляющее въ хроническихъ случаяхъ. — И обратился къ окружавшимъ его: — Братіе, а не слѣдуетъ ли изъ всего этого, что необходимо выпить... Чортъ возьми, до ревизорскаго положенія мы не дошли, никто насъ не угоститъ даромъ, но вѣдь есть же справедливость въ мірѣ. Ради оной должно хоть за собственный счетъ согрѣть кишечки...

На улицѣ Булавичъ остановился и задалъ вопросъ:

— Отгадайте, чѣмъ ревизоръ на жулика похожъ?

— Оставь загадки. Говори по-человѣчески, — буркнулъ Бенардаки.

— Ну и скажу. Ревизоровъ выслѣживаютъ такъ же, какъ и жуликовъ, по карточкамъ. Вона, Иванъ Ивановичъ, какъ услышалъ о пріѣздѣ ревизора — парнишка, ухъ, какой аховый! — сейчасъ же въ „Времени“ разыскалъ портретецъ ревизора и вручилъ его Гукову на предметъ своевременнаго предупрежденія гимназіи о приближеніи начальства. Гуковъ мнѣ портретъ показалъ...

ГЛАВА XXIV.

— А, Эрастъ Невинный, — привѣтствовалъ вошедшаго Григорьева Булавичъ. — Ты ужъ извини, казенной квартиры и обстановки не дали... стулишки всѣ позаняты, — придется тебѣ сѣсть на мою кровать.

Пожимая руки сидѣвшимъ въ комнатѣ, Григорьевъ обошелъ, было, незнакомаго господина, сидѣвшаго за письменнымъ столомъ съ записной книжкой

въ рукахъ, но тотъ самъ, поднявшись съ мѣста, представился.

— Сотрудникъ газеты „Биржевыя Вѣдомости“.

Увидѣвъ на лицѣ Григорьева выраженіе недоумѣнія, Булавичъ сказалъ:

— Видишь ли, Эрастъ, Ка-Эфъ явился проинтервьюировать меня насчетъ того, какъ сошла ревизія въ гимназіи Данемана. Засталъ у меня нашу компанію, обрадовался и катаетъ себѣ въ книжку все, что мы не скажемъ. — И обратился къ представителю печати: — а вотъ исторію, происшедшую на урокъ естествовѣдѣнія въ IV классѣ, лучше всего узнать вамъ отъ Григорьева.

— Нѣтъ времени. Пора идти на вечеринку, — поспѣшилъ замѣтить Григорьевъ.

— Ну, успѣемъ! Сейчасъ и восьми часовъ нѣтъ.

— Какая вечеринка? — спросилъ журналистъ.

— Ученики выпускного класса, по случаю отпуска на экзамены черезъ нѣсколько дней, устраиваютъ сегодня ужинъ въ „Вѣнѣ“ и пригласили туда своихъ преподавателей.

— Понимаю, — закачалъ головою журналистъ. — Тогда, начинаю записывать.

Григорьевъ высказалъ соображеніе:

— Быть можетъ, Алексѣй Дмитриевичъ не желаетъ опубликованія исторіи, касающейся его, въ печати.

— Позвольте, позвольте, — приложивъ руку къ груди, затараторилъ журналистъ. — Даромъ что ли я работаю полтора десятка лѣтъ въ газетахъ? Не безпокойтесь, статья будетъ безъ указанія имени. Разсказывайте!

— Исторія не длинная, — тихо началъ Григорьевъ: — на урокъ ко мнѣ пришелъ ревизоръ, сѣлъ... сидитъ съ закрытыми глазами, съ четверть часа прошло, какъ вдругъ заоретъ онъ: „Какой это хамъ осмѣливается свистѣть? Въ моемъ присутствіи и свистѣть! Я покажу... я!“... Затѣмъ послѣдовала дикая сцена допроса. Ревизоръ прежде всего потребовалъ, чтобы встали свистѣвшіе. Никто не вставалъ; это привело ревизора въ неистовство. Мальчишки 12 лѣтъ... и обструкціи! „Я васъ осажу... я васъ взнуздаю! Этакая мерзость!“ Запугалъ своимъ кри-

комъ ребятъ до-нельзя, а потомъ началъ вызывать по фамиліямъ и задавать все одинъ и тотъ же вопросъ: „Ты свистѣлъ?“ Ребята — словно онѣмѣли: поднимались съ мѣста съ широко раскрытыми отъ страха глазами. Тогда ревизоръ перешелъ на Алексѣя Дмитріевича, стоявшаго позади начальства. „Ну-съ, классный наставникъ, любуетесь плодами вашей дѣятельности? Можетъ быть, вы знаете кто свистѣлъ?“ Алексѣй Дмитріевичъ очень вѣжливо замѣтилъ: „Я свиста не слышалъ“. — „Какъ? не слышали? А что же это было?“ И надало же Алексѣю Дмитріевичу высказать предположеніе: „Не показалось ли вамъ? Я вижу—у васъ насморкъ... можетъ быть...“ — „Вонъ, вонъ!“ — заоралъ ревизоръ, выбѣгая изъ класса: „я требую немедленнаго удаленія этого нахала! Развалина“. . . Вчера уже бумага пришла... и Березнякъ не былъ допущенъ къ занятіямъ. Уволенъ за негодность... и все тутъ.

— Да ревизоръ сумасшедшій что-ли человѣкъ? — сорвалось у быстро писавшаго въ своей книжкѣ журналиста. — Сумасшедшій? Да вы какъ думаете, если человѣку сказать, что у него носъ свиститъ чуть не по соловьиному, такъ онъ останется доволенъ? Хоть кто разъярится! Дай-ка вамъ, газетчикамъ, дворянскія традиціи, гувернеровъ всѣхъ національностей, кромѣ русской, лицей, абонементъ въ балетъ, протекцію... да вы бы съ людей шкуру живьемъ драли! А этоть, — вздохнулъ онъ, — одного человѣка ногтемъ прищелкнулъ и сразу успокоился. Черезъ полчаса его импозантная фигура мирно смотрѣла черезъ окно во дворъ, гдѣ подъ звуки марша продѣлывалась военная гимнастика.

— Хорошо-съ. А не можете ли вы сказать мнѣ, какія замѣчанія учебнаго характера были сдѣланы, какіе недочеты были найдены въ педагогической системѣ вашей гимназіи? — весь обращаясь въ слухъ, спросилъ журналистъ.

— Вамъ все сказано.

— Нѣтъ-же, вы мнѣ не говорили, какъ ревизія отнеслась къ вашей постановкѣ домашняго чтенія, что она сказала по поводу принятыхъ у васъ учебниковъ и учебныхъ пособій!

— Объ этомъ ничего не было сказано.

— Удивительно!

— Ничего удивительнаго. Нужно только вспомнить, что его высокопревосходительство до назначенія на настоящую должность служило начальникомъ... тѣфу ты, забылъ... ну что то вродѣ главнаго управленія конозаводства...

Въ кабинетъ въ это время вбѣжалъ мальчикъ лѣтъ шести.

— Сынишка мой! — сказалъ Булавичъ, идя навстрѣчу ребенку. — Ты что?

— Дядю Григорьева къ телефону зовутъ на лѣстницу.

— Ну, здоровайся, — замѣтилъ сыну Булавичъ.

Григорьевъ, выходя изъ комнаты, задержался взглядомъ на лицѣ Булавича, такъ внезапно преображенномъ приходомъ сына. И сбѣгая по лѣстницѣ, онъ такъ же ясно, какъ будто бы лицо было передъ глазами, видѣлъ послѣднее, сіявшее тихимъ сіяньемъ. „Что случилось? Почему онъ сталъ такъ притягивающе красивъ? Не оттого ли, что человѣческое лицо, когда оно отражаетъ изначальную сущность души — любовь, это — красота. Лицо, кому бы оно ни принадлежало, хотъ разъ въ жизни бываетъ яснымъ небомъ, а отсюда выводъ: тамъ, внутри cadaго есть свѣтлое... есть.“ И казалось, что какое-то откровеніе снизошло къ нему, и все недоумѣнное, что много дней тяжелымъ бременемъ давило его ищущій духъ, распалось на мельчайшія пылинки. „Нѣтъ выше задачи, — думалъ онъ, — какъ зажигать свѣточъ любви въ сердцахъ людей.“

Улыбнулся еще больше, когда услышалъ въ отвѣтъ на свое „алло“: „Алексѣй Дмитріевич“.

— У васъ Комовъ былъ?... Да?... и вы рѣшили пойти на вечеринку, несмотря на то, что вамъ нездоровится?... Вы это хорошо придумали... я увѣренъ, что мальчишки сегодня, въ день своей радости, такъ сказать, не захотятъ чужихъ огорченій... Вы хотите поручиться передъ ними за Комова?... Такъ зайти за вами?... Нога отказывается идти... Можетъ быть, остались бы дома?... Ну, такъ одѣвайтесь, бѣгу къ вамъ.

ГЛАВА XXV.

Въ одиннадцатомъ часу ночи Березнякъ и Григорьевъ подѣхали къ ресторану.

— Восьмая дверь направо, — указаль швейцаръ. Постучались. Никто не отвѣтилъ. Подождавъ немного, вошли.

— Что за оказія? Никого? — поразился Березнякъ. — Не туда попали, что-ли?

Вдругъ все завывло. Изъ-подъ стола, изъ-за кресель и изъ-за шторъ на окнахъ повыскакивали гимназисты и учителя. Кто-то началъ отстукивать на піанино маршъ.

— Веселое настроеніе... уже подвыпили основательно, должно быть, — шопотомъ проговорилъ Березнякъ. — Смотри, Эрастъ, на диванъ кто-то лежитъ... да нѣтъ, онъ привязанъ салфетками. Слышишь, по-латыни говорятъ кругомъ.

— Продолжимъ чествованіе! Гости, просимъ присоединиться! — надъ ухомъ вновь пришедшихъ пропѣла октава Забоева, указывая имъ на свободныя мѣста, на которыя вновь пришедшіе сейчасъ же успѣлись, приглядываясь все время къ тому, что вокругъ дѣлалось.

Забоевъ забрался на стулъ и, ударяя себя руками въ грудь, произносилъ рѣчь:

— Булавичъ! Вамъ, высокочтимый нашъ учитель и коллега, мы обязаны, что сидимъ въ этомъ замѣчательнѣйшемъ помѣщеніи. По вашимъ проектамъ сконструировано піанино, на которомъ вонъ сейчасъ какой то богомерзкій музыкантъ лупитъ готентотскій маршъ.

Булавичъ принялся кричать:

— Пустите! Довольно, къ чертямъ мои заслуги!

— Поднесемъ великому человѣку дары,—захлопаль въ ладоши Забоевъ, и два гимназиста выступили впередъ, держа въ рукахъ снятый со стѣны рекламный плакатъ шустовскаго коньяка въ рамкѣ, изображающій Кавказца, смакующаго прямо изъ бутылки какой-то напитокъ. — Булавичъ! Мы просимъ принять вашъ портретъ, исполненный лучшимъ въ мірѣ художникомъ. Глядите, какое сходство до мелочей! Выраженъе глазъ,

жадно впивающихся въ густую темень бутылки! Какъ ловко схваченъ цвѣтъ вашего лица, отражающаго всѣ заботы и тревоги вашей гениальной натуры, этотъ прекрасно-отливный тонъ гнилой сливы! Зубы на портретѣ — точная копія вашихъ перловъ. Эй! Трубачи, свиистуны, арапы, горлодеры, славьте великаго человѣка.

Въ общемъ шумъ потонули ругательства Булавича и дальнѣйшія словоизверженія Забоева.

Березнякъ перенесъ свое вниманіе на то, что происходило влѣво отъ него. Тамъ сидѣлъ „Королевскій дворъ“ и горячо обсуждалъ выгоды и преимущества поступленія въ то или другое высшее учебное заведеніе. Обрывки фразъ долетали и до Березняка.

— Въ путейскій! А то куда же... дороги строятся все новыя и новыя. Спросъ большой на путеекъ.

— Хорошо тебѣ, попадешь безъ экзамена на министерскую вакансію. А мнѣ экзаменъ — мыло съѣсть!

— Что же ты?

— Да на юридическій. Специалистъ по бракоразводнымъ.

— И я тоже на юридическій.

— И ты... дальше учиться? При такихъ деньгахъ...

— А карьера? Я хочу въ депутаты попасть, а оттуда крупное мѣсто.

— Галкинъ, а ты куда себя притыкаешь?

— Я — Медицина. Женскія болѣзни... деньжища во, сама идетъ... да и бабенки будутъ; знакомый мой врачъ говоритъ: отбоя нѣтъ.

Березнякъ дальше старался не слушать, и рѣшилъ, выполнивъ поскорѣе намѣченную имъ цѣль, уйти. Улучивъ минуту, когда Штромбергъ освободился, онъ прошелъ къ нему.

— Иванъ Ивановичъ, я хотѣлъ бы поговорить съ учениками о Комовѣ... мнѣ необходимо ваше содѣйствіе.

— Потомъ, потомъ. .

— Вотъ, именно, сейчасъ это нужно сдѣлать. До распуска осталось нѣсколько дней... Комову теперь же надо уладить свое дѣло, чтобы онъ могъ посѣщать уроки и быть допущеннымъ къ экзаменамъ.

Штромберга раздражилъ настойчивый тонъ Березняка и, не считая теперь необходимымъ сдержать себя передъ нимъ,—чѣмъ онъ могъ быть полезенъ теперь, уволенный въ отставку старикъ, не сегодня-завтра оканчивающій свой земной путь,—и онъ открыто высказалъ ему свое неудовольствіе.

— Иванъ Ивановичъ, дѣло идетъ о юношѣ, о его жизни.

— Мало ли кто погибаетъ—законъ жизни!

— Какъ вы говорите? — отступилъ назадъ Березнякъ.

— Очень просто. Я не подрядчикъ благотворительныхъ дѣлъ! — И ѣдко разсмѣялся. — Вы всегда такъ носились съ вашей способностью вліять на учениковъ, а я при чемъ тутъ... попробуйте сами! Я думаю, за пять лѣтъ вы, идейный учитель, смогли заронить кое-какія чувства.

Березнякъ посмотрѣлъ на него и строго сказалъ:

— Слышите... Комовъ былъ у васъ въ моментъ ареста. Я это знаю. Я потерялъ вѣру въ васъ, но думаю, что элементарная порядочность требуетъ чтобы вы...

— Угроза? Хорошо... принимаю! Хотите сейчасъ же отвѣтъ! — прошипѣлъ Штромбергъ и, вскочивъ съ стула съ бокаломъ въ рукахъ, заговорилъ: — Господа, позвольте мнѣ предложить поднять бокалы за молодое поколѣніе, идущее намъ на смѣну. Пожелаемъ ему—пусть оно гордо несетъ въ жизнь свой умъ и сердце. И пусть съ безпощадной жестокостью жизнь вырветъ плевелы изъ рядовъ молодыхъ всходовъ на нашей нивѣ. Идите на смѣну намъ, мощные идейные сыны своей страны, да не коснется васъ позоръ тѣхъ дѣяній, которымъ теперь можно спокойно дать кличку „Комовщины“. Держите выше знамя, наши наслѣдники, идите!..

— Урааа! — закричалъ „Королевскій дворъ“.

— Позвольте, позвольте, — заволновался Григорьевъ. — Никто еще не удостовѣрилъ, что...

— У васъ нѣтъ основаній такъ говорить о Комовѣ! — выкрикнулъ Березнякъ. Поднялись съ мѣста Ласковъ, Забоевъ и другіе.

Разростись инциденту помѣшалъ стукъ ножами о

столъ, не прекращавшійся до тѣхъ поръ, пока слово не взялъ Штромбергъ:

— Господа, прежде всего порядокъ... слово принадлежитъ сейчасъ Ярмонкину. Кто хочетъ говорить,—записывайтесь въ очередь.

— Товарищи, старшіе и младшіе, — напыщенно заговорилъ Ярмонкинъ, скрывая этимъ нѣкоторое свое волненіе. — Я хочу сказать, что вѣкъ, въ которомъ намъ довелось жить... новый вѣкъ, вѣкъ объединившій отцовъ и дѣтей. Эта мысль не только моя, но моего отца... а онъ, какъ вы знаете, очень и очень видный человѣкъ. И вотъ я предлагаю оставить споры и недоразумѣнія... Это дѣлаютъ—прошу не сердиться, говоритъ мой папа,—только тѣ, кому нечего дѣлать. А живой элементъ: работаетъ и веселится. Для полноты сегодняшняго веселья папаша мнѣ далъ денегъ... прошу на меня не сердиться, господа преподаватели! Вѣдь мы уже взрослые, вы сами это говорили. Кромѣ денегъ... что важнѣе, папаша позволилъ мнѣ воспользоваться его протекціей у женщинъ... и вотъ я приглашаю, въ сосѣднемъ номерѣ... только дверь открыть... и тамъ... въ обществѣ красавицъ мы смягчимся... мы...

Ученикъ постучалъ о полъ стуломъ, тѣмъ подавая знакъ, чтобы официанты открыли двери, замаскированные портьерами.

— Это безобразіе! — заоралъ Забоевъ.

— Зналъ бы, не пришелъ!

— Цинизмъ!

— Господа, — замѣтилъ нѣмецъ Фохтъ: — если кто не нравится, то не заставляють васъ... Ми пошли, а ви тутъ сидить.

— Я не понимаю.. пуритане! — пожалъ плечами Вагневичъ и вошелъ въ открытую дверь.

Протесты не помогли. Звонъ бубенъ и пѣнье свели ихъ на нѣтъ.

— Смотри, великій человѣкъ, какъ хорошо сложилось все для тебя... послѣ смерти тебя ждетъ магометовъ рай... — гуріи, — хихикнулъ Бенардаки, поднося Булавичу, все еще лежащему на диванѣ, бокалъ съ шампанскимъ, на что тотъ промычалъ: „Уже пятый“.

-- Пей! Безъ пяти — быть безъ пути.

Ласковъ рѣшительно заявилъ:

— Что же, господа. Намъ осталось одно: уйти и какъ можно скорѣй.

— Да, но дверь изъ этого кабинета заперъ кто-то, а если мы пойдемъ черезъ другой кабинетъ... насъ начнутъ оставлять, выйдетъ нехорошо. Подождемъ, когда тамъ публика разоидется... и можно будетъ незамѣтно пройти, — посоветовалъ Забоевъ.

— Ладно. Посидимъ.

— Уменьшить бы число горящихъ лампочекъ...

Бенардаки почему-то совсѣмъ затушилъ свѣтъ.

Забоевъ подошелъ къ Булавичу и отвязалъ его отъ дивана. Булавичъ немедленно направился къ столу и, наливъ полный стаканъ изъ наугадъ взятой бутылки, началъ отпивать крупными глотками, въ промежуткахъ между которыми разговаривалъ самъ съ собой:

— Гуси-то каковы! — Въ путейскій, по женскимъ болѣзнямъ... венерики — ха, ха, ха!.. подгуляли твои симфонисты, дѣдушка Березнякъ! — Рѣшивъ по кашлю, раздавшемуся изъ угла, что его кто-то слушаетъ, онъ началъ еще болѣе зло бросать въ пространство: — Я помню мое время въ гимназiи... мы тоже пили, но, извините за выраженiе, такими... не были. Бросайте учительство, кто можетъ. Смрадно... ой, смрадно... Ну, я... я что? Мнѣ поздно... и потомъ меня мѣсяць назадъ на государственную службу обратно приняли, шестнадцать лѣтъ въ пенсiю зачислили! Это не шутка! Я? Миллионъ сто двадцать тысячъ разъ повторялъ, что я скотина... — и, неожиданно дико взвизгнувъ, съ дикимъ хохотомъ унесся къ танцующимъ въ сосѣднемъ кабинетѣ.

— Атмосфера, — грустно вымолвилъ послѣ нѣкотораго молчанiя Ласковъ.

— Странная молодежь, — откликнулся Бенардаки: — преждевременные старики. Я вотъ измочаленный пьяница... а я чувствую, нѣтъ у меня такого цинизма, какъ у нихъ.

— Что же удивительнаго, — мягко произнесъ Ласковъ. — Мы дали имъ голодные годы. Что они получили? Въ десять лѣтъ они знали уже разочаро-

ваніе. Мы въ тридцать, въ сорокъ лѣтъ горѣли, фантазировали и вѣрили въ это; а они въ третьемъ классѣ твердо знали, что все это были наши бредни. И вотъ вмѣсто сердца и мозговъ—сплошная грязь!

— Ну, это вы напрасно, — придвинувъ поближе кресло, замѣтилъ Забоевъ.—Почему это у насъ, настоящихъ стариковъ, знающихъ жизнь вдоль и поперекъ, остались сердца, а почему же вы отнимаете ихъ у юныхъ стариковъ? Вы совершаете большую ошибку, господа, мѣря все на аршинъ своей эпохи. Вы лучше посмотрите на себя... вы прожили романтическую юность, жизнь узнали къ тридцати пяти... только бы работать, а у васъ катарры, ревматизмы, традиціи, надломъ... ну—куда вы годны! А, эти теперешніе... въ 20 лѣтъ знаютъ все... и полные силъ, не такъ, какъ вы, выходятъ на дорогу жизни...

Изъ тьмы пришелъ тихій, глухой голосъ, dokonчившій рѣчь Забоева:

— Чтобы разбойничать... это я вамъ говорю...

— Алексѣй Дмитріевичъ, что съ вами? — бросился къ Березняку Григорьевъ, валя по дорогѣ стулья. — Что вы говорите? Вспомните...

— Ничего не помню! Работать, горѣть, чтобы воспитать такихъ гадовъ...

Григорьевъ не далъ ему окончить:

— Опомнитесь! Помните, какъ вы меня въ минуту малодушія поддержали... но вы-то, вы—носитель высокаго.

— Носитель! — жалобнымъ эхомъ прозвучалъ отвѣтъ Березняка. — Мнѣ тяжело... понимаете-ли. . тяжело нести.

Григорьевъ взялъ его объ руку.

— Спасибо, — признательно сказалъ Березнякъ.— Какъ мнѣ худо...

Изъ сосѣдняго кабинета вмѣстѣ съ свѣтомъ черезъ портьеры, игравшимъ въ серебринкахъ волосъ поникшей на грудь Григорьева головы, забѣгали хриплые звуки, смѣшивающіеся съ похабными выкриками.

Григорьевъ почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ прижавшагося къ нему Березняка, и его рука, такъ

по крайней мѣрѣ ему казалось, смочилась каплями влаги...

— Что вы, Алексѣй Дмитриевичъ...

Старческія губы шептали:

— Болото, удушье... какъ я это не видѣлъ... не видѣлъ!

ГЛАВА XXVI.

Тихость ночного часа въ мастерской, повидимому, поуспокоила Березняка. Григорьевъ счелъ возможнымъ уже оставить его и только ожидалъ, когда въ ихъ бесѣдѣ настанетъ удобный для этого перерывъ.

— Да, другъ, такъ-то! Этотъ самый Макушинскій... лучший въ классѣ во всѣхъ отношеніяхъ юноша... знаете, что онъ мнѣ сказалъ, когда я обратился къ нему сегодня... на вечеринкѣ съ просьбой о Комовѣ. Онъ сказалъ, что вполне допускаетъ невинность Комова, даже больше—увѣренъ въ ней, но что изъ его защиты ничего не выйдетъ... сдѣленіе обстоятельствъ губить Комова, а потому онъ предпочитаетъ взять изъ всего случившагося то небольшое, что оно уступаетъ... именно усилить, а не смягчить фактъ вины Комова, такъ какъ отъ этого можетъ дружище вырасти объединеніе учениковъ. Эхъ, Эрастъ, если бы вы могли приблизиться къ тому чувству, съ которымъ я отошелъ отъ Макушинскаго. Какая усталость! Какая апатія! Положимъ, мудроно ли? Вѣдь я—развалина...

Помолчавъ немного, снова заговорилъ, но уже совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Вотъ, Эрастъ, я рѣшаю одно заданіе. Вопросъ: тлѣть до конца или потушить сейчасъ же. уйти...

— Какъ уйти? Куда? Кому? Я не понимаю.

— Ничего, ничего... поймешь! Я хотѣлъ было просить тебя помочь рѣшить мнѣ этотъ вопросъ, но не надо. Видишь ли, здѣсь есть одно... у тебя нѣтъ за спиной шести десятковъ лѣтъ, ты можешь еще ласкать дѣтскія головки...

— Алексѣй Дмитриевичъ, полно себя растравлять.

— Уже все переболѣло. Не буду. Иди домой.

— Я разбудилъ бы вашу племянницу...

— Не нужно беспокоить Люду... пусть спитъ. Видишь, я спокоенъ. Я посижу немного и пойду къ себѣ. Иди же...

Григорьевъ началъ медленно спускаться по лѣстницѣ.

Вдругъ сверху раздался сухой трескъ, а за нимъ звукъ удара о полъ не то доски, не то какого-то тяжелаго предмета.

Въ мастерскую онъ вбѣжалъ вмѣстѣ съ босой, полуодѣтой Людой.

— Что? Что?

Пощупалъ пульсъ:

— Убилъ себя...

— Зачѣмъ? — спросила Люда.

Онъ оглянулся кругомъ. „Какъ всегда... то же небо, все то же... но я не зову далекое... я не знаю, что такое далекое, я не знаю“. И безсильно рвали взбунтовавшіяся мысли цѣпи логики.

Бѣлымъ, спрашивающимъ призракомъ у дверей стояла Люда:

— Зачѣмъ? Зачѣмъ? Зачѣмъ? — И вдругъ бросилась къ нему съ яростнымъ крикомъ:

— Ну, чего вы стоите?... за докторомъ! Сію же минуту!

ГЛАВА XXVII.

Незамѣтно укрѣпилась весна. Вымокшіе и продрогшіе въ постоянныхъ дождяхъ поля и лѣса занѣжились въ прозрачно-клубящейся испаринѣ; и та вмѣстѣ съ тонкимъ запахомъ ландышей, пролѣсковъ и фіалокъ потянулась къ душнымъ городамъ и преобразила тамъ на свой собственный ладъ жизнь людей. Переставали засиживаться люди по банкамъ, конторамъ, канцеляріямъ, заводамъ, — урвавъ свободную минуту, спѣшили насладиться ясностью и мягкой теплыню наставшихъ дней.

И только тѣ, что были весной человѣчества, не смѣли оторваться отъ постылыхъ учебниковъ. Тѣло

ныло отъ устали, межъ строчекъ мерещились заманчивыя дали зеленыхъ просторовъ, но грозные призраки экзаменаторовъ не зѣвали, были уже тутъ какъ тутъ и заставляли опять и опять учиться. А солнце, будто-бы дразня, еще щедрѣе, еще безудержнѣе расточало свое сіянье. Юноши теряли терпѣніе и ужъ со злобой принимались, сдавъ одинъ экзамень, за подготовку къ другому. Воскъ вливался подъ кожу ихъ лицъ, и наполнялись жужжаньемъ ихъ уши.

Тяжелъ былъ май и для учителей.

Жестоко приходилось Григорьеву. Пользуясь его застѣнчивостью, Штромбергъ назначилъ его ассистентомъ почти на всѣ выпускные экзамены. По большей части Григорьеву приходилось уходить изъ гимназій позднимъ вечеромъ.

И его счастье, что вся атмосфера экзаменаціонной страды съ противной настороженностью ищекъ со стороны окружныхъ инспекторовъ, съ гадостью обмановъ со стороны учениковъ, молчаливо покрываемыхъ учащими по разнообразнымъ мотивамъ, вся эта вакханалія, сводящая на нѣтъ и тѣ скудные результаты хорошаго, что могла взрастить въ современныхъ условіяхъ педагогическая работа, и развращающая всѣхъ своихъ участниковъ своей ясно бросающейся въ глаза ненужностью, прошла для него почти незамѣченной.

Все это скользило вдоль его сознанія, застыившаго въ какомъ-то ощущеніи громадности свершившагося, но еще не отлившагося въ опредѣленные формы сдвига его міросозерцанія послѣ смерти Березняка. То казалось ему, что онъ долго и утомительно ѣдетъ въ какія то новыя страны, быстро мчитъ его туда поѣздъ — не разглядѣть изъ окна тѣхъ мѣстъ, мимо какихъ проносишься. То чудилось ему, что онъ спитъ, и ему снится сонъ: кругомъ ночь, самые сильные огни не въ силахъ разогнать хоть немного ея темень; кругомъ пустынно, тихо, и оттого такъ явственно-мучителенъ, явственно-слышенъ безъ конца повторяющійся звукъ выстрѣла, звукъ сухой и короткій. Зажавъ уши, мечется онъ и ищетъ выхода изъ этого состоянія безумія... и приникаетъ къ участливо поданной ему рукѣ и бормочетъ безсвязныя слова; „милая, славная Люда... милая...“

Вся привязанность его къ старику-учителю пере-

шла на племянницу того; и долгіе часы бездѣятельнаго сидѣнія на экзаменахъ онъ проводилъ въ воспоминаніяхъ о его встрѣчахъ съ Людой.

Эти встрѣчи обычно происходили по праздникамъ на кладбищѣ у свѣжей могилы Березняка. Пріятно бывало ему въ бездумьи опуститься на низенькую скамеечку и глядѣть на узенькія плечи Люды, на ея личико, такое же чистое и бѣлоснѣжное, какъ и бѣлыя маргаритки, пышно распустившіяся на могильной землѣ, и слушать ея поющую скороговорку.

— Просто все, Эрастикъ... просто. Не уходили бы старики въ отставку, намъ бы, молодымъ, мѣста не было. Сейчасъ мы цвѣтемъ, а потомъ завязъ, плоды... естественно все. . а потомъ и наша пора въ отставку уходить придетъ.

— Плоды. Но гдѣ они? Вотъ твой дядя отцвѣлъ, но плодовъ ..

— Замолчи! Что мы можемъ знать съ тобой, мы — ничтожныя частицы міра? — и закрывала ему рукой ротъ. — Наше дѣло жить. .

— Существовать для себя.

— Да почему мы знаемъ, что, живя для себя, мы не живемъ для чего-то другого? Посмотри... вонъ тамъ черемуха, какъ она тянется къ солнцу, и въ какомъ забытіи она раскрыла чашечки своихъ цвѣтковъ... вонъ березка... гляди, какъ сладко раскидала она свои вѣточки въ воздухъ... все въ нихъ, въ этихъ деревцахъ говоритъ о ихъ упоеньи собственной жизнью. Знаютъ ли онѣ что-нибудь о насъ людяхъ, которымъ онѣ приносятъ и пользу и многое другое... Эхъ, Эрастикъ, поживемъ для себя.

— Совѣсть...

— Зажмурь ее.

И забывалъ тогда Григорьевъ о дѣтяхъ, которымъ собирался отдать малѣйшій мигъ своей жизни, объ уродливой жизни, окружающей его, забывалъ о томъ, что болѣе мѣсяца вотъ ждетъ Комовъ, чтобы онъ написалъ ему планъ занятій для подготовки къ экзамену на аттестатъ зрѣлости при округѣ, забывалъ, что не ходитъ на занятія съ Аріадной.

Такъ они сидѣли, пока не подкрадывался къ нимъ темноликій закатъ; и тогда только, медленно взявшись

рука объ руку, поднимались и шли среди памятниковъ и крестовъ къ выходу изъ царства успокоенія.

Отъ одной встрѣчи до другой онъ жилъ благоуханьемъ минутъ, проведенныхъ съ Людой. И оттого, что очаровательность эта отлетала, когда надъ его ухомъ раздавался хриповатый шопотъ Булавича, вздумавшаго вдругъ рассказать какой-нибудь анекдотъ или новость дня, онъ старался садиться на экзаменахъ подальше отъ послѣдняго. Но тотъ все же умудрялся подѣлиться огромными запасами своихъ свѣдѣній — сваливался, какъ снопъ на голову, и заводилъ:

— Эрастъ Романычъ, какое великое благоволеніе въ высшихъ сферахъ къ нашему училищу. Помнишь случай съ фонъ-Стрикъ, котораго окружной инспекторъ поймалъ съ шпаргалкой въ программѣ по алгебрѣ и отстранилъ отъ экзамена. Знаете, чѣмъ все окончилось? Нѣтъ? Слушайте. Папаша Стрикъ... оказывается, имѣетъ родственника товарища министра, и теперь окружной съ выговоромъ смѣщается на какую то низшую должность за неправильное производство экзамена, а дѣтище Стрика экзаменуютъ опять у насъ въ присутствіи вновь назначеннаго окружного инспектора, очевидной миссіей коего является приглядѣть, какъ бы самъ экзаменующійся не порѣзался.

ГЛАВА XXVIII.

Не успѣлъ еще Григорьевъ нажать кнопку звонка, какъ распахнулась дверь его квартиры, и онъ увидѣлъ сестру, видимо съ нетерпѣніемъ ожидавшую его прихода, радостно-возбужденную.

— Скорѣе, Эрастъ! Знаешь... такой милый этотъ... вашъ гимназическій докторъ... часъ тому назадъ былъ... пріѣзжалъ сказать, что ему доподлинно извѣстно... понимаешь, прекращено слѣдствіе по дѣлу собранія учениковъ въ гимназіи Волоховой... Андрея освобождаютъ... уже подписано распоряженіе. У насъ Люда, Аріадна, Булавичъ, Забоевъ! Да скорѣе же раздѣвайся!... обѣдаемъ живехонько... ты вѣдь съ

нами, конечно, тоже... мы всѣ вмѣстѣ къ тюрьмѣ ѣдемъ встрѣчать Андрея. — Слегка прищуривая глаза, чтобы получше видѣть, она обратилась къ спутницѣ брата. — Это вы, Аріадна? Здравствуйте! Вы тоже съ нами.

Не прошло и получаса, какъ, пообѣдавъ, вся компанія ужъ сидѣла въ трамваѣ. Катя, несмотря на довольно быстрое движеніе вагона, то и дѣло жаловалась на медленный ходъ.

Путешествіе оказалось напраснымъ, такъ какъ въ тюрьмѣ сказали, что постановленіе объ освобожденіи Щастнаго запоздало, и потому сегодня онъ не могъ быть выпущенъ. Тогда рѣшено было пойти погулять вдоль рѣки до холма, откуда довольно хорошо были видны окна камеры, въ которой, какъ это утверждала Катя, частенько навѣдывавшаяся къ холму, сидѣлъ Щастный.

Солнце уже совсѣмъ не грѣло, чувствовался часъ его захода, когда компанія подошла къ холму, гдѣ и разсыпалась въ разныя стороны, Григорьевъ и Люда спустились къ рѣкѣ на мостикъ для причаливанія лодокъ. Забоевъ, что-то напѣвая, побрелъ по лугу. Булавичъ въ тяжелой одышкѣ разложилъ свой пиджакъ у берега для Аріадны, оставшейся возлѣ него, самъ же сѣлъ рядомъ на камень, продолжая начатый раньше разговоръ.

День покорно уступалъ дорогу медленно подкрадывающимся сумеркамъ. Длинными и острыми полосами врѣзывался фіолетовый свѣтъ въ прозрачность воздуха и заслонялъ дали горизонта. На пригоркѣ, словно изваянная изъ бронзы, въ перемѣнномъ свѣтѣ смуглѣла фигура Кати, пристально всматривающейся въ темные прямоугольники тюремныхъ оконъ, ожидая оттуда отвѣта знакамъ, подаваемымъ ею платкомъ.

Булавичъ, съежившись подъ задувшимъ влажнымъ вѣтеркомъ съ рѣки, совершенно неожиданно, пугая Аріадну, злобно бросилъ:

— Ууу... флюсище занылъ... Дайте пиджакъ! Милліонъ сто двадцать тысячъ разъ повторялъ, для нашего брата жизнь... чортъ ее! стоитъ ли хотѣ мѣдный пятакъ? — И, когда поднялась Аріадна съ земли,

онъ взялъ Аріадну за руку, подвелъ къ концу обрывистаго берега и показалъ пальцемъ внизъ. — Смотрите... вонъ одинъ изъ фокусовъ жизни... глядите, какая она хитрющая! Вонъ тамъ парочка... сердца у нихъ ноютъ... млѣютъ... — и, кашляя и давясь, залился желчнымъ хохотомъ. — Вонъ какъ ихъ дуритъ жизнь... чтобы половчѣе имъ показать фигу съ макомъ, ха, ха, ха!...

Аріадна, оглядѣвъ рѣку, поверхность которой заходила черной зыбью, остановила неподвижно взоръ у берега, гдѣ вода лежала еще зеркаломъ, хотя и поблекшимъ:

— Эрастъ Романычъ, кажется...

Замѣтивъ, что Аріадна будто двинулась впередъ, Булавичъ попытался остановить ее:

— Тсс .. не мѣшайте... куда это вы?... пусть нацѣлуются, пока глаза въ туманѣ, ха, ха, ха...

Новый взрывъ хохота не достигъ Аріадны: она отбѣжала уже довольно далеко по пыльной дорогѣ въ городъ.

„Что за народъ бабы, не могутъ спокойно смотреть на чужія любовныя припарки,“ буркнулъ себѣ подъ носъ Булавичъ и, натянувъ на себя пиджакъ, сѣлъ на камень и сталъ глядѣть въ небо. А то стало совсѣмъ блѣдное, и темнопурпурное пятно на западномъ склонѣ его ужъ не мѣшало ему дрожать въ едва замѣтныхъ блесткахъ звѣздъ.

ГЛАВА XXIX.

Фитиль свѣчи, обгорая, постепенно искривлялся, отчего по стѣнамъ тѣсененькой комнаты при библиотекѣ, гдѣ жилъ теперь Комовъ съ сестрой, плавали мутнѣющіе слои свѣта. Комовъ этого не замѣчалъ, онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости. Передъ нимъ лежалъ большой листъ бумаги, на которомъ онъ началъ было писать — но не писалось — и онъ отбросилъ вставочку послѣ первой же написанной имъ строчки:

„Умираю за себя. Нѣтъ, за свой классъ. Нѣтъ, за всѣхъ обманутыхъ...

„Ариадна, что ты говорила сегодня? Боже мой, что ты говорила?“ Стискиваетъ руками голову, пытаюсь болью унять мучительность своей думы: вся неприглядная правда, открытая сестрой, недавніе дни обидъ, нанесенныхъ въ школѣ, поднялись передъ нимъ и наводнили его сознание призраками, скорбными и ужасными.

„Гдѣ она, гдѣ сестра?“ И представляется ему, какъ вечеромъ сегодня по приказанью сестры позвалъ извозчика и отвезъ ее. Куда? Стыдно подумать, не то что сказать. Брр... вновь стало нечѣмъ дышать, какъ тамъ, въ грязномъ дворѣ, по которому онъ шелъ съ сестрой. „Чѣмъ я могъ ее остановить?“ Спрашивалъ онъ самъ себя и, не находя отвѣта, снова торопливо писалъ.

„Умираю, потому, что не хочу... слышите ли, не могу перенести того, что въ карманѣ моего наставника лежитъ сторублевка, добытая тѣломъ моей родной сестры. Я умру... но пусть узнаютъ, что свѣтлымъ плащомъ добра теперь покрываются взяточники и подлецы.“

Свисала рука въ безпомощьи.

„Что я сдѣлалъ? Отчего они на меня... всѣ, всѣ! Или это такъ пріятно втапывать въ грязь упавшаго? Или это — согласно закону жизни, какъ выразился кто-то, разговаривая съ моей сестрой. Тогда понятно, что и Эрастъ Романычъ могъ обидѣть сестру. А обида кровавая... я чувствую, какая она жестокая. Всѣ, всѣ вы, порядочные, подняли камни, чтобы побить имъ проститутку и ея брата, учившагося на деньги разврата... а деньги то, эти деньги вы же давали, вы, порядочные! Жаль стало, что засаленная трехрублевка, брошенная проституткѣ на книжку пошла... Вы боялись, что вамъ тѣсно будетъ. Вамъ могло помѣшать наше тихое маленькое счастье.“

Опять скрипѣло перо.

„Конечно, я долженъ покончить съ собой, чтобы смертью удостовѣрить правду моихъ словъ. Иначе вѣдь вы не повѣрите мнѣ. Вотъ къ моему письму прилагаю листокъ изъ задачника, на которомъ записанъ номеръ телефона. Рука, какъ это не трудно видѣть, нашего досточтимого Ивана Ивановича, а

номеръ телефона, справьтесь въ телефонной книжкѣ... не сыскного ли отдѣленія? По этому номеру я дѣйствительно звонила, по порученію Ивана Ивановича, но я... я, вѣрьте моей смерти, я этого не знала ничего. Рѣшайте теперь сами. и пусть вашъ безпристрастный судъ возвратитъ моему трупу честное имя, отнятое при жизни..."

Такъ всю ночь, бросаясь отъ думы къ думѣ, составляла онъ обвинительный актъ школъ, поступившей съ нимъ, какъ злая мачеха.

ГЛАВА XXX.

Домъ Штромберга еще издали бросался въ глаза. Высокая стрѣльчатая башня, подъ которой покоился входъ—широкій портикъ, опоясанный колоннами—господствовала надъ фасадомъ, обложеннымъ сѣрымъ ноздреватымъ камнемъ. Огромныя окна съ рамами безъ переплетовъ были окружены темно-синими фресками. А изъ каменныхъ урнъ, украшавшихъ фундаментъ, спускалась настилка съ своими желтыми цвѣтами къ яркой зелени грядокъ, огороженныхъ отъ тротуара причудливой рѣшеткой — сплетеньемъ змѣиныхъ тѣлъ съ орлами, вздымающимися для полета крылья.

Когда впервые хозяинъ увидѣлъ свой домъ безъ лѣсовъ, его охватилъ экстазъ, и онъ не удержался, чтобы громко не воскликнуть.

— О, Домъ Радости! Домъ, въ которомъ каждый камень—мое страданіе, каждая линія—моя мысль, я отдаю тебя молодой Россіи... нѣтъ, больше, Зарѣ Человѣчества—его юношеству.

Сопровождавшій при осмотрѣ дома Штромберга докторъ кисло осклабился и замѣтилъ:

— Что это ты, Іоганнъ? Вѣдь здѣсь никого нѣтъ вблизи...

Переведя съ дома взглядъ на доктора, Штромбергъ переспросилъ:

— Никого нѣтъ?

— Іоганнъ, — внушительно сказала докторъ: —

плохіе признаки... смотри, какъ бы не спятить тебѣ съ ума... пока не поздно, прибери себя къ рукамъ!

— Пустяки, — отвѣтилъ пришедшій въ себя Штромбергъ. — Я имѣю всѣ основанія вести себя такъ, какъ веду... подумай! Впервые увидѣть... оцупать, такъ сказать, результатъ десяти лѣтъ настойчиваго труда... порой риска, связаннаго со способами приумноженія капитала. Не стоитъ ли это чего-нибудь?

— Но при чемъ здѣсь человѣчество? — насмѣшливо вырвалось у доктора.

— При чемъ, при чемъ, — разсердился Штромбергъ. — Конечно, я немного перехватилъ... но кто же не увлекался? А затѣмъ, извини... капиталъ Штромберга, это не просто капиталъ, онъ имѣетъ свое лицо... онъ нѣчто цѣнное, это — культурная сила...

Въ день акта, который праздновался въ новомъ помѣщеніи, Штромбергъ всталъ, едва посвѣтлѣло и отправился въ свой домъ наводить порядокъ. Обходя помѣщеніе и отдавая то тамъ, то здѣсь приказанія, онъ радостно припоминалъ теченье своей жизни за послѣднее время.

„Все, все удавалось... и домъ готовъ, и гимназія переходитъ въ него... и съ университетомъ правдами и неправдами покончено — дипломъ въ столѣ. Все, что нужно для мата, есть... только поднять руку“.

Зайдя въ свой кабинетъ, онъ остановился у чучела совы, пристроенной здѣсь такъ-же у письменнаго стола, какъ это было въ старомъ помѣщеніи гимназіи, и смотря на нее полупрезрительно, полулюбовно, щелкнулъ по клюву:

— Ну, что же, вѣстница несчастій, ослабли силенки... дремлешь? Ха, ха, ха!

— — —

Циферблатъ на верхушкѣ башни показалъ двѣнадцать часовъ, когда длинные ряды гимназистовъ съ топотомъ и шумомъ потянулись черезъ портикъ по лѣстницѣ, устланной ковромъ, и широкому коридору въ актовъ залъ, гдѣ и размѣщались за стульями, поставленными въ нѣсколько рядовъ передъ огромнымъ столомъ, покрытымъ синимъ сукномъ. Ожидая,

пока прибывшая на актъ публика разсаживалась, ученики обмѣнивались между собой шутками, новостями послѣднихъ дней.

— Съ выздоровленіемъ! — крикнулъ Ярмонкинъ Вольфу.

— Какъ? Я не былъ боленъ...

— Это каламбуръ моего папѣ. Видишь ли, гимназія это — дѣтская болѣзнь... вотъ какъ корь... крайне непріятная, но въ то же время почти неизбѣжна...

— Да я вотъ не болѣлъ корью...

— Ну, все равно, баронъ... вообразите... человека безъ диплома...

— Да, да... я понялъ васъ... слава Богу, отболѣли... — И обратился Вольфъ къ Мохоробельянцу: — Радъ и веселъ, Карапетушка?

— Чего радоваться! По физикѣ—три... въ спеціальное не попадешь.

— Да ты и на нуль не зналъ? — замѣтилъ Соколовъ.

— Какъ такъ?

— Спроси тѣхъ, кто слушалъ твою ахинею, что ты несъ на экзаменѣ.

— Чего несъ! Даже отвѣчалъ на отвлеченные вопросы. Объяснялъ: почему лѣтомъ дни длиннѣе, а зимой короче.

— Ну, да.

— Какъ же, — невозмутимо продолжалъ Мохоробельянецъ. — Всѣ тѣла при нагрѣваніи расширяются. Лѣтомъ жарче, вотъ дни и удлиняются.

— Ха, ха, ха!

— Карапетъ, а какъ будетъ мужской родъ отъ стрекозы?

— Стрее... нѣтъ мужского рода!

— Подумай: Коза—козелъ.

— Та, та—конечно, стрекозелъ!

— На мѣсто, пять... ха, ха, ха!

— А какъ будетъ женскій родъ, Карапетъ, отъ клопа?

— Пошли къ чорту!

— Не знаешь? И отъ попа не знаешь?

— Матушка.

— Эхъ, ты кавказская образина. . попадаья.

— Знаю, знаю... клопъ—клопадыя!

— Ха, ха, ха!..

— А какъ вы собираетесь поступить съ матушкой клопадыей, Каролинхенъ? — хитро поглядывая сквозь пенснэ промямлилъ—что считалъ шикомъ — пиита Ивановъ. — Такія женщины—рѣдкость въ наше время. Ты, вѣроятно, въ ней найдешь не только очаровательную женку, но и украшенье твоего салона...

— Отстань.

— А, когда поженишься, ревновать ее къ прошлому будешь? Это серьезный вопросъ. Бракъ... тебѣ не мѣшало бы познакомиться съ современными теоріями...

— Завелъ музыку, перестань, — бросилъ кто-то изъ сосѣдей Иванова.

— Нѣтъ, это интересно. Полно дуть моторныя шины, Карапетъ. Когда ты женишься?... хочу быть на свадьбѣ...

— Какъ только стану инженеромъ.

— Да ты имъ никогда не будешь.

— Почему?

— Чертежи одни... да куда тебѣ!

— Чертить можно нанять: мнѣ отецъ деньжатъ даетъ.

— А математика?

— Хе, хе... наймемъ держать экзаменъ. Такъ мой товарищъ Адабашьянъ дѣлалъ.

— Кой же изъ тебя толкъ будетъ? Куда же ты будешь годиться?

— Не безпокойся! Такъ заругаемъ рабочій... ай, ай... почище другого инженера будемъ!

— Оставьте, господа, — сердито замѣтилъ Галкинъ. — Смотрите... вонъ тамъ въ коридорѣ... какъ будто бы Комовъ идетъ...

— Тсс... актъ начинается... тсс.

На кафедрѣ у стола, по срединѣ котораго съ видомъ переваривающаго пищу барана возсѣдалъ Данеманъ, окруженный педагогами, поднялся Макушинскій. Въ его рукахъ блѣлъ адресъ гимназіи отъ выпускного класса.

— „Юлій Христіановичъ, — читалъ онъ: — Вы

поручили корабль „Свѣтъ Знанія“ искусному кормчему. Направляемый его твердой рукой онъ плыль, разбрасывая по берегамъ сѣмена просвѣщенія. И вотъ рейсъ, первый рейсъ перваго изъ вашихъ кораблей, Юлій Христіановичъ, совершенъ. Мы сходимъ на землю. Много было волненій въ пути, частенько пассажировъ охватывалъ страхъ, но неизмѣнно они находили мощную поддержку въ доблестной командѣ судна и его неустрашимаго капитана — Ивана Ивановича. Сердечное спасибо за это!“

Макушинскаго на кафедрѣ смѣнилъ одинъ изъ родителей.

— „Намъ дорога ваша гимназія, Юлій Христіановичъ, такъ какъ въ общеніи съ ней протекаетъ молодость нашихъ дѣтей, съ нею связаны ихъ игры и мечты. На ученической скамьѣ въ вашей гимназіи для нашихъ дѣтей раскрывается все многообразіе окружающаго насъ міра, выясняются жизненныя задачи, возбуждается и поддерживается стремленіе къ правдѣ и добру. Привѣтствуя васъ, Юлій Христіановичъ, мы не можемъ умолчать о безконечныхъ заслугахъ передъ нашими дѣтьми вашего ближайшаго помощника — Ивана Ивановича Штроберга. Мы искренно желаемъ, чтобы еще много поколѣній въ продолженіе многихъ лѣтъ прошли, какъ и наши дѣти, эту радостную школу“.

Еще адреса и еще.

— — —

„До встрѣчи съ вами я была проститутка съ надеждами, а теперь я твердо знаю, что проститутокъ иногда жалѣютъ, но никогда не любятъ. Но о чемъ же говорить! Каждый человѣкъ даетъ то, что можетъ. Вотъ я отдаю, что могу, а именно ухажу, чтобы присутствіе падшей женщины не могло омрачить ваше чистое счастье. Одно прошу: не думайте, что это легко. За все благодарная Аріадна“.

Таково было столь лаконическое письмо, которое утромъ сегодня доставила почта Григорьеву. Прочелъ его и задумался; „все вѣдь не такъ, какъ она думаетъ“. Но чудилось, что чей-то грозный окрикъ раздавался позади него: „Ты виноватъ! Ты обманулъ“.

ее!... говорилъ о добрѣ, о красотѣ... а самъ, самъ-то ты завязъ въ грязи равнодушія къ чужой душѣ, копаясь въ мелкихъ личныхъ горестяхъ и радостяхъ!

„Это не такъ“, возмущался его разумъ, но онъ былъ безсиленъ доказать свою правоту. И онъ, вспомнивъ объ актѣ, машинально пошелъ къ дому Штромберга.

Очутившись въ коридорѣ, ведущемъ въ актовый залъ, онъ увидѣлъ невдалекѣ отъ себя Комова, стоявшаго съ Штромбергомъ.

„Спросить у Комова, гдѣ Аріадна... и ѣхать за ней, сейчасъ же объясниться!“ — мелькнуло у него, но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ замѣтилъ, что Комовъ, сдѣлавъ какой-то странный прыжокъ, повалился всѣмъ тѣломъ на Штромберга.

Черезъ мигъ онъ услышалъ спокойный голосъ Штромберга:

— Съ Комовымъ обморокъ. Помогите мнѣ, Эрастъ Романовичъ, снести его въ докторскую.

Еле дотащился съ Комовымъ Григорьевъ до чуланчика при докторской. Штромбергъ попросилъ его остаться, заявивъ, что идетъ за докторомъ.

Оставшись наединѣ, Григорьевъ наклонился къ распростертому на полу Комову:

— Комовъ! Николай! Отзовитесь!

Склизко-тягучее омочило его руки.

„Что это?“ — недоумѣвалъ онъ.

Въ чуланчикѣ было темно. Прежде, чѣмъ освѣтить окружающее, онъ изломалъ отъ волненія нѣсколько спичекъ. Послѣ нѣсколькихъ томительныхъ минутъ онъ наконецъ съ горящей спичкой приблизился къ Комову. Тотчасъ же отдернулся назадъ: передъ нимъ находилось посинѣвшее, пучеглазое, искаженное мукой лицо: изо рта клокоча извергалась пѣна.

„Отравился?“

На полу валялся конвертъ. Чуланчикъ былъ пустой, и было ясно, что конвертъ выпалъ изъ кармана Комова. Трясущимися руками поднялъ онъ этотъ конвертъ и вскрылъ. При перемѣнномъ свѣтѣ безпрестанно зажигаемыхъ спичекъ онъ охватилъ содержаніе письма.

„Умираю за правду... пусть смерть моя послужит толчком тому сильному, кто сумеет защитить насъ маленькихъ“, — неслись обрывки строчекъ въ сознаніи Григорьева, и ужъ какой-то кружащій вихрь туманилъ его и пригибалъ къ землѣ. Странная слабость сковала все его тѣло—ни растиснуть зубы, ни шевельнуть мускуломъ. Мозгъ горитъ, какъ ярко-пылающій раздуваемый вѣтромъ, факель, но тѣла нѣтъ, оно исчезло.

Ясно слышалъ шаги. Хотѣлъ двинуться—нѣтъ силъ. Видитъ снопъ свѣта надъ тѣломъ Комова отъ электрическаго фонарика. Видитъ...

Штромбергъ съ полотенцемъ въ рукахъ опустился на колѣни... накрылъ полотенцемъ лицо Комова и видимо жметъ его, напрягая всю свою силу.

На порогѣ докторъ. Штромбергъ отнимаетъ полотенце отъ лица Комова, вытираетъ пѣну у рта.

— Готово.

— Нужно пригласить полицію.

— Полицію? Что ты!

— А почему бы?..

— Ты забылъ, что за стѣной актъ... Понимаешь ли, что произойдетъ... репутація гимназіи. А мы съ тобой, кажется, пайщики...

— Вези Комова куда-нибудь въ лечебницу—у тебя пріятелей уголъ непочатый. Сдай въ лечебницу... ну, тамъ: поднять на улицѣ. Приложимъ записочку—лишаютъ же себя жизни изъ-за любовныхъ неудачъ. Ну, а въ газетахъ... я уже это устрою... не напечатать фамиліи Комова и того, что онъ былъ ученикъ нашей гимназіи.

— А какъ же вывеземъ его отсюда?

— Нѣтъ ничего легче. Сегодня намъ привезли растенія въ рогожахъ. Завернемъ его въ рогожу... Петръ снесетъ—вѣрный человѣкъ, да онъ и не догадается. Иди... рогожи направо возлѣ буфетной...

По выходѣ доктора Штромбергъ принялся осматривать съ электрическимъ фонарикомъ все вокругъ: не осталось ли чего-нибудь компрометирующаго. Скользя по стѣнѣ, лучъ отъ фонарика остановился на Григорьевѣ. Послѣднему показалось, что въ пер-

вую минуту Штромбергъ хотѣлъ броситься на него, но этого не произошло.

— Эрастъ Романычъ!.. Эрастъ Романычъ! — нѣсколько разъ позвалъ Григорьева Штромбергъ, но видя, что тотъ, не двигается, сталъ поджидать доктора, котораго и встрѣтилъ словами:—я и забылъ... смотри Карлъ... досадный свидѣтель... вотъ только что-то странное съ нимъ... словно застылъ. . не отзывается.

Докторъ, выхвативъ фонарикъ изъ рукъ Штомберга, поднесъ его накаленную нить къ зрачкамъ широко-открытыхъ глазъ Григорьева.

— Не моргаетъ... и рефлексъ отсутствуетъ .. типичный шокъ. У насъ есть эфиръ?

— Да. А зачѣмъ?

— Скорѣ смочи полотенце водой... сверху эфиръ... Это, Юганнъ, удачное стеченіе обстоятельствъ... все обойдется... поспитъ свидѣтель немножко... а проснется, если что и видѣлъ, за сонъ сочтетъ.

Черезъ мигъ Григорьевъ ощутилъ холодъ въ кожаномъ покровѣ на лицѣ и ѣдкій запахъ эфира въ носу. Почудилось, что-то шлепалось о полъ, а потомъ послышалось шуршанье.

„Закатываютъ, — пробѣжало въ мозгу Григорьева, и онъ потерялъ сознание“.

Случайно полотенце сползло съ части головы Григорьева, и его легкихъ сталъ достигать притокъ свѣжаго воздуха отъ вентилятора, открытаго въ докторской, вѣроятно, затѣмъ, чтобы удалить оттуда запахъ эфира. Мало-по малу онъ очнулся и пришелъ въ себя. Собравшись съ силами, переползъ сквозь оставленную изъ чуланчика незатворенной дверь въ докторскую.

„Сонъ? — Засунувъ руку въ карманъ, нащупалъ свернутую бумагу; вытащилъ предсмертное письмо Комова. — Нѣтъ, правда... все правда!“ И бросился къ выходу. Бился головой о дверь, пока передъ нимъ не разверзлась бездна безсилія. Отдыхалъ на стулѣ, тупо осматривая докторскую. Случайный взглядъ на стѣну возлѣ шкафчика. „Что это? тамъ на гвоз-

дикъ... ключъ, ключъ!“ И кто-то будто-бы подсказывалъ: „Попробуй... возьми ключъ и попробуй! Новое зданіе: вездѣ по второму экземпляру ключа размѣщено... чтобы не затерять“... Взялъ ключъ и вставилъ въ замокъ.

— Краакъ; кррр—раскрылась дверь.

Онъ очутился въ коридорѣ. Шатающейся походкой поплелся къ входу въ актовъ залъ. Говорилъ Штромбергъ.

— Я со всѣхъ сторонъ слышу упоминаніе моего имени. Но... при чемъ же я, господа? Это такъ неожиданно. Спасибо вамъ! Но, все-таки, при чемъ я здѣсь, не понимаю? Юлій Христіановичъ первый заложилъ камень нашей школы, а цементъ для скрѣпленія камней — дали вы, педагоги. Этотъ цементъ—ваша любовь къ дѣтямъ. Я же, если и имѣю право на вниманіе то, какъ частичка этого цѣлаго — педагогической семьи.

Чѣмъ плавнѣе тянулась вереница словъ Штромберга, тѣмъ сильнѣе Григорьевъ порывался броситься на середину зала и кричать, кричать — пусть знаютъ правду! Но его тѣло, жалкое и презрѣнное тѣло—такъ поносилъ онъ послѣднее про себя—отказывалось ему служить: разбитое и изнуренное, оно трепетало въ боязни, что не сумѣетъ сохранить равновѣсія, если оставить свою опору—половинку входной двери. На спинѣ выступила холодная испарина отъ страха, что нѣтъ силъ, и онѣ могутъ не придти. Но онъ будетъ сегодня кричать о томъ, что ему довелось узнать, но это не будетъ крикъ слѣпого ужаса, вопль отчаянія. И онъ копилъ силы, чтобы какъ можно крѣпче и громче прозвучалъ его карающій и обличающій гимнъ.

Межъ тѣмъ, наполняя его все большимъ и большимъ гнѣвомъ, доходилъ до него красиво вибрирующій голосъ Штромберга.

— Но мы еще должны помнить, что безъ дѣтей, безъ поддержки, безсознательно изливаемой послѣдними, мы педагоги—ничто. И если чей праздникъ сегодня, такъ праздникъ Школы-Солнца, этого прекраснаго Солнца, которое своимъ свѣтомъ разливаєтъ по лицу нашей дорогой родины тепло и радость. Склонимся же передъ величіемъ этого свѣтила вмѣстѣ

со всѣмъ русскимъ народомъ. И пусть новый домъ нашей школы будетъ навсегда Домомъ Радости...

— Ложь, ложь, ложь! Ваша школа! Ваша школа! Это — бойня свѣтлыхъ идеаловъ...

Къ кричащему Григорьеву подступили со всѣхъ сторонъ.

— Берегите дѣтей! Когда я учился... была просто — казарма, и баста. Такъ и знали, куда дѣтей приходилось посылать. А теперь, ха, ха, ха!... Домъ Радости!! Хорошій вы выбрали торговый знакъ для вашей фирмы, господинъ Данеманъ и Компанія. Домъ Радости, Иванъ Ивановичъ? И для того, чей трупъ вы сегодня закатали въ рогожу? Ловко придумано... А отчего бы не написать, что иногда господамъ Штромбергамъ требуется сторублевка, и для этого приходится сестрамъ братьевъ, желающихъ побыть въ вашемъ Домѣ Радости, продавать себя по притонамъ!... Школа, ха, ха, ха... лавочка! Обижаетесь, господинъ Штромберг... вы по мелочамъ не торгуете... хорошо, хорошо... фабрика аттестатов!...

Бурный тушъ по приказанію Штромберга заглушилъ крики Григорьева. Къ нему подскочили служителя и выволокли изъ зала.

Смятенное и испуганное выраженіе на лицахъ присутствующихъ продолжалось недолго. По мѣрѣ того, какъ развертывалось разъясненіе случая, которое счелъ нужнымъ дать Штромбергъ, возвращалось прежнее настроеніе.

— Вы слышали, какую небылицу возвели сейчасъ на школу? Но не съ чувствомъ гнѣва, а съ чувствомъ сожалѣнія мы должны отнестись къ клеветнику, ибо онъ жертва — не даромъ устроилась свободная школа, и путь борьбы за нее усѣянъ и слезами, и горемъ, и безуміемъ. Этотъ ораторъ, неожиданно разбившій праздничность сегодняшняго дня, — одинъ изъ педагоговъ, нашихъ товарищей, отдавшій самого себя дѣлу воспитанія юношества; его чуткая душа не перенесла безслѣдно недавнихъ дней реакціи... хотя нашъ докторъ давно уже указывалъ на симптомы его нездоровья, но, такъ какъ въ его поступкахъ ничего не было угрожающаго, мы не хотѣли лишить его любимого труда. Господа, сегодня праздникъ школы,

новой школы. Поднимемся же и почтимъ въ лицѣ этого сумасшедшаго педагога всѣхъ тѣхъ, кто отдалъ ей, этой школѣ, не только свой трудъ, но и свои жизненные силы, свое здоровье. Кто, болѣя душой за судьбы школы, такъ или иначе самъ ушелъ изъ жизни...

Незамѣтно вздрогнули въ легкой усмѣшкѣ губы Штромберга, когда всѣ бывшіе въ залѣ поднялись, какъ одинъ человѣкъ. И ощущение власти надъ толпой людей, такъ покорно послѣдовавшихъ его призыву, наполнили его преклоненіемъ передъ самимъ собой, и онъ былъ готовъ, подобно тому, какъ это считалъ почти каждый изъ присутствующихъ въ залѣ, считать Штромберга, то есть самого себя, озареннымъ дыханіемъ геніальности.

ГЛАВА XXXI.

Наталья Михайловна осталась совсѣмъ одна въ квартирѣ. Горничная и кухарка были взяты съ утра Штромбергомъ для услугъ на обѣдъ послѣ акта въ новомъ помѣщеніи гимназій.

По веснѣ стала къ ней возвращаться бывлая живучесть, день за днемъ наполнялись крѣпостью ея мускулы, — быть можетъ, оттого еще радостнѣе она привѣтствовала приходъ нѣсколькихъ часовъ, когда можно, не боясь чужихъ настороженныхъ взглядовъ и возможныхъ ненавистныхъ ей разговоровъ съ окружающими, испытать надежность и устойчивость силъ, накопившихся въ ней.

Походивъ по комнатѣ, она подошла къ окну и, распахнувъ его, усьлась на подоконникѣ: вытягивая руки, кончиками пальцевъ ловила рѣдкія, но крупныя капли дождя, срывавшіяся изъ низко ползущихъ надъ землей ключевидныхъ тучъ. „И голова не кружится, — блаженно вдыхала она въ себя сыръ воздуха: — о, я совсѣмъ здорова, совсѣмъ... и могу, наконецъ, уйти на волю.“ Смутное сладостное волненье пронеслось надъ ней, и звуками своихъ невидимыхъ рѣющихъ крыльевъ начала звать ее къ себѣ мечта. И оттого

съ сожалѣніемъ покинула она подоконникъ, услышавъ рѣзкій звонокъ изъ передней.

Звонилъ посыльный.

— Мнѣ? — удивилась она, взявъ въ руки поданное ей письмо. — Отъ кого это? — Но знакомая аляповатость почерка быстро бросилась въ глаза и рѣшила этотъ вопросъ.

„Сегодня я уже на свободѣ. Сегодня же мнѣ необходимо уѣхать отсюда. Уѣхать далеко... и, возможно, что навсегда. Пишу, побуждаемый непреодолимо выросшимъ во мнѣ желаніемъ. Видите ли... по дорогѣ на вокзалъ я буду проѣзжать мимо оконъ вашей квартиры — это будетъ ровно въ одиннадцать часовъ вечера — я остановлю извозчика, чтобы протѣться съ домою, стѣны котораго были свидѣтелями самыхъ радостныхъ минутъ моей жизни. И вотъ — что подѣлаешь съ собой! — мнѣ кажется, нѣтъ, я увѣренъ, что мой прощальный взглядъ увидитъ въ окнѣ кивокъ вашей головки... кивокъ, который я унесу съ собой въ далекій путь, какъ залогъ увѣренности, что у меня была не только моя къ тебѣ, но наша, Наташа, любовь.“

Прочтя письмо, она подняла голову — посыльнаго уже не было въ передней. Межъ тѣмъ она ясно ощутила въ себѣ потребность отвѣтить Андрею, потребность, которая росла и ширилась съ каждымъ мигомъ въ нестерпимо жгучее чувство.

Машинально зайдя въ кабинетъ мужа, она подошла къ письменному столу. Бумаги, которая нужна была ей, чтобы написать отвѣтъ, не было видно. Тогда она взяла связку ключей, забытую Штромбергомъ второпяхъ на столѣ, и, отперевъ замокъ ящика справа, гдѣ, какъ она знала, лежала почтовая бумага, она выдвинула ящикъ. Ей попались подъ руку: какія-то квитанціонныя книжки, транспарантъ... все не то, что нужно. Наконецъ, она наткнулась на связку конвертовъ. „Чьи то письма“, въ разочарованіи хотѣла она отбросить связку, видя, что въ ней находятся исписанные листочки, и продолжать свои поиски, какъ невольно ея вниманіе привлекъ легкій запахъ геліотропа, идущій отъ связки, запахъ, такъ ею люби-

мый. Развязавъ веревочку, она взяла наугадъ одно письмо изъ пачки.

— Какъ онъ подлъ! — вырвалось черезъ секунду у нея восклицаніе. — Это вѣдь наша переписка! Какая гадость — перехватывать!... — Перебирая письмо за письмомъ и прочитывая ихъ, она незамѣтно для самой себя отдѣлалась отъ приступа охватившаго было ее гнѣва. Строчки поздно дошедшихъ до нея писемъ Андрея, вызвали у нея такое состояніе, словно она прочла рассказъ о чьемъ-то чужомъ счастьѣ, такомъ свѣтломъ и лазоревомъ, что оно, пожалуй, возможно лишь въ сказкѣ, и, забывъ обо всемъ на свѣтѣ, хотѣла еще и еще разъ погрузиться въ лучи грезы.

Потомъ все это выросло въ непоколебимую рѣшимость идти къ Андрею. „Андрей! Наша любовь не была, а она есть, есть!“ и, ужъ не задумываясь, она побѣжала въ свою комнату. „Собираться! Собираться! Къ Андрею!“

Уложивъ немного бѣлья въ небольшой саквояжъ, она подошла къ одежному шкафу. „Возьму синее... самое простое, рабочее“. И, просунувъ руку въ гущу платьевъ, она нечаянно сбросила съ вѣшалки свой подвѣнечный нарядъ. Желая отбросить его отъ себя, какъ ненужный ей, она сдѣлала неловкое движеніе, запутавшее ея ноги въ шуршащій шелкъ. Это случайное прикосновеніе ея къ подвѣнчному платью напомнило ей о мужѣ, о всей ея жизни съ послѣднимъ отъ первой минуты ихъ знакомства. Жуть и гадливость влились въ ея сердце. Быстро подобравъ юбку, она переступила черезъ свое вѣнчалное платье, и съ такимъ жестомъ, словно нога ея очутилась не на ткани, сіявшей бѣлизной, а въ гнойной лужѣ, она отскочила въ сторону. И вся горѣла отъ нанесеннаго ей ничѣмъ несмываемого оскорбленія. „Зачѣмъ оно было у меня? Зачѣмъ? — заломала она руки. — Проклятое платье!“ И почувствовала, что не можетъ ни минуты долѣе оставаться въ этихъ комнатахъ, гдѣ каждая вещь, какъ это ей казалось, вопила ей о грязи, въ какой она жила.

— Отсюда, изъ этого дома я ничего не могу взять съ собой! — твердо сказала она вслухъ и ушла, какъ могла скоро, на улицу.

ГЛАВА XXXII.

— Отказаться отъ него?... да вѣдь это то же самое, какъ откázatься отъ самаго дорогаго! — подскочивъ къ Катѣ, сидѣвшей у столика въ своей спальнѣ, и глядя ей въ упоръ, чуть ли не крикнула Наталья Михайловна.

— Да, да... вы подумайте: ему грозитъ арестъ, его имя поставлено въ связь съ майской забастовкой на заводахъ, уже знаютъ, что онъ крупный работникъ, мнѣ сказали товарищи Андрея, что, если онъ будетъ пойманъ, ему грозитъ каторга .. докторъ изъ вашей гимназіи, принимающій участіе въ Андреевѣ, помогаетъ ему бѣжать... все налажено... вы же свяжете его: у васъ нѣтъ заграничнаго паспорта... онъ будетъ ждать васъ и... вы сами понимаете. Но, положимъ, это улажено, такъ вѣдь вашъ мужъ, узнавъ о вашемъ побѣгѣ, подыметъ на ноги полицію и вы... вы сами предадите его въ руки тѣхъ, что не знаютъ пощады. Хорошо, допустимъ, что и это уладится — вы за границей. Посмотрите же на себя, какая вы слабая... вы больная, а у него нѣтъ средствъ... изъ-за любви къ вамъ онъ станетъ искать кусокъ хлѣба и кровь для васъ... это же возъметъ все его время — и онъ... да вы сами понимаете, во что онъ долженъ будетъ превратиться.

— Вамъ легко говорить. Но если бы вы были на моемъ мѣстѣ, вы бы тогда поняли... если бы вы любили...

— А почему вы думаете, что я не люблю...

— Какъ? И давно?

— Когда это пришло, я не знаю... тогда ли, когда я, слыша отовсюду объ Андреевѣ, о томъ, какъ онъ говорилъ на собраніяхъ, о томъ, что онъ сдѣлалъ, по ночамъ съ гордостью на своей дѣвической кровати думала: „это говорилъ, это сдѣлалъ мой мужъ“... или тогда, раньше, когда мы еще и по названью не были мужемъ и женой... но я люблю его, люблю. И судите теперь; кому изъ насъ легче, вамъ или мнѣ, даже капли ласки не получившей отъ него.

— Вамъ не легче... — промолвила Наталья Ми-

хайловна и замолчала, поникнувъ головой. Немного погодя, смущаясь и краснѣя, она спросила:

— А вотъ я подумала... простите меня за откровенность... вдругъ вашими устами говорила со мной ревность... какъ же тогда?

— Ревность! Ревность! Да что же это такое?... послѣ всего, что мы говорили, вы смѣете такъ думать, — гнѣвно сдвинувъ брови, рѣзко проговорила Катя.

— Простите меня... ради Бога простите...

— Нѣтъ, нѣтъ... вы не виноваты ни въ чемъ... я все забываю, что чувства собственничества вѣлись въ нашу плоть и кровь; все забываю, что подъ угломъ этого чувства привыкли мы съ дѣтства глядѣть на многія стороны нашей жизни. Ревность... наслѣдіе отъ нашихъ предковъ... эта страшная жажда обладать только одному другимъ человѣкомъ, любимымъ и близкимъ, какой бы то ни было цѣной... вы правы, обращаясь ко мнѣ съ вопросомъ, который должна была подсказать вамъ наша повседневная жизнь... но и я права... да, да, права — обидѣться за предположеніе, что ревность могла руководить мной! Вы подумайте... я — другъ Андрея, того Андрея, который съ другими творитъ новую жизнь, работаетъ надъ созданіемъ единенія между человѣческими существами... человѣческими, а не звѣриными, слышите ли!... о какой же ревности можно говорить. Не какъ соперница въ любви, а какъ такая же, какъ и вы, полная любви къ нему, я обращаюсь къ вамъ и прошу...

Наталья Михайловна, схвативъ Катину руку, остановила ее:

— Не надо больше словъ... я поняла васъ... вы убѣдили. Я попрошу у васъ дать мнѣ немного времени, чтобы дать вамъ отвѣтъ... вопросъ всей моей жизни... такъ рѣшить сразу... повремените...

Катя поглядѣла на часы:

— Андрей съ минуты на минуту долженъ придти и, если онъ застанетъ здѣсь васъ, то...

— Да, да... мнѣ нужно уйти. — Немного подумавъ, Наталья Михайловна продолжала: — пойдѣмте вмѣстѣ со мной, немного проводите меня... пока я буду обдумывать...

На улицѣ дулъ довольно сильный вѣтеръ. Особенно это чувствовалось на мосту.

— Посмотрите! — заговорила Катя, обращаясь къ молчаливо шедшей возлѣ нея Натальѣ Михайловнѣ и указывая на бурлящій просторъ рѣки.

Темная синь воды съ бѣлыми барашками была наполнена словно осколками зеркала, тускло отражающими прощальные лучи солнца изъ-за рѣшетчатого просвѣта, образовавшагося въ облачномъ сводѣ на западѣ—шелъ запоздалый ледъ изъ озера.

— Ледъ... ледъ весной!

— Къ морю... далеко, къ морю идетъ она... — всматриваясь въ далекій изгибающійся берегъ рѣки,— тихо зашептала Наталья Михайловна.— Но до завтра... вѣроятно, только до завтра она будетъ жить... взблестнетъ на восходѣ и растаетъ... не дойдетъ до моря... слишкомъ поздно пошла на зовъ... слишкомъ поздно.

— О чемъ это вы? Кто это—она?

— Она? Вы спрашиваете, кто она? Весенняя льдинка... она, такая же ненужная и запоздалая, какъ и я... — И, совершенно не обращая вниманія на Катю, жаднымъ взоромъ принялась слѣдить за быстро плывущимъ льдомъ.

— Что съ вами? Вы вся дрожите...—обняла Наталью Михайловну Катя. — Какія мысли у васъ?

— Умереть...

— Вы нужны ему...

— Ему?

— Да, да... Сейчасъ же идите домой. И помните: одиннадцать часовъ! Вы должны благословить его на далекій путь...

— Въ этотъ домъ... войти въ него... да когда я только подумаю...

— Но вы пойдете, — сурово вырвалось у Кати.— Онъ имѣетъ право на эту радость.

— А послѣ что? — растерянно спросила Наталья Михайловна.

— Послѣ? Приходите ко мнѣ и мы сговоримся... будемъ вмѣстѣ... постараемся хоть чѣмъ-нибудь послужить его дѣлу... здѣсь, въ Россіи.

Наталья Михайловна судорожно прижалась къ Катѣ.

— Спасибо вамъ! Какъ мнѣ легко стало смотреть на міръ вашими глазами. Какъ надежно опираться на васъ... Какая вы сильная... вмѣстѣ черезъ всю жизнь пронесемъ нашу любовь... будемъ сестрами... правда?

Катя кивнула въ отвѣтъ головой.

И сплелись въ дружескомъ пожатыѣ руки двухъ сестеръ по любви, самоотверженной и истинной чело-вѣческой.

ГЛАВА XXXIII.

Обѣдъ, устроенный въ новомъ помѣщеніи гимназіи по случаю акта затянулся до вечера. Было предложено множество тостовъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не подумали даже случайно вспомнить о Данеманѣ: забытый сидѣлъ онъ за столомъ, нѣтъ-нѣтъ и поглядывая со злобной хитринкой въ глазахъ на присутствующихъ. Штромбергъ положительно млѣлъ отъ удовольствія: обѣдъ въ концѣ концовъ вылился въ форму чествованія его дѣятельности. Десятки спичей произносилъ онъ, находя почти для cadaго изъ присутствующихъ два-три привѣтливыхъ слова. Преподавательницу французскаго языка онъ называлъ „Ангеломъ Хранителемъ нашихъ дѣтей“. Къ Булавичу онъ обратился съ пространнѣмъ словомъ, закончивъ его тостомъ.

— Какъ баннѣ листъ прилипъ къ двадцатому числу! Ура! — подхватилъ Булавичъ.

Къ концу обѣда языки развязались у всѣхъ. Папаша Мохоробельянцъ тоже пожелалъ высказаться:

— И мы будемъ говорить, какъ бывшій родытыль, то есть, мы сына имѣемъ, но онъ ужы ны идіотъ, онъ ужы получилъ аттыстатъ. Позвольте намъ, бывшему родытыль...

Кто-то подсказалъ Мохоробельянцу: „и будущему“, что тотъ сейчасъ же и повторилъ. Дружный хохотъ заставилъ его призадуматься надъ подсказаннымъ ему словомъ, послѣ чего онъ яростно закричалъ:

— Мы ни будущій родытыль... такой глупосты

не дѣлаэмъ... мы объявляемъ забастовку—довольно
удіотовъ... денегъ не хватаетъ... довольно!..

Мохоробельянца почти насильно усадили на стулъ,
на которомъ онъ продолжалъ ерзать до окончанія
обѣда и обиженно мычать.

Передъ тѣмъ, какъ подняться изъ-за стола,
Штромбергъ провозгласилъ послѣдній тостъ:

— Обѣдъ законченъ, но я прошу вашего разрѣ-
шенія... позвольте мнѣ еще нѣсколько минутъ удер-
жать ваше вниманіе. Я хочу обратить ваше вниманіе,
господа, какъ оживленъ былъ нашъ сегоднешній
праздникъ, сколько высокихъ, истинно-вдохновенныхъ
и идейныхъ словъ было произнесено. Поглядите на
лица окружающихъ—ихъ осѣнила улыбка счастья за
радостно устрояющуюся школу. Позвольте же мнѣ
поднять послѣдній разъ бокалъ за дальнѣйшее про-
цвѣтаніе нашей школы и пожелать ея работникамъ,
бывшимъ, настоящимъ и будущимъ, носить съ
честью...

— Мундиръ, — вырвалось у Булавича.

— Не мундиръ... его оставимъ чиновникамъ
министерства! А высокое имя педагога!

Въ числѣ обѣдающихъ находился чиновникъ изъ
округа—тотъ самый, который составлялъ докладную
записку о дѣятельности Штромберга по просьбѣ
Данемана. Его страшно задѣли слова Штромберга,
и онъ, быстро вскочивъ съ мѣста и облизнувшись,
предложилъ:

— Я, господа, предлагаю выпить за дѣйстви-
тельнаго статскаго совѣтника Юлія Христіановича
Данемана.

— Какъ?

— Что?

— Дѣйствительный статскій совѣтникъ.

— Да, господа! Вчера пришла бумага въ канце-
лярію округа. Что же здѣсь удивительнаго: гимназія
имѣетъ всѣ классы. Теперь господинъ Данеманъ пол-
ный директоръ и по его просьбѣ назначаются ему въ
помощь инспекторы...

— Назначается инспекторъ?

— Вчера самъ носилъ къ управляющему округомъ

на подпись назначеніе инспекторомъ Лебедева... кстати подошло, что у васъ освобождаются уроки...

— Какъ освобождаются?

— Да вотъ г-нъ Штромбергъ отстраняется отъ преподаванія...

— Какъ? Почему?

— Очень просто. Г-нъ Штромбергъ, хотя и получилъ теперь дипломъ, но званія учителя у него нѣтъ.

Заявленіе чиновника о назначеніи инспектора внесло напряженность въ спокойную атмосферу только что отобѣдавшихъ. Сбившись по кучкамъ, начали обмѣниваться мнѣніями по поводу услышаннаго.

— А инспекторъ-то изъ черненькихъ!—замѣтилъ Забоевъ. Устроить намъ чистку!

— Сова не даромъ къ намъ залетѣла, — прокричалъ заплетающимся языкомъ Булавичъ.

— Сова! Сова! Не стыдно ли вамъ, господа?! — началъ мягко укорять Ласковъ.

— Тс... Новоиспеченное превосходительство, кажется, говоритъ слово. Послушаемъ! — предложилъ Забоевъ и захопалъ въ ладоши. — Тсс... тсс... это, господа, полезная вещь для пищеваренія.

Данеманъ съ бокаломъ въ рукѣ, имѣя единственнаго слушателя, чиновника изъ округа, говорилъ рѣчь, то и дѣло заглядывая въ блокъ-нотъ, когда компанія обернулась въ его сторону и начала аплодировать.

Улыбка, расплывшаяся на лицѣ Данемана, застыла отъ внезапно повисшаго въ воздухѣ пьянаго хрипа:

— Все ми-ра-а-а-жъ...

Данеманъ, подумавшій, что это относится къ нему, взвизгнулъ сердито:

— Какъ... и—что я генераль?

— Все мир-а-а-ажъ! — раздалось, какъ эхо, изъ-подъ стола возле того мѣста, гдѣ за обѣдомъ сидѣлъ Бенардаки.

Машинально отвѣчая на поклоны расходившихся послѣ обѣда гостей, Штромбергъ прошелъ въ свой гимназическій кабинетъ.

Первое, что бросилось ему въ глаза тамъ, была

сова. Что-то торжествующее показалось ему въ темномъ при слабомъ освѣщеніи настольной лампы силуэтъ чучела. И пришла на мысль легенда, связанная съ послѣднимъ. Вздвигнутое алкоголемъ сознаніе плохо справлялось съ своей работой и окутывало его бредовымъ туманомъ. Подскакивъ въ дикой безумной злобѣ къ совѣ, онъ сорвалъ ее съ подставки, швырнулъ на полъ и долго въ изступленіи топталъ ногами, пока его вниманіе не привлекъ протяжный скрипъ трущихся другъ о друга желѣзныхъ петель.

— Кто тамъ? — вздрогнулъ онъ отъ неожиданности и посмотрѣлъ въ сторону дверей.

Отвѣта не послѣдовало.

— Не подходи... убью! — хватаясь за стулъ, завопилъ онъ въ безпамятствѣ.

— Ха, ха, ха!..

Пораженный звуками сухого ѣдкаго смѣха, онъ опустился на стулъ и застылъ въ неподвижности.

— Да, Іоганнъ, серьезно... я тебѣ говорю, болѣзнь твоя принимаетъ нехорошій оборотъ. Смотрѣлъ я на твои штуки... прямо живая иллюстрація къ клиническому описанію душевнаго разстройства, типа...

— Оставьте меня!.. оставьте!

— Іоганнъ, приди въ себя. Я докторъ... Съ тобой говоритъ Петръ Бернгардовичъ... Петръ Шпанъ.

Понявъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, Штромбергъ заволновался и, подымаясь со стула, сталъ осыпать доктора обвиненіями:

— И послѣ всего вы показываетесь мнѣ на глаза? Какъ вамъ не стыдно!.. вы же сами лѣзли ко мнѣ съ вашей министерской протекціей для меня... для чего это вы дѣлали? Подвести меня! Но зачѣмъ, зачѣмъ? Я по крайней мѣрѣ не понимаю. Я не вѣрю, чтобы вамъ лично было пріятно поставить меня въ пиковое положеніе, не вѣрю! И не могу допустить, чтобы вы вдругъ увѣровали въ педагогическіе таланты Данемана. Вы знаете, что школа подъ моимъ главенствомъ будетъ во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ она была бы подъ началомъ Данемана — пусть я такой и развѣтакій... что говорить, одного сада мы съ вами ягоды! И, наконецъ, я честно выполнилъ требованія вашихъ друзей... почему же они меня надули, по-

чему? У меня документы против Данемана, и я их передамъ...

— Прежде всего, Іоганнъ, хладнокровіе. Выслушайте меня по порядку. У Данемана два сына носятъ мундиры благороднѣйшей въ мірѣ арміи, и онъ не мало оказалъ услугъ лучшей изъ всѣхъ націй. Затѣмъ, къ Данеману вы попали не случайно... Да-съ. И тогда, когда только въ вашей головѣ начиналъ созрѣвать планъ кампаніи противъ Данемана... было уже рѣшено, что никогда вамъ не позволятъ выполнить вами задуманнаго. Для васъ была приготовлена строго опредѣленная роль—наказать Данемана за одинъ его проступокъ, но не болѣе. Теперь о моей дружбѣ... я могу подтвердить вамъ, что, несмотря на мое положеніе, я не только игралъ въ дружбу съ вами, но я и былъ искренно привязанъ къ вамъ... и не я виноватъ, что васъ постигли непріятности. Залогъ моей дружбы... это то, что я сейчасъ пришелъ къ вамъ и говорю съ вами довольно откровенно. Вины вы сами. Вы хитрили... Вы хотѣли дѣйствовать тайно отъ моихъ друзей. Но они все знаютъ и безпощадны. Вспомните... не вы ли устроили арестъ Щастнаго? Вы думаете это даромъ обошлось моимъ друзьямъ: сколько волненій и хлопотъ было! Счастье ваше, что Щастный теперь выпущенъ и можетъ бѣжать... и счастье, что я просилъ за васъ... не то бы быть вамъ въ краю нашихъ предковъ.

— Рѣшительно не понимаю. Выходитъ, словно я какая-то пѣшка въ чьихъ-то рукахъ. Мнѣ опредѣлена такая-то роль, ха, ха, ха!.. Простите, я еще не сошелъ съ ума. Это не красивыя слова, это подлинное мое убѣжденіе, я ощущаю запасъ покоящихся во мнѣ силъ и остроту своего ума. Я чувствую на себѣ печать значительности среди другихъ людей!

— Ничего нѣтъ страннаго въ этомъ вашемъ ощущеніи своей силы. Это отсвѣтъ могущества той организаціи, съ которой вы соприкоснулись черезъ моихъ друзей. Вы были маленькій винтикъ, но не надо забывать того, винтъ колоссальнѣйшей машины, а помните законъ физики: дѣйствіе равно противо-дѣйствію...

— Петръ Бернгардовичъ, что за чепуха... убѣ-

дить меня въ моей посредственности все равно не удастся. Однимъ возраженіемъ я разбиваю всѣ твои доводы: ощущение силъ было во мнѣ и до знакомства съ тобой. Ты вотъ лучше скажи твоимъ друзьямъ, что быть винтикомъ хоть и колоссальнѣйшей машины—я не желаю... и мой слабый мозгъ, какъ ты думаешь, можетъ имѣть уже кой-какія комбинаціи... напримѣръ, пойти и шепнуть куда слѣдуетъ.

— Вы, Іоганнъ, этого никогда не сдѣлаете. Вамъ помѣшаетъ это сдѣлать вашъ домъ.

— Какъ?

— Вы предпочтете, чтобы закладная подъ домъ, данная вами тому, на кого, вы, вѣроятно, захотите пойти съ доносомъ, очутилась въ вашемъ карманѣ, а не въ портфель сыскаго отдѣленія—это разъ. Для этого вы даже окажете еще кой-какія услуги. Стоитъ рисковать! Вы подумайте. Тѣмъ болѣе, я сомнѣваюсь, чтобы вы смогли остаться въ живыхъ, если вздумали...

— Карлъ, я не настроенъ мистически... меня не запугаешь темными силами...

— Какъ хочешь, называй эти силы... но онѣ, повѣрь мнѣ, вполне реальны... это не мистика... тебѣ, какъ другъ, я могу сказать... что скоро, быть можетъ еще этимъ лѣтомъ весь міръ содрогнется и преклонитъ колѣна передъ мощью ихъ... и тебѣ не совѣтую шутить.

Штромбергъ, выдержавъ взглядъ доктора, не опустивъ глазъ, пробурчалъ:

— Не знай тебя... думалъ бы, что говорю съ идіотомъ...

— Такъ вотъ... слушай! Помнишь, обсуждая съ тобой планъ твоего дома, я далъ тебѣ совѣтъ построить башенку.

— Помню. Что-же?

— Эту башенку ты долженъ отдать въ полное мое распоряженіе... тамъ будетъ официально кабинетъ по космографіи и гигиенѣ, тебѣ пришлютъ изъ-за границы приборы для этого кабинета. Арендная плата десять тысячъ рублей въ годъ, уплачиваемыхъ путемъ постепеннаго уменьшенія суммы закладной на твой домъ.

— А если приборы изъ-за границы будутъ вродѣ беспроволочнаго телеграфа... въ такомъ случаѣ я...

— Поздно разсуждать объ этомъ, — сухо перебилъ его Шпанъ. — Могу только добавить, чѣмъ скорѣе вы мнѣ сообщите о согласіи на мое предложеніе, тѣмъ больше вѣроятія, что уроки въ гимназіи къ осени останутся за вами. Да, документы о Данеманѣ принесите ко мнѣ. Не забудьте. Всякая же задержка можетъ грозить вашей жизни, — и вышелъ не попрощавшись изъ кабинета.

Ошарашенный услышаннымъ, Штромбергъ и не двинулся съ мѣста. „Неужели докторъ правъ? — началъ онъ разсуждать самъ съ собой. — Можетъ ли быть, чтобы я, по своему произволу проводившій линію между добромъ и зломъ, чтобы я, живущій своимъ нравственнымъ закономъ... очутился въ положеніи игрушки въ чьихъ-то рукахъ. Нѣтъ и нѣтъ! Но почему со мной говорили такъ, въ такомъ тонѣ? Почему? Не чувствуютъ моей силы? Неужели я былъ актеромъ и передъ самимъ собой. Игралъ роль сильнаго? Неужели?“ Но мозгъ отказывался развязывать туго стянувшійся узелъ сомнѣній. Онъ чувствовалъ страшную тяжесть во всемъ своемъ тѣлѣ: „Домой!“ Нужно выпасться... а утромъ... тогда разберусь“...

По временамъ Штромбергу казалось, что вотъ-вотъ онъ задохнется. Привставъ съ тахты, онъ жадно вдыхалъ въ себя воздухъ. Голова звенѣла и кружилась. Кровь стучала въ вискахъ. Мозгъ, словно открывшійся кратеръ вулкана, горѣлъ лавой мыслей и представлений, извергавшихся изъ темныхъ бездонныхъ нѣдръ его души.

— Ну, что же дѣлать! Нужно идти на судъ, на судъ передъ самимъ собой... только побѣдителей не судятъ, а я побѣжденный... Бездарный, не видящій дальше своего носа преступникъ. И отдать свою непосредственность, свою чуть ли не юность... чему отдать? Боже мой! Сколько дней, сколько дней, которые могли бы быть милыми моими днями, прошло чортъ знаетъ какъ! Все, все... идеи, работа, жена... что взялъ я отъ нихъ для самого себя, а не для того жалкаго актера, маску котораго я напялил на себя?“

Вмѣстѣ съ воспоминаньемъ о женѣ въ него вошло что-то успокаивающее. „Она пойметъ меня... она можетъ понять, передъ ней я сброшу свою личину... и ея поддержка вернетъ мнѣ утраченный миръ“...

И онъ, одѣвшись, пошелъ къ женѣ.

Дверь въ комнату послѣдней не была заперта. При слабомъ свѣтѣ отъ лампы, стоявшей на столикѣ у кровати, онъ увидѣлъ жену невдалекѣ отъ настѣжъ открытаго окна.

— Ната, простудишься... развѣ можно такъ: сегодня такая сырая ночь! — вырвалось у него.

Наталя Михайловна даже не обернулась.

— Ната! — приползъ онъ къ ея ногамъ. — Ната! я пришелъ... первый пришелъ... мнѣ нехорошо... это — не пустые слова... понимаешь?.. я — оставленный, вотъ-вотъ закроются всѣ пути для меня... ты одна, ты одна только можешь...

Гдѣ-то невдалекѣ послышался стукъ колесъ извозничьей пролетки; все ближе-ближе и внезапно прекратился. Наталя Михайловна бросилась къ окну. Штрюмбергъ, очутившись одинъ среди комнаты на полу, осмотрѣлся, и тутъ только замѣтилъ царящій кругомъ безпорядокъ; разбросанные платья, раскрытый чемоданъ.

„Что это? — И остріе догадки вонзилось въ его сознанье. Въ безпамятствѣ налетѣвшаго звѣринаго чувства онъ поднялся на ноги. — Я ползаю передъ ней... вывернуть нутро хочу, а она... нѣтъ, шалишь!... еще когти есть, есть... Штрюмбергъ еще кусается...“

Ему стоило большихъ усилій вырвать изъ рукъ Натали Михайловны платокъ, которымъ она собиралась взмахнуть, и оттащить ее отъ окна. Задѣтый въ свалкѣ проводъ отъ лампы вывалился изъ штепселя — комната нырнула въ тьму. На мигъ сползла рука со рта Натали Михайловны, и вырвался ея придушенный крикъ:

— Андрей! — а я... только, только тво...о...о...я!..

Опять затарахтѣли колеса и покрыли своимъ шумомъ хриплый стонъ Натали Михайловны. Немного погодя стукъ сошелъ постепенно на нѣтъ, и вскорѣ стало все тихо.

ГЛАВА XXXIV.

Въ подвалѣ, гдѣ по приказанію Штромберга Петръ заперъ обезсилѣвшаго Григорьева, было мало свѣту. Тяжелый, насыщенный влагой воздухъ, какъ клещами стиснулъ его легкія, щекоча горло и вызывая сухой болевой кашель.

Долго стоялъ Григорьевъ, прислонившись къ холодной, покрытой плѣсенью стѣнѣ. Казалось, что каждая косточка въ его тѣлѣ ныла въ безконечной усталѣ, требуя немедленнаго покоя. Но лечь онъ не осмѣливался. Его ноги стояли на нѣсколько вершковъ въ какой то жижицѣ, по временамъ до его ушей доносился пискъ крысъ, — и что еще хуже, — такъ то, что онъ ожидалъ, что съ минуты на минуту могла раскрыться дверь и войти Штромбергъ. Онъ напрягалъ всѣ силы къ тому, чтобы бодрствовать, машинально сосредотачиваясь на мысли о побѣгѣ изъ подвала. Уже стало исчезать свѣтлѣвшееся высоко пятно — подвальное оконце, — но всѣ попытки что-нибудь придумать оказывались напрасными. Безъ надеждъ, просто такъ, по инерціи, онъ началъ ощупывать стѣну, какъ вдругъ его рука натолкнулась на маленькое углубленіе въ стѣнѣ, а немного повыше на довольно толстый гвоздь. Скачокъ... и онъ у оконца. Шершавые камни царапаютъ голову, нестерпимо колетъ уступъ, за который ухватилась рука. Усиліе, послѣднее усиліе... и онъ уже ползетъ по землѣ. Кое-какъ поднявшись и еле-еле передвигая ноги, онъ переходитъ на противоположную сторону улицы.

Передъ нимъ иллюминированное зданіе. Ярко пылаетъ вензель на башенкѣ надъ входомъ. Въ широкихъ зеркальных окнахъ силуэты людей... встаютъ, поднимаютъ бокалы...

„О, обманчивые лживые огни! Знаю вамъ цѣну! Проклятые болотные огни.“

Поднялся и побрелъ прочь, куда глаза глядятъ.

Вотъ застава. Пошли пустыри съ одинокими домиками. Поле. За нимъ рядъ холмиковъ. Это кучи навоза на свалочномъ мѣстѣ за городомъ. Присѣлъ на одной изъ кучъ и сталъ глядѣть въ сторону, откуда только что пришелъ.

Притаившимся гадомъ чернѣлъ городъ въ туманѣ своихъ ядовитыхъ испареній.

„Какъ можно жить въ такой ямѣ?“ — подумалъ онъ и, отвернувшись, долго любовался, какъ разсвѣтъ склонился надъ крѣпко-спящимъ лѣскомъ за зеленѣющимъ огородомъ своимъ ясно-жемчужнымъ ликомъ, пока не охватила истома. Стало все безразличнымъ. Закрылись глаза.

Нѣсколько мгновеній, пока не угасло сознаніе, онъ думалъ о Людѣ. И не слышалъ, какъ поле жалобнымъ шипѣніемъ тлѣющей золы отозвалось на мелкіе удары предутренняго дождя.

ГЛАВА XXXV.

Спать объятые блѣднымъ небомъ бѣлой ночи гранитные берега шхеръ. Тихо-тихо вздымается море, заигрывая съ далекимъ, слабо блестящимъ огонькомъ маяка.

Невдалекѣ отъ пароходной пристани сумракъ хвой укрываетъ Катю и Щастнаго. Шагъ за шагомъ, со всѣми радостями и горестями, передъ Катей развертывается исторія любви ея сосѣда по скамѣ. Торопясь, словно изъ боязни позабыть что-нибудь рассказать, срываетъ онъ завѣсу съ сокровенныхъ своихъ уголковъ:

— Мальчишкой еще, работая въ паровозномъ депо, среди грохота и стука машинъ, среди удушливаго запаха горѣлыхъ маселъ, я зналъ приступы тоски... то была тоска по степи, тяга къ чистому воздуху, свободной землѣ. Потомъ, въ періодъ нашего знакомства, когда я уже былъ приходскимъ учителемъ... у меня бывали безсонныя ночи... меня грызла обида за нашу бѣдную людскую долю. Послѣ, ты знаешь, Катя, дальнѣйшую мою жизнь. Поступленіе въ университетъ, полуголодная жизнь... баррикады, борьба за право на человѣческое... Это вѣчное кипѣніе, когда некогда ни о чемъ касающемся себя подумать. Мгновенія острой опасности, когда мысль напрягалась въ предсмертномъ ожиданіи... Да и что говорить, все это тебѣ гораздо больше извѣстно и понятно.

чѣмъ то, что мои слова могутъ разсказать. Жизнь, въ которой сгораешь во всю. И какъ не похожи, ни на что изъ бывшаго не похожи, тѣ волненія, которыя переживаешь у порога женщины, которую вдругъ полюбишь. Съ чѣмъ это сравнить, я не знаю, у меня нѣтъ словъ. Ахъ, Катя, что дѣлаетъ любовь съ человекомъ!

— Да,—поддакнула Катя, подумавъ о самой себѣ.

— Я вѣрю, что земля дождется новыхъ формъ общежитія, неизмѣримо лучшихъ. Я не допускаю, что могло быть иначе. Но вотъ всегда у меня возникаетъ вопросъ... а любовь? Вѣдь она принесетъ съ собой въ новую жизнь печали... она не можетъ измѣниться, она вѣчное, прирожденное человеку. Впрочемъ, можетъ быть, это необходимость, предусмотрительно созданная природой. Муки нераздѣленной любви, Катя, заставляютъ звучать всѣ струны твоего „я“. Быть можетъ, при счастливой любви я и не замѣтилъ бы многихъ тонкихъ переживаній... и творчество моихъ чувствъ осталось бы невыявленнымъ. Это не утѣшеніе для меня въ моемъ несчастіи... но, все-же, нѣсколько примиряетъ. Я думаю, что терніи любви будутъ тѣмъ, что станутъ двигать будущихъ людей къ созданію великихъ цѣнностей искусства. Будь я сейчасъ свободенъ, не зови меня къ себѣ работа, я создалъ бы... я чувствую это... пѣснь любви, въ которой бы отразилась вся безысходность тоски съ тончайшими переживаниями вдругъ рождающихся надеждъ.

Прокричалъ гудокъ на пристани.

Поднялись и молча, взявшись за руки, пошли; также молча остановились у сходенъ на пароходъ и смотрѣли въ нахмурившійся просторъ моря, близкіе, единочувствующие и бесконечно одинокіе.

О, любовь! Ты бываешь иногда только туманнымъ призракомъ и неуловимой, какъ греза. Но грезы таютъ... а ты, любовь, если неудачлива, ты живешь безъ конца!

Прогудѣлъ второй разъ пароходъ. Тѣмъ замѣтнѣе и замѣтнѣе шла на убыль.

Щастный, совершенно не подозревая, какую муку онъ причиняетъ Катѣ, проговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Я просилъ у нея въ знакъ того, что было, кивокъ головой... но она отказала мнѣ въ этомъ... и я ухожу съ страшной правдой... у меня былъ миражъ... я улыбался пустотѣ, я...

Катя почему-то вспомнила о тысячахъ русскихъ женщинъ, слѣдовавшихъ за любимыми въ изгнаніе, и у нея мелькнула мысль ухъать вмѣстѣ съ Андреемъ и постараться скрасить, чѣмъ это будетъ возможно, его бродячую жизнь. Но она быстро отогнала обаяніе милыхъ сантиментальныхъ страницъ, вписанныхъ въ книгу исторіи женами русскихъ декабристовъ. „Женщина равна мужчинѣ, какъ человѣкъ... она можетъ быть бойцомъ, и стыдно ей быть нянькой!“ И обратилась къ нему со словами:

— Не грусти... любовь—не все.

Щастный вздрогнулъ и медленно расправилъ плечи. Въ его движеніи было что-то сбрасывающее. Оглядывъ даль, что разметалась въ всевозможнѣйшихъ цвѣтахъ, и особенно долго остановившись взоромъ тамъ, гдѣ пурпуръ растворялся въ золотистомъ сіяніи, онъ твердо сказалъ:

— Ты права. Любовь не все. Человѣкъ живетъ среди другихъ, такихъ же, какъ онъ. Онъ не одинъ, и у него, какъ и всѣхъ людей, есть ихъ общее будущее. Ну, прощай, Катя!

И по мосткамъ шагаль онъ такой, какъ всегда, плечистый и сильный. Въ послѣднемъ взглядѣ его глазъ, который поймала Катя, была непреклонная сталь.

Медленно отчалилъ пароходъ.

Поднявшись на верхнюю палубу, глядылъ Щастный въ сторону берега, гдѣ бѣлой чайкой взвивался платокъ въ рукахъ Кати. Когда же все растворилось въ свѣтло-синемъ бархатѣ воды, онъ, закрывъ глаза, обратилъ лицо навстрѣчу огненнымъ вихрямъ восходящаго солнца.

К о н е ц ъ.

Книгоиздательство Н. Гудкова.

Рига (Латвия), Автоининская ул., 11.

Н а ш и и з д а н и я

(по новой орфографии):

1. **Н. Гудков. Наглядный русский бунварь.** \$ —,15
2. **Н. Гудков. „Русское Слово“.** Перв. кн. после бунваря. „ —,40
3. **Н. Гудков. „Русское Слово“.** 2-ая часть. Вторая книга для чтения. 2-ое издание. „ —,50
4. **Н. Гудков. „Русское Слово“.** 3-ья часть. Первая ступень в литературу. 2-ое издание. „ —,70
5. **Н. Гудков. „Русское слово“.** 4-ая часть. Вторая ступень в литературу. „ —,70
6. **Н. Гудков. Начальная практическая грамматика** для младших классов основных школ. 2-ое издание. „ —,30
7. **Н. Гудков. Практический курс русского правописания.** Грамматич. задачник. По новой орфографии. „ —,40
8. **Н. Гудков. Этимология русского языка** с материалом для устн. и письм. упражн. 3 изд., исправл. и дополн. „ —,25
9. **Н. Гудков. Синтаксис русского языка** с материалом для устных и письм. упражн. 2 изд., исправл. и дополнен. „ —,25
10. **Н. Гудков. Письменные упражнения** для изложения мыслей. Письмо по картинкам. „ —,25
11. **Н. Гудков. Пересказы, планы, темы и сочинения.** Письмо по картинкам. „ —,30
12. **Н. Гудков и А. Иовлев. „Русская Речь“.** Хрестоматия для старш. классов осн. шк. 2 изд., исправл. и дополн. „ —,85
13. **Н. Гудков. Теория прозы и поэзии.** 2-ое издание. „ —,30
14. **Н. Гудков. Орфографический словарь.** Словарь трудных для написания слов 14.000 слов. По новой орф. „ —,50
15. **Н. Гудков. Диктанты по новой орфографии.** „ —,70
16. **Н. Гудков. Новое русское правописание.** Сборник правил. „ —,08
17. **Н. Гудков. Первые шаги детского письма.** „ —,25
18. **Н. Гудков. Учебник русской истории** для осн. шк. „ —,50
19. **Н. Гудков. Сборник русских сказок** для мал. детей. „ —,15
20. **Н. Гудков. Сборник детских пьес** для школьного и домашнего театра. „ —,60
21. **Н. Гудков. Сборник стихотворений** для семьи и школы. С рисунками. „ —,15
22. **Н. Гудков. Книжка для малыток для вырезывания картинок.** „ —,25
23. **Н. Гудков. Дневник для записывания уроков.** „ —,05

24.	Азин. Агунишки. Пьеса для детей.	\$ —,15
25.	М. Остроухова. Грамматика английского языка.	, —,30
26.	А. Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке.	, —,15
27.	А. Пушкин. Евгений Онегин.	, —,25
28.	Е. Чириков. Коля и Колька.	, —,15
29.	Н. Телешов. Домой. (Бегство Семки.)	, —,15
30.	В. Короленко. Дети подземелья.	, —,15
31.	Ф. Достоевский. Коля Красоткин.	, —,15
32.	М. Гривский. Школьный хор. Музыкальная хрестоматия из русских народных песен. Ч. I.	, —,35
33.	И. Тургенев. Муму.	, —,15
34.	Н. Гоголь. Старосветские помещики.	, —,15
35.	А. Пушкин. Борис Годунов.	, —,25
36.	И. Тургенев. Бежин луг.	, —,15
37.	А. Грибоедов. Горе от ума.	, —,20
38.	М. Лермонтов. Мцыри.	, —,15
39.	И. Тургенев. Бирюк.	, —,15
40.	И. Тургенев. Хорь и Калиныч.	, —,15

РОМАНЫ (по старой орфографии):

41.	В. Крыжановская. Рекенштейны. Ч. I. Габриэль.	, —,45
42.	В. Крыжановская. Рекенштейны. Ч. II. Лилия.	, —,45
43.	Фр. Норрисъ. Сильная духомъ.	, —,45
44.	В. Крыжановская. Болотный цвѣтокъ.	, —,45
45.	Э. Уоллэсъ. Миллионная исторія.	, —,45
46.	Дм. Шумановъ. Домъ Радости.	, —,45
47.	В. Крыжановская. Въ иномъ мірѣ. Ч. I.	, —,45
48.	В. Крыжановская. Въ иномъ мірѣ. Ч. II.	, —,45

Н а с к л а д е :

Новоселов. Учебники по географии.

Эри. Учебники по геометрии.

Филарет. Катехизис.

Киселев. Алгебра.

— Геометрия.

Заленский. Учебник ботаники.

Саводник. История русской словесности.

— История русской литературы, ч. I.

— История русской литературы, ч. II.

Чельцов. Закон Божий.

Книгоиздательство Н. Гудкова.

Рига (Латвія), Антонининская ул., 11.

Телефонъ № 32056.

Почт. тек. сч. № 1714.

Книгоиздательство Н. Гудкова выпускаетъ

„Библіотеку избранныхъ романовъ“.

1-го числа каждого мѣсяца выпускается по одной книгѣ. Книги печатаются по старой орфографіи четкимъ и уборымъ шрифтомъ. Цѣна каждой книги въ Латвіи 1 латъ, въ Эстоніи—80 марокъ, въ Литвѣ—2 лита, въ Польшѣ—2 зл. 50 грош., во Франціи—10 франковъ, въ другихъ странахъ—45 ам. центовъ.

Деньги необходимо присылать одновременно съ заказомъ по адресу:

Latvijā, Rīgā, Antonijas ielā № 11. N. Gudkov.

Для г.г. книгопродавцевъ особенно выгодныя условія продажи. Дается скидка.

Требуются агенты для распространенія книгъ.

Принимаются рукописи для изданія.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу

1. В. Крыжановская—РЕКЕНШТЕЙНЫ. Ч. I. Габріель. Романъ.
2. В. Крыжановская—РЕКЕНШТЕЙНЫ. Ч. II. Лилія. Романъ.
3. Франкъ Норрисъ—СИЛЬНАЯ ДУХОМЪ. Романъ.
4. В. Крыжановская—БОЛОТНЫЙ ЦВѢТОКЪ. Романъ.
5. Э. Уоллэсъ—МИЛЛІОННАЯ ИСТОРІЯ. Романъ.
6. Дм. Шумаковъ—ДОМЪ РАДОСТИ. Романъ.